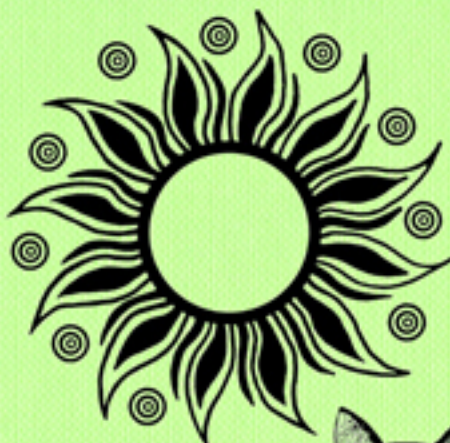

приют окаянных

Сергей Малицкий
Правила
КОЛДОВСТВА

Приют окаянных

Сергей Малицкий
Правила колдовства

« Автор»

2020

Малицкий С. В.

Правила колдовства / С. В. Малицкий — « Автор»,
2020 — (Приют окаянных)

Друг моего врага – мой друг. Хроники обучения магическому ремеслу.
Взросление с опасностью для жизни. О правилах, которые нужно соблюдать,
чтобы остаться в живых. Но что делать, если правила не действуют? Третья
книга цикла «Приют окаянных».

© Малицкий С. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	21
Глава третья	32
Глава четвертая	41
Глава пятая	57
Глава шестая	69
Глава седьмая	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сергей Малицкий

Правила колдовства

Пролог

Башни и идолы

Арданское лето и в горах лето, а уж на равнине, где зеленые тэрские рощи перемежаются столь же зелеными тэрскими лугами, да полно речек и озер, оно словно кушанье на королевском столе – и на вид ясно, что вкус чудесный, от аромата опьянеть не мудрено, а уж если доведется поднести к устам, лизнуть, а то и откусить малую толику, никогда не забудешь вкуса, захлебнешься от сладости со свежестью пополам, а придется отправиться куда подальше, будешь оборачиваться и шептать как помешанный – лето, лето, лето, мать твою...

Понятное дело, Ардана – край обширный, три тысячи лиг можно отмерить, что с севера на юг, что с востока на запад и это еще и без гор, да и мест благословенных в Ардане полно, но Тэра есть Тэра. Сердце Арданы, голос ее и твердый взгляд. Край благодати и милости. Мякотка, как говаривали, потирая привыкшие к деньгам ладони, арданские купцы, вступая в пределы самого вольного арданского королевства, которое, тем не менее, не только не казалось мягким, но и отчего-то не разваливалось на части и вполне себе богатело и становилось все сильнее с каждым годом и с каждым новым королем, что сменяли друг друга не по ухищрениям и коварству, а согласно династического наследования и строго распорядка.

А ведь случались на этой земле и страшные времена. Одна тысяча двести семьдесят восемь лет минуло с того дня, как обрушилась Черная башня в стольном Тэре, погребя под собой ужасного правителя, что едва не вовлек в огненную напасть всю Ардану. Важной была та погибель, если уж новое летоисчисление с нее ведется, хотя и не обошлось в той давней истории без святого мученика Нэйфа, да раскинется его благословение надо всей этой землей.

Да только что такое для нынешнего арданца тысяча лет, если он и прошлое лето едва помнит? Вы бы еще спросили у него, что случилось десять или двадцать тысяч лет назад. Спора нет, каждый год боли и муки этой земли принят к учету в книгохранилищах Храма Присутствия или Храма Святого Нэйфа, да только кто читает те свитки? Да и зачем обычному арданцу эти хлопоты в благодати и неге? К чему помнить вкус пива из прошлогодней кружки, если нынешняя у губ? Пей, счастливый или горемычный обыватель, лето через край, утирай губы, делай новый глоток, обливайся и пропитывайся этим летом с головы до пят, на весь год его должно хватить, точно до следующего лета, лишь бы боги не поскупились и повторили и это солнце, и этот теплый ветер, и эту зелень вокруг, и, что главное, мир и спокойствие. Дорогого стоят, но не оценишь, пока не утратишь. Придет время, каждый счастливый миг вспомнишь, еще завоешь от тоски и невозможности их вернуть. А пока... лето.

Худощавый и крепкий, скорее молодой, чем старый путник, хотя и уже далеко не юнец, вошел в пределы срединного тэрского городка с юга. Вошел точно в середине лета и почти точно в полдень – за час или за два до того знойного мига, когда солнце почти полностью подымет тени лошадей, повозок, шатров и навесов на главном крестьянском рынке королевства, что занимал всю центральную площадь Фатача. Вошел припорошенный пылью и слегка вымотанный дальней дорогой, во всяком случае, сапоги его были стоптаны, и пыль развеивалась из дыр под их носами при каждом шаге. Одежда его была черной, что никак не располагало к долгой дороге под палящим солнцем, но выкрашенный охрой деревянный диск на груди путника разрешал и эту несурзность; служителю Храма Присутствия выбирать одежду не приходилось: и черная сутана с капюшоном из тяжелого сукна, и такие же черные порты, и те же

сапоги с коротким голенищем – все это было видано и перевидано тысячи раз и не возбуждало излишнего любопытства. Святой братии от двух главных храмов Арданы и множества храмов поменьше немало бродило по тэрским дорогам.

Другое было удивительным. Уставший священник вел под уздцы черного как смоль жеребца, на котором не было ни седла, ни какой-нибудь сбруи, кроме накинута на голову узды, и опирался при ходьбе о землю затейливым посохом или из черного дерева, или вымороженного в черный цвет. И на то, и на другое можно было бы и не обратить внимания, но лошадь была столь хороша, что за нее даже не слишком ушлый купец легко бы выторговал целый табун неприхотливых и незаменимых в крестьянском ремесле сноских лошадок, а посох был так искусно покрыт медью, особенно у наверхия и у пятки, что казалось, будто лучшие тэрские ювелиры трудились над ним. Правда, самая его середина была еще и опоясана серебряной застежкой, словно древнюю деревяшку кто-то переломил однажды, но по всему выходило, что сей ущерб никак не умалил ее ценности. Об этом или о чем-то похожем думал всякий зевака, что попадался на пути путника, пока тот пробирался по сельским улицам не такого уж маленького города, пусть даже дома выше двух этажей в нем были редкостью, но мысли эти были недолгими. Стоило тому или иному праздному бродяге разминуться с загадочным встречным, как горожанин по непонятной причине тут же забывал о странном зрелище и только какое-то время недоуменно морщился и подергивал головой, словно пытался вспомнить о каком-то важном деле, существо которого вроде бы мелькнуло в ворохе хлопот, но тут же развеялось без остатка. Между тем путник уверенно пробирался к городскому рынку и как будто вполголоса разговаривал с идущей за ним лошадей, хотя та, вроде бы, вовсе не участвовала в беседе, или говорил еще с кем-то, конечно, если не беседовал сам с собой по причине сумасшествия или какого-то каприза. Во всяком случае, если бы какой ловкий фатачский пройдоха осмелился подобраться поближе к незнакомцу, да сумел разобрать его негромкую речь, вряд ли бы он что-нибудь понял, поскольку собеседник странного храмовника был не только невидим, но и неслышим.

– Да, ваше всемогущество, – негромко говорил путник. – Нет, о месте во главе круга я не радею. Не по чину мне вождельть стезю, по которой идут те, кто сильнее и мудрее меня. Да, я буду выполнять все, что мне велено, без сомнений на любом месте, забота о колыбели и об очаге не менее важна, чем круг. Лишь одно меня тревожит, стоит ли тратить накопленные за долгие годы силы для этого обряда? Когда еще мы сможем внимать вашей мудрости, неужели останемся без присмотра? Что нам эти маола из Фоскада? Может, когда-то они и были вашей гвардией, но те времена давно минули. Неужели мы сами не можем разобраться с убогими...

На этом месте собственного говора путник как будто споткнулся, побледнел, видно слышимый только ему ответ был жестким, во всяком случае словно судорога скрутила его руки, посох зазвенел, волочась за путником по мостовой Фатача, жеребец недовольно замотал головой, но храмовник уже тряс головой, слизывая выступившую из носа кровь и, слегка заикаясь, цедил вполголоса:

– Да, ваше всемогущество. Слушаю и повинуюсь. Ясность высших сил мира сего не должна быть очевидной для слабых. Нет ничего важнее явлений частей и слуг твоих, и прочие слуги, что служили тебе прежде, должны вернуться к прежней службе или перейти в стан твоих врагов с наибольшим ущербом для себя. Все понял, а если чего не понял, Олс благословенный словно старший брат или мудрый отец наставит и разъяснит. Все понял, ваше всемогущество, все понял. Слушаю и повинуюсь.

В странном храмовнике не было и тени подобострастия, хотя тот, с кем он говорил, судя по тону служителя храма, мог уничтожить его одним своим невидимым дуновением. Нет, храмовник словно претерпевал муки, к которым готовился всю свою жизнь, хотя, кажется, пережил их немало, поскольку в распущенном вороте сутаны, все же жара донимала его, из-под тонкой камизы проглядывали страшные шрамы, как будто однажды ему пришлось пройти через

огонь. Сохраняя достоинство даже через боль, путник затвержено повторял что-то о высокой чести и полном повинении до того самого мига, в который подошел к южным воротам ярмарки и с поклоном показал старшине фатачского дозора дорожный ярлык и купчее уведомление на право продажи лошади.

– Нэмхэйд, – с трудом разобрал буквицы на полоске пергамента стражник и с восхищением прищурился. – Это чего же Храм Присутствия распродает такую красоту? И почему здесь, а не в Тэре? Пожалуй, тут и мошны под такой товар не найдется.

– Другое дело у меня здесь, – спокойно ответил путник, глядя в глаза стражнику. – Но о нем я говорить не могу.

– Все у вас так в храме, – хмыкнул стражник, возвращая ярлык. – Таинства разные. Службы. А у нас здесь просто. Привел товар, продавай. А не хочешь продавать, проваливай. Мне все равно, конечно, а у тебя язык отвалится отбрехиваться.

– Я ненадолго, – холодно улыбнулся путник. – Не отвалится.

– Я присмотрю за тобой, – пообещал стражник. – Только ты умойся, кровь у тебя под носом, от жары наверное. Смотри, солнце в эту пору палит нещадно. Да, если сторгуешь лошадку, все одно без торгового сбора не выйдешь с ярмарки.

– Нет, – помотал головой путник. – Ты меня и не вспомнишь.

– У меня хорошая память, – засмеялся стражник, но путник уже прошел через ворота и смешался с толпой.

Народу было на торжище немало, хотя основная торговля обычно случалась по осени, к уборочной и первому обмолоту, но и теперь торговые ряды не страдали от скудости. Овощей и фруктов, во всяком случае, было полно, и между рядами бродили не только фатачские хозяйки с корзинами, но и хозяева окрестных ферм, самое время было прикупить инструмент, прицениться к семенам на следующий сезон да и просто перекинуться словом с друзьями и соседями. Путник с красавцем конем в поводу заставлял их с восхищением замирать на месте, но едва различимое сквозь ярмарочный гомон постукивание посоха по заплеванным камням рыночной площади словно сдерживало их от пустобольства, вряд ли в кошельках даже всех рыночных торговцев скопом имелась и половина стоимости этого жеребца. Тем временем путник добрался до середины площади, остановился неподалеку от торговца семечками, рассыпающего их берестяным кубком по кулям и мальчишеским карманам за медные гроши, и опустил на колени, смахивая пыль с черного камня, что был частью мостовой, хотя и превосходил размером окружающие булыжники в несколько раз.

– Обронил что или камешек приглянулся? – засмеялся торговец. – Не выковырнишь, пытались уже. Он, похоже на пару локтей в землю уходит, если не больше. Плита, наверное, была могильная когда-то. Или еще какая пакость. Не стоит и корячиться. У камнерезов тебе любую плитку за гроши подберут. А за такого коня и дом из нее построят.

– Замолчи, – щелкнул пальцами путник, и торговец заткнулся тут же. Остекленел взором, замер, опершись коленями о мешок, уронил внутрь него кубок.

– Пяти хватит, – еле различимым шелестом пронеслось над ярмарочной площадью или же сам путник прошептал что-то услышанное только им, но странный черный посох поднялся на локоть от мостовой и с едва различимым звоном коснулся черного камня, после чего словно безмолвие окутало и путника, и его жеребца, и ближнего торговца, и мальчишку, замершего у мешка с семечками, и дородную фатачскую хозяйку с корзиной со снедью, и то ли нищего, то ли прощелыгу, с воровским умыслом волочащегося за этой хозяйкой, и широкоплечего седобородого деда с уздечкой в руках и седлом подмышкой, что явно собирался прицениться к черному жеребцу. Окутало и встало едва различимой мутной стеной, поднялось посередине площади невидимой башней, разом отвратив взоры и от черной лошади, и от храмовника, и от торговца семечками, и от всех, кто оказался внутри этой башни, словно не было их на этом месте секунду назад.

– Сам не свернись, – прошептал храмовник, повторяя только ему слышимые слова, мгновение разглядывал собственные ладони, затем прикоснулся к лицу, подхватил потеки крови под носом и размазал их по скулам.

– Не медли, – сказал он через секунду, прошептал еще что-то совсем уж неслышное, вытащил из-за пояса короткий нож с черным диском на гарде, прикоснулся к нему губами, приложил его ко лбу, затем потянул к себе лошадь и внезапно ударил ее ножом в горло. Ударил сильно. Так сильно, что кулак его со стиснутой в нем рукоятью ножа почти скрылся в плоти животного, которое захрипело, рванулось было куда-то вверх и в сторону, но тут же замерло и упало на колени, едва не придавив храмовника. Он отшатнулся и посмотрел сначала на руку, со стиснутым в ней ножом, на которой не было и следов крови, а потом на жеребца. Тот истаивал.

Головы у него уже не было. Она словно исчезла в страшной ране, в черном пятне, в которое та обратилась, вывернувшись наизнанку в невидимое ничто, и теперь в этом же пятне исчезала и прочая плоть лошади – ее лоснящаяся на жаре шкура, могучие плечи, ноги, спина, круп, хвост. И вслед за ними в ней же исчез и торговец семечками, и мальчишка, и хозяйка, и ярмарочный вор, и старик, и исчезло бы как будто все, если бы это черное пятно – рана не захлопнулось и не исчезло. Или же не ушло в черным камень.

Храмовник опустил на колени, прикоснулся к камню и тут же отдернул руку, поскольку камень оказался горячим.

– Дело сделано, – сказал он, поднялся, отряхнул пыль с коленей, щелкнул пальцами, стирая мутную башню, и скрылся в толпе.

* * *

В тот же самый день и час, через мгновение или через минуту после совершения странного обряда в центре ярмарочной площади Фатача более чем в двух сотнях лиг на северо-запад у небольшого острога на краю Бейнского леса, что охранял древнюю заброшенную дорогу, пронзающую страшный лес точно посередине, стражник почувствовал холод, облизавший его лицо. Словно в самое полуденное пекло долетел ледяной выдох с дальнего севера и отвесил ему пощечину. В следующее мгновение этот холод пронзил по древней дороге весь Бейнский лес, заставив в ужасе пригнуться и прижаться к затянутым мхом камням пересекающую заброшенный путь свору волков-имни.

На Бейнской заветри, которой заканчивалась заброшенная дорога, холод обрел силу и резким порывом сбил с ног молодого кузнеца, который вздумал возобновить кузницу на месте уже старого пепелища.

Затем холод покрыл рябью плес Курсы под Бейнской заветрью и унесся по северному тракту к Бейну.

На окраине руин великого города он уже напоминал сгусток черного дыма. Через сотню лиг показался бы черным полотнищем. А еще через четыре сотни лиг, в дальнем краю, куда не забредают ни купцы, ни странники, у древних башен Фоскада, укрывающего от незваных гостей благословенную долину маола, был черным всадником.

У начала длинной лестницы, сложенной из белого камня, что поднималась к трем башням, перекрывающим вход в долину, и длинной дороги, петляющей по горному склону вдоль нее, всадник спешил и, сбросив на плечи капюшон черной сутаны, оказавшись тем самым продавцом семечек, стал подниматься по ступеням. Их было пять сотен до главных ворот и двух изваяний причудливых имни – с оскаленными пастями, звериными лапами, колючими гребнями и драконьими хвостами, стоявших справа и слева от чеканных створок, но добравшись до самого верха торговец даже не смахнул со лба пот. Между изваяниями, каждое из которых превышало рост человека в два раза, стояли пять стражников, потребовавших у торговца назвать свое имя и показать подорожную, но торговец не произнес в ответ ни слова. Он

пошел на них с голыми руками, а когда они обнажили мечи, схватился в рукопашную, отнял меч у одного из них и убил всех, но будучи израненным, не упал, истекая кровью, а обратился в мальчишку, что замер полчаса или час назад у мешка с семечками на рынке Фатача и, окунув руки в кровь, с трудом дотянулся до морд застывших словно перед прыжком изваяний и вымазал им клыки.

В крепостном дворе, что начинался за воротами, мальчишку, который волочил за собой меч, посекали стрелами, но, обратившись в фатачскую хозяйку и приняв в себя еще с десяток стрел, он добрался до внутреннего бастиона и поднялся на его площадку уже в виде ярмарочного вора, где срубил всех защитников крепости, несмотря на то, что многие из них слыли искуснейшими меченосцами Арданы. В главное хранилище Фоскада заходил уже седобородый дед. Там его ждали двадцать лучших воинов во главе с худом стариком, облаченным в посеребренный доспех, совпадающий цветом с цветом его седых волос. В руке старик держал небольшой резной жезл, украшенный рубинами и большим бриллиантом вместо навершия.

– Бесплезно, – проскрипел старик. – Здесь был этот выскочка Нэмхэйд, был Олс, верный слуга Дайреда, был, прикрываясь тенью своего ножа, его отзвук Экрас. Фоскад ответил каждому одно и то же: маола больше не гвардия Дайреда. Мы не враги этой земле. Кто ты? Чего ты хочешь?

– Маола больше не гвардия Дайреда? – удивился дед, отбросил меч, полез за пазуху и извлек оттуда черный свиток, увидев который, старик с жезлом побледнел до цвета собственных седин. – А что тогда делать с этим?

Дед развернул свиток, прищурился, водя пальцем по алым буквицам, и с хохотком прочитал:

– «А если мы нарушим нашу клятву, пусть наши жилища обрушатся на наши головы, пусть наши источники наполнятся ядом, пусть наши нивы сгорят, пусть наши заклятья обернутся против нас, а мы сами будем прокляты».

– Это клятва не действует! – закричал старик. – Та война окончена тысячи лет назад. Даже по закону тридцати трех колен мы уже разменяли это родство! Мы не в ответе за далеких предков!

– Неужели? – удивился дед. – А как же ты, Арса? Или ты не исчислял своих предков? Ты и есть тридцать третье колено от последнего главы гвардии. Пусть даже и сжимаешь в руке жезл с фальшивым камнем. Долголетие твоего рода сыграло с тобой плохую шутку, приятель. Тридцать три поколения людской род может разменять и за семь сотен лет, и даже быстрее. Но ведь ты маола. Забыл? За твоей спиной тысячи лет.

– Кто ты? – замер старик.

– Какая разница? – спросил дед, поднимая над головой свиток. – Так что делать с этим?

– Мы не враги этой земле, – повторил старик, не выпуская из руки жезла и с трудом вынимая другой рукой меч из ножен.

– В третий раз спрашиваю, – устало покачал головой дед, глядя, как окружающие старика воины тоже обнажают мечи, – что мне делать с этим?

– Ты ничего не сделаешь с нами, даже если весь Черный круг заявится сюда, – крикнул старик. – Этот жезл силен даже без камня воды! Будь ты даже самим Дайредом! У тебя нет здесь силы! А твои стражи без камня воды ничто!

– Не совсем, – вздохнул дед. – Хотя бы на полчаса их хватит и без камня. Вам ведь больше и не надо? Маола ведь стали уже не те? Так что мне делать с этим?

– Вот наш ответ! – поднял над головой меч старик и в тот же миг за его спиной щелкнул самострел и стрела пронзила сердце деда.

Но тот не упал. Тот, кто спешил у начала белой лестницы, кто только что был торговцем, мальчишкой, хозяйкой, вором, дедом, не упал. Он обратился в высокого молодого воина, который по-прежнему держал над головой свиток. Воин сокрушенно покачал головой.

– Когда уже вы научитесь... Если бы эта стрела убила Арсу, я бы ведь и в самом деле ушел отсюда не солоно хлебавши. Ну, скорее всего, ушел бы. Наверное... А так-то...

– Дайред? – сдавленно вскрикнул старик.

– Почти, – ответил воин, и вслед за этим свиток над его головой вспыхнул, и почти сразу переломился, рассыпался пеплом жезл в руке старика и тот, воя от боли, начал складываться в кучу истлевающей плоти, и воины с обнаженными мечами попятнулись к дальней стене, потому как откуда-то снаружи донесся треск и грохот, и истошные крики, и пыль посыпалась с перекрытий.

– Измельчали маола, – с презрением произнес воин и, прежде чем рассеяться дымным вихрем, добавил. – Даже ваш жезл оказался поддельным. Что ж. Дальше я уже буду говорить с каждым по отдельности. Может быть...

И вслед за воином рассеялся вихрем оставленный у начала лестницы черный конь.

А два оживших стража Фоскада между тем рушили древний замок. Источники долины уже были наполнены ядом. Нивы занимались пламенем. У древних чудовищ было меньше часа, до того как они должны были рассыпаться в прах. Но они успевали.

Часть первая Каверзы и уловки

Глава первая Зерна и плевелы

Осень едва перевалила через неделю, но успела все переиначить. Остудила вечера и ночи, заострила тени, обесцветила луг и небо, присыпала лес желтым и раскрасила лишайники на скалах вокруг Приюта Окаянных в красный цвет. Лишь с солнцем пока не сладила, поэтому, когда утреннее светило нащупывало лучами башни Стеблей с их лицевой стороны, в Медвежьем урочище оживало сонное лето. Из домика возле перехода к крепостным воротам выбирался седой старик Тид и, чтобы не упустить ни единого полагающегося ему солнечного луча, усаживался на скамейку, что была устроена с восточной стороны жилища. В лиге от его домика, торопясь подвести под крышу новый скотный двор, стучали топорами расторопные слайбы, и Тид шурился, пытаясь разглядеть, ладно ли у них идут дела.

Ближе к полудню солнце уже вовсю прожаривало верхние ярусы Приюта Окаянных, на которых, то и дело припадая глазом к подзорной машине, маялся седой стражник Айран, а после полудня постепенно переносило остатки лета в крепостной двор. По случаю свободного дня там раздавались шум, гам, визг и творилась свойственная этим звукам всяческая суэта. Возле забитых в каменную твердь крепостного двора четырех столбов с закрепленными на них корзинами шла яростная игра в два мяча, (хотя мяч для облегчения судейства над головами взлетал один), тут же через веревку прыгали девчонки и гонялись друг за другом, стараясь «осалить», – мальчишки.

Чуть в стороне – на плите, служащей основанием гранитной вазы, что возвышалась в самом центре крепостного двора, а точнее на прилаженной сверху широкой доске, – жмурился солнцу толстый рыжий кот. В паре локтей от него, обхватив плечи, сидел худой черноволосый мальчишка с длинным носом, которого звали Тисом. Лет ему было всего одиннадцать, но всякий дал бы ему на пару тяжелых лет больше. Наверное потому, что вид он имел бледный и изнуренный, словно только что встал на ноги после тяжелой болезни, что в общем-то как раз так и было. И за плечи он держался по той же самой причине, даже горячее осеннее солнце не могло выгнать из его худого тела судорожного озноба.

– Сейчас-сейчас, – прошептала одна из трех подкравшихся к Тису со спины девчонок – темноволосяя, как и вся троица, соорудившая из своих локонов две тугих косы, отчего ее широко открытые глаза казались еще больше, и вдруг пробасила. – Кто это?

– Дина, конечно, – угадал Тис, ощупывая закрывшие ему глаза пальцы второй девчонки из троицы – темноглазой разбойницы с острым носом и стянутыми в упругий хвост роскошными черными кудрями. – Хотя голос был Йоры. Как дела? Опять ходили на среднюю башню?

– И опять ничего не проглядели, – вздохнула Дина, беря кота на руки и садясь рядом с Тисом. – Нет там ничего. Просто камень и все. Или мы слепые и глухие. Кстати! Как ты нас всегда угадываешь? Пальцы у нас одинаковые, даже пахнут они одинаково. Специально одну и ту же карамель сосали и пальцы облизывали. Или у тебя глаза на затылке?

– Я же тебе объясняла, – улыбнулась третья, тоже черноволосая, но чуть смугловатая и как будто старшая среди троицы, хотя в уголках рта у нее таилось хулиганства больше, чем у всех собравшихся у каменной вазы вместе взятых. – Спутать невозможно. Дело не в запахе и не в схожести пальцев. Это как... твоя суть. То лицо, что внутри тебя. Его же не подделаешь.

– И Тис это видит? – заинтересовалась Дина. – И ты, Гаота, ведь тоже это видишь?

– У каждого свои таланты, – заметила Гаота.

– Вот демон, – стиснула кулаки Дина. – Вот бы и мне так видеть любую суть.

– Не дай бог, – хихикнула Йора, – ты так и замуж-то никогда не выйдешь. Мало ли чего в избраннике вымотришь? Идеальных людей нет.

– Больно хотелось замуж, – скривилась Дина. – Во-первых, мне еще только одиннадцать лет. Рано мне еще замуж. А во-вторых, главное, чтобы он сам во мне ничего не высмотрел, а я-то уж как-нибудь справлюсь с его недостатками.

– Пайсина говорит, что самая большая ошибка, это пытаться переделать человека, – заметила Гаота.

– А что же она сама делает? – не поняла Йора. – Она же учитель!

– Она не об этом, – покачала головой Гаота, подошла к Тису и положила ему руки на плечи. – Она о любви. Правда, до конца я так и не поняла. Странная она стала как будто. То говорит, что того, кого любишь, нельзя переделывать, то говорит, что когда любишь, не видишь недостатков. Как-то это все не сходится.

– Не стоит, Гаота, – мотнул головой Тис, пожившись от прикосновения девчонки. – Ты устанешь, а я через пару часов вновь буду трястись от озноба. Это же не болезнь. Сейчас Джор принесет горячий ягодный отвар с медом и пару пирожков. А может и не пару. Всем хватит.

– Я лучше знаю, стоит или не стоит, – поджала губы Гаота и закрыла глаза. – Я просто должна понять...

Она и в самом деле не могла понять, что происходит с их приятелем. Того темного клубка, который Гаота разглядела в нем при первой встрече, теперь не было. В Тисе теперь как будто вообще ничего не было. Он был выскобленной вазой. Выскобленной до крови на внутренних стенках. Гаота снова и снова пыталась проглядеть его изнутри, но не видела ничего. Вот только невидимая рана, оставшаяся от вырванной из Тиса чужеродной силы, не затягивалась. И на пальцах у нее всякий раз оставалось что-то вроде прозрачной пленки.

Гаота зажмурилась и потрясла руками. Нет, вроде бы показалось. Тем более, что она прикасалась ладонями к одежде.

– Ну? – спросил Тис. – Спасибо, что не пыталась наполнить меня силой. Что ты разглядела?

– Ничего, – с огорчением надула губы Гаота и присела с другой стороны от Тиса. – Сам-то что чувствуешь? Неужели не было облегчения, когда избавился от той тяжести?

– Разве я говорил, что то ощущение было тяжестью? – удивился Тис. – Оно было дикой болью и огромной силой одновременно. Или ее соблазном. Я радовался, что избавился от боли. И теперь радуюсь. А силой... Силой я все равно бы не воспользовался. Той силой. То, чем я воспользовался во всей этой истории, было моим, не влитым в меня кем-то. Но сейчас и этого нет. Я как будто отравлен. Кто-то словно вливает в меня яд. По одной капле каждый день. Чтобы я не умер, но и не жил. Или чтобы умирал долго и медленно.

– Но я ничего не вижу! – в отчаянии воскликнула Гаота. – Я даже хулиганку Глойну вижу, когда она становится невидимой для всех остальных. Я должна видеть! Но я не вижу...

– Неправда! – раздался веселый голос и возле Гаоты словно соткалась из воздуха маленькая, но очень озорная девчонка. – И вовсе не всегда ты меня видишь!

– Только тебя тут не хватало, – хором произнесли Дина и Йора.

– Я тоже не вижу того, что со мной, – поежился Тис. – Знаешь, иногда мне кажется, что я не на то смотрю. И эта ерунда у меня перед глазами, а я просто не обращаю на нее внимания. И все равно сейчас мне куда легче, чем раньше. Это лучше, чем та боль. Возможно, мне просто нужно больше времени. Или найти в себе силы и возобновить утренние пробежки. Правда, кое-кто все-таки что-то видит. Или чувствует. Дина, дай-ка мне Брайдика.

Тис повернулся к Йоре, наклонился и подхватил мурчащего кота, который словно по инерции еще мурчал секунду, но затих, как только оказался в воздухе, а когда Тис опустил его

к себе на колени, расширил глаза, прижал уши, оскалил клыки, зашипел, вырвался из рук и, подняв хвост трубой, побежал в сторону дома учеников.

– Ты его ущипнул, что ли, Тис? – удивилась Глойна.

– С ума сойти! – воскликнула Йора. – Такого точно никогда не было!

– Ну почему же? – пожал плечами Дина. – На Мисарту он тоже раньше шипел. И на Йоку как-то шипел. И на Флича. Даже на добряка Грана. А уж Бейда он вообще не выносит. Это как в любви. Кто-то нравится, а кто-то нет. И объяснить это невозможно.

– Получается, что Тиса наш Брайдик разлюбил? – спросила Гаота.

– Эй! – донесся голос еще одного подростка, ровесника засевшей у каменной вазы пятерки, не считая, конечно, Глойну. – Что это Брайдик от вас убежал? За хвост дергали? Он этого не любит! А я как знал, что вы тут соберетесь. Чашек, правда, всего две, зато ягодного отвара целый кувшин. И меда я тоже не пожалел. И пирожков принес на всю компанию. И даже с запасом!

– Джор! – с досадой нахмурилась Йора. – Обед же был только час назад!

– А то я не знаю, – поставил около вазы кувшин и похлопал себя по животу мальчишка с добрым и как будто чересчур доверчивым лицом. – Или ты боишься выиграть конкурс на самую толстенькую подругу Гаоты?

– Если что, я этом конкурсе тоже участвую, – засмеялась Гаота. – И претендую на первое место. Отвара я могу подождать, а пирожок хочу получить немедленно.

– И я! – пискнула Глойна.

– Сейчас, – засуетился Джор. – Но сначала и отвар, и пирожок Тису. Кажется, его снова бьет озноб. Надо было одеяло принести.

– И подушку, – обхватил плечи руками Тис. – Вот будет пример для новеньких.

– Держи, – протянул Тису чашку и пирожок Джор. – Вторую чашку я собирался дать самой худенькой из троих. И самый большой пирожок тоже ей. Но, появились новые участники. Внимание! В конкурсе выигрывает... Глойна!

– Наконец-то, – расплылась в улыбке Глойна.

– А ведь могла бы выиграть и Дина, – заметил Джор. – Но эти прозорливые невидимки...

– А будете обзывать, – пообещала Глойна, – я опять стану невидимой, и вы будете видеть, как я жую и глотаю. Вредину Фаолу вчера вырвало.

– Ой, – испугался Джор.

– А ты неплохой парень, – заметила Дина. – Надо будет к тебе присмотреться!

– Я ослышалась? – хихикнула Йора. – Кому-то, кажется, еще только одиннадцать лет!

– А ему разве больше? – парировала Дина.

– Вы о чем это? – начал краснеть Джор.

– Ты сам-то присматривался к Тису? – спросила Гаота Джор. – Ничего не видишь?

– Что я могу увидеть, если даже ты так ничего и не рассмотрела? – вздохнул Джор. – Может быть, и увидел бы, если бы Тис расплел мои ветви, но боюсь этого. Снова начнут мертвецы мерещиться по углам. Нет, я знаю, что они мне не мерещатся, что замок на самом деле наполнен тенями героев, но... не хочу. Но на Тиса я смотрел...

– И что? – не унималась Гаота.

– Он какой-то мутный, – откусил сразу половину пирожка Джор. – Не как раньше. Словно в тумане. Или в этом...

– В саване, – подсказал Тис. – Кстати, именно это я и чувствую. И запах тлена мерещится неотступно.

– А что Гантанас? – спросила Йора.

– Гантанас занят, – пожал плечами Тис. – Причем чем-то очень важным. Да и вернулся он только сегодня. И с ним Брайдем.

– Через полчаса общий сбор, – напомнила Дина, с наслаждением уплетая свой пирожок. – Но он пройдет почему-то в лесу Орианта. Глойна, дай-ка глотнуть из твоей чашки, пока я не подавилась от жадности.

– Ты не знаешь, разве? – удивился Джор. – Тело Спрая привезли. Его собираются похоронить там. И посадить над его могилой молодой кедр. Весь лес Орианта высажен так.

Гаота замерла. Как она могла забыть? Точнее, как она могла не догадаться, что это был за сверток, который вчера несли стражники через четыре предела? Ну точно, Скин, Купан и Киуин и ездили за телом. Самые близкие друзья светловолосого воина с голубыми глазами, светлой шевелюрой и правильными чертами лица. Пожалуй, среди взрослых он был третьим объектом девичьего обожания. Сразу после Юайса и Роута.

– Известно, как он погиб? – спросила Йора.

– Присутствовали только Гран и Йока, – пожал плечами Джор. – Там же была еще и Мисарта, но она ничего не помнит. Йока, кстати, тоже ничего рассказать не может. Хила говорит, что Мисарту зацепило, как и Спрая, но вскользь. Неопасно. Вышибло час жизни из головы, да слегка лицо опалило. Она сейчас как раз в той комнате, где Тис лежал. Но, наверное, выберется через пару дней. А Флича вообще там не было, они как раз за ним ехали.

– Повтори еще раз, – отставил чашку в сторону Тис. – Где это произошло?

– Ну, я ж с чужих слов, – почесал затылок Джор. – Синай при мне рассказывал Уинеру. Да и он ведь не был свидетелем, тоже передавал слова Грана, наверное. Они же так и отправлялись на каникулы. Гран, Спрай, как охранник, и трое учеников. Флич, Мисарта и Йока. Вы же сами знаете!

– Повтори, – попросил Тис, с трудом удерживая бьющий его озноб.

– Да пожалуйста, – хмыкнул Джор. – Гран ехал в Труар к брату, заодно и вызвался приглядеть за Фlichem, Йокой и Мисартой. Флич из деревни под Корклой, это недалеко от Труара. А Йока из самого Труара. Там у нее родители. И брат Грана тоже из Труара. А родители Мисарты из Тимпала, но они уехали куда-то в Нечи. Это далеко.

– Я знаю, – прошептала Гаота.

Сейчас ей самой казалось, что ее начинает бить озноб.

– Ну и все, – пожал плечами Джор. – Оставили Флича в его деревне, добрались до Труара. Там Йоку и Мисарту встретили родители Йоки, Гран их передал с рук на руки, можно сказать. Спрая те тоже приютили, у них там большой дом. Гран уехал к брату. А через две или три недели, как было уговорено, вернулся за девчонками. Ну, наверное, где-то те наследили, сболтнули, что они из Стеблей. Или просто напоролись на какого-то колдуна, который подбирает себе молодую поросль в ученики.

– Черный Круг набирает молодую поросль, – прошептал Тис.

– Может и Черный Круг, – помрачнел Джор. – Они немного не доехали до деревни Флича. Уже сады были видны. Мисарта отстала, у нее лошадь закапризничала, и Спрай вернулся за ней. Ну, тут их и настигли. Гран говорит, что было три всадника, один из них – сильный колдун. Спрай почувствовал неладное, якобы вскинул одной рукой Мисарту на свою лошадь и шлепнул ее по крупу. Я про лошадь, конечно. Ну и преградил дорогу этим... Гран почувствовал опасность, помчался обратно, но не успел. Воины сразу стали разворачиваться, а колдун совершил какое-то колдовство, и Спрай упал замертво, а Мисарта, которая успела отъехать на полсотни шагов, только с лошади упала. Сильно ушиблась, кстати. Ну, а дальше все ясно. Эти трое развернулись и убрались восвояси. Гран же сильный маг. Ну, говорят все так.

– Почему же тогда у Мисарты лицо опалено? – спросила Гаота. – Почему не спина?

– А я откуда знаю? – пожал плечами Джор. – Может, обернулась?

Джор замолчал. На игровой площадке все так же шумели дети, лица оведал теплый осенний ветер, но здесь – у каменной вазы – повисла тишина. Глойна сдвинула брови, засопела, сунула чашку в руки Дине и исчезла.

– Как он умер? – спросила Дина.

– Паралич, – сказал Джор. – Не знаю, что за магия, но Гран говорит, что паралич. Все сразу встало – сердце, легкие, все. Гран попытался снять заклятье, привести Спрая в чувство, но у того хлынула кровь изо рта. Сердце стало хрупким, как скорлупа. Лопнуло.

– Как они довели тело? – спросил Тис.

– Ну, наверное, применили какое-то колдовство? – предположил Джор.

– Ни Скин, ни Купан, ни Киуин – не обучены магии, – заметил Тис.

– Значит, колдовство применил Гран, – нахмурился Джор. – Откуда я знаю!

– Я слышала, что они оставили тело на льду в погребке у соседей родителей Флича, – поежилась Йора. – А там уж... Есть много средств, чтобы не дать тлену взяться за тело. И это не обязательно колдовство. Что тебя беспокоит?

– Все, – пробормотал Тис. – Не могу объяснить, но все. Я бы всех расспросил. Родителей Йоки, саму Йоку, Грана, его брата, Флича, родителей Флича, соседей, Мисарту, родителей Мисарты, всех. Побывал бы на месте, где это случилось.

– И что бы ты узнал? – скривился Джор. – Половины этих людей не было на месте. А родители Мисарты вообще в Нечи. Что бы это тебе дало?

– Что-нибудь, – ответил Тис. – Или ты предпочитаешь искать потерянное на свету?

– Я предпочитаю не попадать в такую беду, – пробурчал Джор.

– Не все в нашей воле, – задумалась Гаота и посмотрела на Тиса. – А ведь я согласна. И это хорошая задача для всех нас на ближайшие дни. Понятно, что почти все перечисленные слишком далеки от нас, но хотя бы Гран, Йока и Мисарта здесь.

– Скажи еще, что и их лошади, – засмеялся Джор.

– И их лошади тоже, – серьезно сказала Гаота. – Спасибо за подсказку. Надеюсь, Капалла мне поможет.

– Нам поможет, – твердо сказала Дина.

– Именно! – поднялась Йока и вдруг побледнела. – Несут!

* * *

Они вышли из проездного двора, и Гаота сразу поняла, что тело лежало в караулке. Спрая, завернутого в светло-серую ткань, несли стражники Киуин, Купан, Скин и Крэйи. На верхней площадке средней башни застыл с поднятой над головой рукой Айран. Точно с таким же жестом замерли у выхода из караулки и Домхан с Крайсой. Они оставались на посту. За несущими тело ковылял старик Тид. Из библиотеки начали выходить наставники и мастера – Гантанас, Брайдем, Гран, Юайс, Деора, Роут, Пайсина, Бейд, Синай, Скриб, Капалла и Хиля.

Гаота оглянулась. Игры прекратились сами собой. Дети – и новички, и те, кто встретил в этих стенах второй год, столпились у открытых ворот Орлиной башни.

– Пошли, – поднялся Тис, и Гаота заметила, что у мальчишки дрожат колени от слабости. Она посмотрела на Джора, но тот уже обнял Тиса и стал поддерживать его под руку.

– Сердце болит, – прошептала Дина и, поймав испуганный взгляд Йоры, замотала головой. – Нет. Не так, как будто рвется, а так, как будто плачет. Будь я проклята. Почему так?

– Где твои родители? – спросила ее Йора. – Где мои родители? Где родители Гаоты? Родители Тиса? Оно давно уже плачет у каждого. И болит тоже давно.

И они пошли вслед за несущими тело стражниками, и вслед за детьми, которые, не толкаясь и пропуская друг друга, тоже стали проходить через Орлиные ворота и потянулись по тропе, по которой каждое утро совершали пробежку вместе с Пайсиной через лес Орианта к его дому, уже зная, что каждый кедр из поднявшихся в этом лесу был посажен над останками защитников Стеблей. Останками, которые были найдены в руинах крепости. Кажется, в лесу Орианта должно было стать на одно дерево больше.

Могила была выкопана недалеко от сторожевой башни близ Снежного ущелья. Возле ямы стояли Габ и Уинер с лопатами и сам Ориант с саженцем кедра. В ведрах поблескивала приготовленная вода. Жена старика Орианта Хила вышла из процессии и уткнулась носом в его плечо. Все собрались и выстроились между дорожкой и камнями, ограждающими обрыв. Все, кроме троих стражей, оставшихся на посту, и Мисарты, заточенной в больничную келью. Гаота взглянула на отливающий молодой хвоей лес Орианта и подумала, что очень редко стоят в нем деревья. Много в этом лесу места для новых ям и новых ростков. Стражники положили тело на землю и обнажили лицо Спрая. Оно казалось отлитым из воска. Но оно не было опаленным.

– Так случается, – заговорил подошедший к яме Гантанас. – Наш второй учебный год в этих стенах мы начинаем с траурной церемонии. С похорон нашего друга, нашего воина, нашего защитника.

Старший наставник и попечитель Стеблей говорил негромко, но каждое слово словно разносилось ветром и долетало до каждого уха. Гантанас говорил, плакал и не стеснялся своих слез. Гаота обернулась и поняла, что плачут почти все или все. Она коснулась ладонями своих щек и с удивлением поняла, что и она тоже плачет.

– Спрай сделал то, что должен был сделать, – продолжил Гантанас. – Он защитил тех, кого должен был защитить. Никто из воспитанников Стеблей не пострадал. Такова стезя настоящего воина. И такова будет стезя многих из вас. Я не хочу сказать, что многие из вас погибнут. Годы, которые предлагает вам ваша судьба для обучения в этих стенах, как раз и должны послужить вашей силе, умению и могуществу. Всему тому, что позволит вам не только защитить себя, но и, что является главным, защитить тех, кто будет полагаться на вас. Так, как сумел защитить тех, кто полагался на него, Спрай.

– Если бы не Гран, и Спрай бы умер без пользы, – услышала шипенье за спиной Гаота и, обернувшись, увидела Джая со стиснутыми зубами, который за лето окончательно превратился в молодого и крепкого парня. Она плюнула ему в ноги и поймала взгляд Тиса. Тот смотрел на нее с благодарностью.

– Я все сказал, – махнул рукой Гантанас. – Сегодня у вас день отдыха. Завтра тоже. А послезавтра я так же, как и все остальные наставники, буду ждать вас в своем классе. Наверное, надо бы придумать какое-то посвящение в ученики, что ли. Но пока в голову ничего не приходит. Но мы обязательно что-то придумаем. Может, и вы нам поможете. А теперь все свободны. Кто хочет, может простится со Спраем. Он был бы благодарен каждому доброму слову.

Гаота снова взглянула на Джая. Тот приподнял губу, посмотрел на Гаоту с презрением и ненавистью, плюнул ей под ноги в ответ, но в очередь тех, кто собрался пройти мимо тела Спрая, встал. Гаота почувствовала, что слева и справа к ней прижались Йора и Дина.

– Боюсь, что это не последняя смерть, – прошептала Йора.

– Это точно, – вздохнула Дина. – Наш летний поход так уж точно мог закончиться не так удачно. Да и тогда в тоннеле – едва...

– Тихо, – попросила Гаота и повторила еще раз. – Прошу. Тихо. Подождите.

Что-то должно было произойти, потому что что-то было не так. Она смотрела, как мимо тела проходят юные ученики, большинство из которых она не знала не только по именам, но и в лицо. Смотрела, как шепчет что-то Хила. Как вытирает слезы Капалла. И Деора кажется бледней, чем обычно. И Бейд, ненавистный Бейд плачет точно так же, как плачет старик Скриб и тот же Уинер, вытирая лицо и не замечая, что пачкает щеки землей. Заметила, что Габ отвернулся и смотрит куда-то в сторону. Что Роут присел на корточки и стал немного похож на волка, даже не обращаясь в него. Что Юайс вовсе спрятал лицо своими светлыми кудрями, да так, что и не поймешь, что там с его лицом. Что Пайсина стоит, держась за ствол молодого кедра. Что прекрасная Сиона стала за это лето еще прекрасней, а Мил наконец превратился из озорного мальчишки в невысокого парня. Что испуганная Йока похожа на сломанную куклу, а Флич на глиняного болванчика. Улыбнулась, поняв, что Брайдем даже с вылеченной ею ногой

продолжает прихрамывать по привычке. Стиснула зубы, когда осознала, что Тис и подходит к телу Спрая и вообще стоит на ногах лишь благодаря собственному упорству и поддержке Джора. И окаменела в тот миг, когда подошедшая едва ли не последней к телу Фаола – вздорная и язвительная ябеда Фаола, которая странным образом тоже начинала становиться красавицей, вдруг зашипела, но не обратилась змеей или еще какой ящерицей, а вместо этого стала бледнеть и расплываться, обращаясь в призрак или вовсе обретая непонятные прозрачность, прерывистость и рыхлость, оставаясь при этом тонкой, стройной и воздушной. Она поднялась на локоть от земли, взлетела словно клочок тумана и завывала так, что сердце Гаоты рухнула с самой высокой горы в самую глубокую пропасть и застонало от невыразимой тоски.

– Все по комнатам! – приказал Гантанас, взмахивая каким-то жезлом и накрывая непроявляемой тьмой и тело Спрая, и яму, и тех, кто оказался рядом, но, главное, саму Фаолу и ее невыносимый стон.

– Вперед, – приказала Гаота подружкам и, найдя взглядом среди бегущих прочь учеников Джора с Тисом, которые не могли сдвинуться с места, добавила. – А вы не спешите. Это очень важно, очень. Подождите нас.

* * *

Они так и прошли через заброшенную Гантанасом пелену, держась друг за друга. Прошли и замерли в полудюжине шагов от ямы, замерли в ужасе, потому что увидели как то, во что превратилась Фаола, раздвигает образовавшиеся на ее кистях вместо пальцев призрачные клинки и втыкает их в тело Спрая, разрывая на части и покрывая бледным гнилостным пламенем что-то, напоминающую выброшенную на берег медузу. Медузу, которая даже оказавшись на прибрежном песке, пытается оставаться прозрачной или притворится песком. И тело Спрая, освобожденное от этой пакости, вдруг стало на глазах поддаваться тлену. Во всяком случае, он наконец стал похож на мертвого человека.

– Это его и убило, – посмотрел на окаменевшего Грана Гантанас. – Могильное покрывало или полотно. Редкая, редчайшая пакость. Я уж думал, что не осталось магов, способных его накинуть. Никто не может выдержать более двух минут таких объятий, а распознать их вообще не может никто. Почти никто. Я уж не говорю, противостоять им. Так что, твоей вины в этом нет, Гран. Я предполагал что-то подобное, но не был в этом уверен.

– Но как... он его сумел набросить? – прошептал Гран. – Он же не приближался вплотную! Да и смерть была мгновенной...

– И это отдельная загадка, – задумался Гантанас. – Надо будет еще раз осмотреть Мисарту. Она точно пережила какой-то магический удар, не просто так она вылетела из седла. Эту девочку ни одна лошадь не сможет сбросить с себя. Похоже, у того колдуна имелось какое-то средство для доставки покрывала. Возможно, их было два, а возможно, что Мисарту накрыло откатом от заклинания. Надо разбираться и думать. Даже не знаю, что бы мы делали, если бы не Фаола. Я надеялся на нее, но не был уверен. Держи ее, Сиона.

Только теперь Гаота заметила, что за бледной тенью Фаолы замерла красавица Сиона, которая жила с ней в одной комнате и была, кроме всего прочего, старостой всей их группы. Тем временем Фаола опустилась на землю, встала на ноги и как будто стала медленно обретать плоть. Когда она наконец смогла прислониться, облокотиться на руки старшей подруги, Гаота поразилась не только бледному цвету ее лица, но и свету, который исходил от ее волос.

– Я в порядке, – прошептала Фаола чуть слышно. – Что это было? Я имни?

– Нет, – покачал головой Гантанас. – Ты не имни. Мы как-нибудь с тобой это обсудим, Фаола, но я думаю, все дело в твоей истории. Однажды ты пережила смерть. Это легло на твои способности вот таким странным образом. Думаю, что твоя сила подчинила себе одного из грисов. Или ты как-то отразила его в себе. Это вопрос исследований и осмысления. Но кроме

всего прочего, это вопрос твоего владения собственной силой. Честно говоря, я боялся, что ты подобно грисам станешь пожирать все, связанное с магией смерти. Особенно в тот миг, когда твоя сущность подчиняет тебя себе. Но, к счастью, ты сильнее ее. Или, скорее, ты другая. Ты просто уничтожила эту пакость. Спасибо.

– Я как будто была во сне, – прошептала Фаола.

– Будешь стараться, и сможешь овладеть этим искусством в совершенстве, – пообещал Гантанас. – Я даже думаю, что со временем сможешь определять колдуна, который творит подобную пакость. Великая редкость, такое колдовство. Но то, что в Стеблях есть такой мастер, как ты, еще более великая редкость. Значит так, здесь Юайс, Пайсина, Брайдем и Гран. А так же Сиона и Фаола. Ну и конечно Габ, Уинер и Ориант. Прочие учителя и мастера увели учеников. Все произошедшее должно остаться в тайне. Хотя бы в относительной тайне. Вы понимаете?

– Боюсь, что ты перечислил не всех, – заметил Юайс.

Гантанас с недоумением посмотрел на Юайса, потом обернулся и всплеснул руками.

– Чтоб мне провалиться! Как я мог забыть? Чтобы в центре событий не оказалась славная девичья троица, этого же просто и быть не могло!

– Они вечно суют свои носы туда, куда их не просят! – сдвинула брови Фаола.

– Как вы прошли сквозь мой полог? – сдвинул брови Гантанас, хотя глаза его искрились добродушием.

– Чего там было проходить? – удивилась Дина, тут же в один прыжок выскочила за пелену и вернулась обратно. – И не такое проделывали.

– Девочка-лед, девочка-камень и девочка... – Гантанас стал щелкать пальцами, пытаясь подобрать определение.

– Все остальное, – с усмешкой заметила Сиона.

– Головная боль! – высунула язык Фаола.

– Чего вы хотели? – спросил Гантанас. – Посмотреть? И как вам зрелище?

– И не такое видели, – показала язык Фаоле Йора.

– Тис, – негромко произнесла Гаота и в наступившей тишине добавила. – Фаола. Возможно, я была недостаточно терпелива, сталкиваясь с тобой. Может быть, даже обидела тебя чем-нибудь.

– По мне так наоборот, – фыркнула Дина.

– Подожди, – поморщилась Гаота. – Я сейчас говорю за нас троих. Прости нас, Фаола. Но нам нужна твоя помощь. Тис.

– Ерунда, – замахал руками Гантанас. – Не может быть. Он уже давно был бы мертв.

– Тис, – повторила Гаота и перевела взгляд на Гантанаса. – Он жив, все еще жив, потому что это – Тис. Но он умирает. Медленно, но умирает.

– Послушай, – Гантанас закрыл глаза, поднес дрожащие руки к вискам. – Послушай меня, девочка. То, что может Фаола, – это пока еще подобно реакции зверя. Она еще не владеет этим искусством. Но это и хорошо. Она непосредственна. Она уничтожает эту пакость помимо своей воли. Подчиняясь зову своей природы. Сегодня она несколько раз могла пройти мимо Тиса. Если бы подобная пакость истязала его, она бы не осталась безучастной.

– Это Тис, – покачала головой Гаота. – Я могу повторить. Это – Тис. Он борется с этой пакостью сам. Каждую минуту своей оставшейся жизни. Фаола, помоги ему.

Девочка стояла и молча смотрела на Гаоту.

– Где он? – спросила Сиона, и Дина и Йора, ни о чем не спрашивая Гаоту, которая не сводила взгляда с Фаолы, снова нырнули в тьму и протащили через пелену едва державшегося на ногах Тиса и перепуганного Джора.

– Вся шайка в сборе, – вздохнул Брайдем.

– Кот остался в доме, – заметила Дина, и это ее замечание вызвало общие улыбки, которые над телом Спрая кому-то могли показаться неуместными.

– А мне нравится эта шайка, – обвела взглядом собравшихся вокруг могилы Йора. – Или вы о нас?

– Что скажешь, Фаола? – спросил Гантанас.

– Я не чувствую, – призналась девчонка. – Не чувствую ничего.

– Просто я пока еще жив, – прошептал Тис. – Да, я все слышал. Даже сквозь столь мастерски наброшенную защиту. Я понял, о чем идет речь. Умирать не обязательно. Я могу отойти.

– Отойти? – не понял Гантанас.

– Да, – кивнул Тис. – Но ненадолго и недалеко. Иначе не смогу вернуться.

– Кажется, я что-то начинаю понимать, – пробормотал Юайс. – И если это есть...

– Оно останется, – пожал плечами Тис. – Если здесь останется моя кровь.

И он вытащил из-за пояса небольшой нож, в полной тишине распахнул рубашку и нарисовал на груди крестом крест. И как только на нем выступили первые капли крови, начал растворяться, но не так, как растворялась и становилась прозрачной, обретая невесомость, Фаола, а словно уменьшаясь и удаляясь одновременно. И там, где он только что стоял, намертво пригвожденное вычерченным им крестом к его силуэту осталось что-то скользкое и ненасытное. И Фаола, уже не издавая ни воя, ни обращаясь в чудовище, вытянула к этому скользкому свои пальцы клинки и рассекла его в лоскуты, что тут же растворились, словно выползший под полуденное солнце туман.

– А ведь эта пакость куда сильнее, чем та, что убила Спрая! – услышала Гаота голос Брайдема, но то, что он говорил дальше, уже не смогла разобрать. Она рванулась за Тисом. Рванулась, не зная дороги. Не зная, как за ним последовать. Бросилась вперед, подчиняясь чему-то такому, чему не так давно подчинилась вздорная и обидчивая девчонка по имени Фаола. И оказалась на серой равнине, у которой не было ни конца ни края. И остановилась, растерянно оглядываясь.

– Тис! – попробовала она позвать, но голос ее растворился, едва отлетев от ее уст.

– Не трать силы, – услышала она сдавленный далекий шепот Дины, оглянулась и увидела ее совсем рядом. Дина была похожа на тень самой себя.

– Да, – с другой стороны сказала такая же бледная Йора. – Мы сделали эти полшага. Но я почти убеждена, что это случайность. Никакой демон не поможет нам проделать тоже самое на площадке средней башни.

– А я думаю, как бы нам не провалится в Снежное ущелье, – добавила Дина.

– Здесь нет ущелья, – прошептала Гаота и, наклонившись, показала на пепел, покрывающий равнину. – Зато есть следы.

Они нашли Тиса, лежащего в удушливой пыли через пару сотен шагов. Он едва дышал. Девчонки подхватили приятеля и потащили его по собственным следам обратно, но пройдя сто шагов, еще сто, и еще сто, наглотавшись пыли или пепла, принялись кашлять и задыхаться. И тогда Дина не нашла ничего лучшего, как заорать во все горло. И вслед за ней заорала Йора. А потом и Гаота. А потом откуда-то издалека как будто донесся или прозвучал у них в головах голос Джора, который говорил или вопил изо всех сил:

– Они вон там! Вон там! Я их слышу!

И из мглы появились Юайс и Пайсина, подхватили всех четверых и вывалились на весеннюю траву недалеко от могилы Спрая.

Габ и Уинер уже ее закапывали, а точнее уже поливали посаженный над телом воина кедр.

– Это невозможно, – прошептал бледный как смерть Гантанас.

– Не могу поверить, – покачал головой Гран.

– Ну и задали вы нам задачку, – вздохнул, поднимаясь, с травы Юайс.

– Завтра я не пойду на пробежку, – вытерла пошедшую из носа кровь Пайсина.

– И я, – поспешил добавить взъерошенный и почему-то мокрый и заплаканный Джор.

– Где Фаола и Сиона? – спросила Гаота.

- Ушли, – развел руками Гантанас, наклоняясь над Тисом. – Ведь вас не было почти час.
- Ну мы и дуры, – прошептала Йора, размазывая по лицу слезы.
- Исключительные, – согласился Юайс.
- Замечательные, – кивнула Пайсина. – Может быть, и послезавтра не будет пробежки.

Надо отдышаться.

– Как вы это сделали? – спросил Брайдем.

– Не знаю, – надула губы Дина. – Просто мы всегда вместе. Нас не разорвать. А вот куда пошла Гаота...

– За Тисом, – сказала Гаота и потрясла его за плечо. – Ты как?

– Минуту, – попросил он. – Хотя бы минутку. Дайте поспать. Прямо здесь. Просто поспать.

Кажется, я не спал много-много-много дней. И принесите кота. Надо провериться.

– Кота? – не понял Гантанас.

– Да, – задумалась Гаота. – У Брайдика теперь будет много работы. Как бы ни больше, чем у Фаолы.

Она взглянула на Грана, но больше ничего не сказала.

– Что-то я не пойму, – появилась тут же из неоткуда Глойна. – Отчего я не смогла протиснуться за вами в какую-то муть? Со всех же сторон заходила! Даже подпрыгивала!

– Это невыносимо! – схватился за голову Брайдем.

Глава вторая

Жезлы и посохи

Ночью Тису снилось страшное. В узкой горной долине, в небольшой крепости, увенчанной тремя черными башнями, напоминающие лишенных крыльев драконов бесновались два зверя. Они были столь велики, что с трудом протиснулись через проездные ворота, но так сильны, что камень крошился под их когтями. Подобные широким кинжалам в их пастьях сверкали огромные клыки. Начинающиеся на их загривках игольчатые гребни топорщились костяными лезвиями и изгибались вместе с длинными змеиными хвостами, где заканчивались ядовитыми шипами. Серая кожа ужасных созданий была подобна камню, стрелы отскакивали от нее. Но тех, кто пытался противостоять этой напасти, можно было пересчитать по пальцам. Несколько стрелков стояло на башнях, без особого успеха осыпая чудовищ стрелами, да небольшой отряд мечников тщетно пытался нащупать клинками уязвимое место в непробиваемой броне. Вот один из отчаянных воинов попал под ужасные клыки. Вот второй оказался смят и раздроблен огромными когтями. Вот уже третий задохнулся, пронзенный косым шипом. Вот и четвертый отлетел через обрушившиеся ворота к длинной белой лестнице и покатился по ней мертвым безвольным телом. Лишь один оставался на ногах. Сверкая взглядом сквозь прорезы сшитого из сыромятной кожи шлема рядового ополченца, он уворачивался от клыков и когтей, в прыжках взлетал над заваленным битым камнем крепостным двором, чтобы уйти от удара смертоносным хвостом то одного, то другого чудовища, мечась от колонны к колонне и от прохода к проходу, уклонялся от неминуемой гибели, и в то же время бил, колол, рассекал, рубил и пытался проткнуть непробиваемую кожу как будто бы с той же надеждой на победу, с которой лучники осыпали чудовищ стрелами, но не прекращал усилий.

Между тем звери успели обрушить внутренние строения замка и теперь лезли на сами башни, разрывая когтями их кладку, словно пытались добраться до начинки мозговой кости. Вскоре одна башня пошла трещинами и съехала в пропасть вместе с двумя лучниками, засевшими на ней. Вторая рухнула внутрь самой себя, одевшись клубами пыли. Третья задрожала, накренилась, упала и покатилась по тем же белым ступеням камнями, балками и безжизненными телами. Только тогда чудовища оставили окутанные пылью руины замка и ринулись по узкой дороге к раскинувшемуся в горной долине чудесному селению. К белым домикам, к красным черепичным крышам, к зеленым садам, к голубым прудам и ручьям и к обильным полям, занимающим многочисленные террасы на горных склонах. Гибель этой красоты казалась неминуемой. Кое-где над зелеными нивами уже начинал подниматься дым, вызванный злым колдовством. Вода в источниках, обнаруживая в себе яд, меняла цвет. Не хватало только крови, которая должна был залить эту землю. Но чудовища двигались слишком медленно. Усилия погибших не пропали даром. Ужасные твари припадали на порубленные лапы и мотали посеченными мордами. А потом из пыли за их спинами, пошатываясь, чихая и мотая головой, выбрался тот самый пятый удачливый воин, движением ноги снес со смотровой площадки заваливший ее мусор, вычертил концом черного клинка круг и воткнул в его центр свой меч. Неизвестно, произносил ли он что-нибудь при этом, весь этот сон казался Тису безмолвным действием, но в тот миг, когда черный клинок покраснел, как краснеет раскаленный в горне металл, в тот миг, когда жгучим пламенем окрасилась каждая, даже не сквозная рана на бронированных телах чудовищ, запылала каждая царапина, каждая отметина, сделанная тем самым мечом, Тису показалось, что он слышит истошный вой. Чудовища, успевшие удалиться от замка на три или четыре сотни шагов, развернулись и двинулись обратно, но срок их жизни уже истек. С каждым следующим шагом они переставляли лапы все медленнее, а за сотню шагов до замершего возле своего меча воина словно окаменели, а потом и рассыпались, раскатились раскаленными валунами. И тогда воин снял с головы шлем и застыл, раскинув в стороны руки,

вдыхая полной грудью горный воздух и давая свободу длинным черным волосам. Это была девушка. Но даже в своем собственном сне Тис замер, застыл, окаменел не из-за ее красоты, а из-за того, что он совершенно точно ее знал. Но не мог вспомнить, откуда и где он ее видел.

Он проснулся в липком поту. Утро только занималось, окна их с Джором комнаты были серыми. Тис с трудом сел, опустил дрожащие ноги на холодный пол, нащупал сапоги, потянул со стула одежду. Его трясло, от слабости темнело в глазах, и все-таки он радовался. Радовался тому, что усталость и немощь наконец-то стали именно усталостью и немощью, а не растянутой на долгие дни и месяцы казнью. Он справится, обязательно справится с этой бедой. Одного он не мог понять, одно занимало его последние два дня – оставалось ли в нем могильное полотно после того, как он отсек занимающийся над ним черный смерч, или было выброшено на него после?

– Или же было выброшено еще до отсечения, но не связано с той гадостью, – прошептал Тис, посмотрел на сопящего на своей постели Джора и вышел из комнаты в коридор.

* * *

В первые часы Тис не мог поверить в свое исцеление. Он пытался протестовать, но его подхватил на руки пожалуй самый крепкий из наставников – Юайс – и понес в лекарскую к Хиле. Где-то рядом бежала неразлучная троица. Йока все время подпрыгивала, пытаясь заглянуть ему в лицо, Дина держала его за руку, а Гаота шла впереди, как будто Юайс и сам не знал, куда ему следует отнести обессиленного ученика. Замыкал эту чудесную процессию Джор, который держался за голову и о чем-то плаксиво причитал при этом, а время от времени то слева, то справа доносился тонкий взволнованный голосок Глойны – «Я здесь! Я здесь! Только не вздумайте на меня наступить!».

– А ты не исчезай! – наконец не выдержал Юайс, в ответ на что Глойна обиженно захныкала:

– Я не исчезаю! Я когда волнуюсь, оно само исчезается! Я не виновата.

Как раз в этот момент появилась Хила, и весь последующий путь уже шла рядом, и когда Юайс все-таки поднялся вместо со своей ношей в лекарскую, которая находилась на пятом ярусе северной башни Стеблей, пожилая врачевательница успела на ходу осмотреть недомогающего и пришла к одному единственному выводу – мальчишке, который уже немало провел времени в ее владениях в прошлом учебном году, теперь нужен покой, покой и только покой. Именно с этими словами она остановила на пороге лекарской Гаоту, Дину и Йору, извлекла откуда-то из пустоты за шиворот заверещавшую Глойну и положила руку на плечо Джору:

– Для плакальщицы ты слишком молод и слишком мальчик. Идите все к себе. Все будет хорошо. Попотчую вашего Тиса травками и отпущу. Думаю, уже завтра он вернется в вашу разбойничью шайку.

Когда дверь закрылась и за Юайсом, и за Хилой, которая побежала в свою комнату за снадобьями, Тис обнаружил себя лежащим в постели, но не там, где он изнемогал от боли и, чего уж там говорить, от скуки в прошлый раз, а у окна. На его бывшей постели сидела Мисарта. Именно сидела, потому что подушка ее была подоткнута к стене, а на коленях у нее лежала толстая старинная книга. Тис взглянул на камин, служащий началом тайного хода, на котором теперь стояла решетка, украшенная тяжелым замком, и почувствовал, что сил у него не осталось даже на то, чтобы сказать молчаливой девчонке, с которой он не перебросился ни единым словом за весь прошлый год, – «Привет». Поэтому он просто стал смотреть на нее, отмечая, что за лето она изменилась сильнее других, разве только Сиона повзрослела заметнее. Но Сионе исполнилось пятнадцать, а Мисарте, кажется, тринадцать. Она была старше и самого Тиса, и Джора, и всей разбойничьей троицы на два года. Огромный срок в этом возрасте. Интересно, что она читает? Кажется, «Уложение об истории Бейна». Надо будет выпросить у Скриба этот

том и заглянуть в него. В прошлом году Тису так и не удалось толком погрузиться хотя бы в одну книгу, боль, которая преследовала его, не позволяла ему сосредоточиться на чтении, но теперь он обязательно все прочтет, и об истории этого чудесного города, чьи руины все еще лежат севернее Бейнского леса и широкой Курсы, узнает все, что только можно. Он прочитает все книги. А еще обязательно поблагодарит Фаолу, про которую неугомонная троица раньше рассказывала ему только всякие гадости. Нет, Гаота, Дина и Йора не то чтобы не любили светловолосую девочку, они скорее досадовали на ее ябедничество, непрощенный присмотр и вечную обиду, которая была написана у нее на лице. Скорее всего Фаола была мучима ревностью, потому что все девчонки, да и мальчишки были немного влюблены в ее старшую подругу Сиону, а выпало жить в одной комнате с ней одной Фаоле, и поэтому та с раздражением воспринимала всякий обожающий взгляд, направленный на ее соседку. Впрочем, какая разница, кто, на кого и почему был обижен? Главное, не забыть ее поблагодарить.

В какой-то момент Тису показалось, что его кровать уменьшается, а больничная палата увеличивается и становится такой большой, что будь у него силы подняться, он шел бы от одного ее окна до другого не менее половины дня. Но тогда ему пришлось бы пройти мимо постели Мисарты – молчаливой и строгой черноволосой девочки с темными бровями и двумя косами. Интересно, в чем заключается ее магический талант? Гантанас, старший наставник, говорил, что какие-то таланты есть у каждого, некоторые таланты остаются непроявленными не только для преподавателей, но и для самих учеников, и на второй год обучения им предстоит только начинать постигать глубину собственных возможностей, что, конечно же, не исключает достижения определенного магического минимума во всех возможных умениях. К примеру Сиона мастерски управлялась с погодой, Джор и Гаота чувствовали тоньше прочих, а Гаота к тому же могла исцелить едва ли не любой недуг. Дина управлялась со льдом, а значит и с водой, а Йора была олти, во всяком случае в камень умела превращаться. А Мисарта, что умела Мисарта? Или важнее все-таки задуматься о том, что умеет делать сам Тис? Или он теперь уже ничего не умеет, а все, что в нем было магического, он отсек в тот трудный день на площадке средней башни Приюта Окаянных вместе с темным смерчем? А что если его признают негодным для обучения и выгонят из приюта? Куда он пойдет? Может быть, стоит вернуться в Дрохайт, где он прожил часть прошлого года? Жена бургомистра Сничта вроде бы предлагала ему кров. Но она не знала и до сих пор не знает, что под обликом упрямой девчонки скрывался мальчишка. Вряд ли это ее обрадует. Может быть, ему попроситься в кузницу к Габу? Вроде бы тот хвалил его меч, который, к сожалению, оказался таким же непрочным, как и сам Тис. Что говорил Гантанас на одном из последних уроков в прошлом году, когда Тис сидел в его классе, превозмогая застилавшую глаза боль? Кажется, то, что как бы ни были одарены его ученики, все их способности или даже тень их способностей это лишь вход в великое королевство магии. Выходит, Тис остался без входа? Или же для него этот вход обернулся выходом?

Больничная палата почему-то накренилась, но ни одна кровать не поехала к стене, оказавшейся внизу, и Мисарта, которая вдруг встала с постели и, с оглушительным грохотом шлепая босыми пятками по полу, подошла к кровати Тиса, не упала в сторону и не съехала к низкой стене. Интересно, а не разучился ли Тис делать полшага или шаг в сторону? То, что он сделал, когда начертил кровавый крест на своей груди. Но тогда он еще был с этой прозрачной пакостью внутри. Чьи это были способности? Его или ее? Главное, не забыть поблагодарить Фаолу. Чего от него хочет Мисарта? Почему она так громко идет? Ведь у него может лопнуть голова от этого грохота!

– Тише, – попросил Тис. – Тише.

– Хила! – оглушил Тиса голос Мисарты. – Как бы этот задохлик не умер тут! У него кровь на рубахе! Кажется, кто-то начертил ему крест на груди!

– Тише! – повторил просьбу Тис и подумал, что у Мисарты такое большое лицо, что загораживает всю больничную палату. И о том, что ее лицо обожжено, но не пламенем, а чем-

то другим, потому что скулы и часть щек как будто были смуглее, чем кожа вокруг рта, носа и под глазами. Так, словно она прикрывала лицо ладонью. Наверное, и одна рука с тыльной стороны у нее тоже смуглее. Кажется, правая.

– Руку покажи? – прошептал он еле слышно, но в ответ услышал все то же:

– Хи́ла! Быстрее! Он умирает!

«Нет», – подумал Тис и сделал полшага в сторону. Или просто уснул.

* * *

Тогда он проснулся поздно ночью и сразу обнаружил возле кровати дремлющую Хилу. Мисарты в палате уже не было, постель ее была заправлена.

– Убежала в дом учеников твоя соседка, – засмеялась, протирая глаза, седая Хи́ла. – Выпросила у меня мазь, чтобы выровнять цвет лица, и убежала. Не так уж она была и больна. Или уже пришла в себя. После возвращения с этого, да простят меня боги, летнего отдыха была такой странной, как будто по голове ее кто-то ударил, а потом очухалась. Больше боялась, что будут смеяться над ее лицом. Гантанас так и не смог определить, что было за колдовство, от которого она закрывала лицо, а у самой у нее память отшибло. Здорово ты ее перепугал. Орала на все Стебли, что ты умираешь. Только ты сам ничего не говори. Береги силы. Сейчас смени повязки на твоей груди, да, я тебя перевязывала, и накормлю тебя, и напою. Или тебе сначала нужно в отхожее место? Хочешь, отнесу тебя?

Тис гордо отказался и медленно, но добрался сам и до отхожего места, и до рукомойника, а на следующее утро так же медленно спустился во двор Приюта, где весь день перебирался вместе с табуретом с места на места, стараясь оставаться под лучами осеннего солнца, кутаясь в принесенное Джором одеяло и принимая от приятеля то пирожки, то ореховый отвар, то сушеные с медом фрукты. Прекрасная троица тоже не оставила его вниманием, то и дело подбегала то одной своей частью, то другой, чтобы убедиться, что он все еще жив, но теперь, на следующий день, начинались занятия, и Тиса не устраивала роль полуживого доходяги.

С трудом нащупывая ступени, он медленно спустился с третьего этажа дома учеников на первый, вошел в помывочную, где уже гудел огонь под чаном с горячей водой, и подумал, что как-то раньше он никогда не интересовался, кто же подогревает по утрам воду? Наверное, прежде это делал староста. Неужели прекрасная Сиона вставала раньше других и топила печь? Вряд ли. Скорее всего или Уинер, или Габ. Хотя, кажется, в этом году в связи с увеличением количества учеников Гантанас обещал прибавку работников приюта, и на общей кухне уже крутились какие-то новые лица. А ведь в прошлом году она, как и лекарская, была царством Хилы. Но уж лекарскую та никому не отдаст.

Прибавив огонька масляной лампы, Тис осторожно снял повязки и покачал головой. Так и есть, не просто так к нему подбиралась Гаота и разминала плечи, пока Йора и Дина отвлекали его разговорами. Рана успела затянуться. И ведь исцеляла его девчонка так, чтобы не обидеть лишней бодростью или легкостью. Понятно, почему после того разговора Дина и Йора подхватили Гаоту под руки. Конечно, не от смерти спасала, но силы потратила, и вполнину лишь на то, чтобы он не трепыхался.

Стараясь не обжечься о горячий котел, Тис зачерпнул пару ковшей воды, смешал ее с холодной и, как мог, привел себя в порядок. Потом оделся и вышел на улицу. Верхушки гор над Стеблями уже окрасились утренним солнцем. На скамье у выхода сидел Брайдик. Тис присел рядом, протянул руку и погладил кота. Тот заурчал, выгнулся, подошел и потерся головой о локоть мальчишки. Все было хорошо. От заразы в теле Тиса не осталось и следа. И именно это как будто придало ему сил. Он поднялся со скамьи и двинулся к Орлиным воротам.

Возле башни прохаживался охранник Киуин. Наверное, именно он и развел огонь под чанами. Всегда молчаливый и сдержанный, Киуин и в этот раз не произнес ни слова, разгладил

седые волосы и бородку, покачал головой, глядя на ковыляющего Тиса, и приоткрыл ворота, что обычно распахивались лишь к утренней пробежке Пайсины, за которой тянулся хвост воспитанников. Интересно, все ли новички привыкли к такому распорядку?

– Чего вам только не спится, – пробормотал Киуин чуть слышно, но и эти слова, скорее всего, он произнес самому себе.

Тис вышел из Приюта и двинулся по дорожке, которая огибала лес Орианта. До его домика он добрался лишь через полчаса, то и дело останавливаясь и опираясь о ближайшее дерево. Стало уже совсем светло, но утро оставалось ранним. Ориант уже копался на своем участке, окучивая какие-то грядки. На Тиса он не обратил никакого внимания или просто его не заметил. Тис пошел дальше и когда добрался до могилы Спрая, услышал шаги. Оглянувшись, он увидел Фаолу. Она бежала в одиночестве и, когда увидела Тиса, остановилась и скорчила недовольную гримасу.

– Чего не спишь? – спросила с вызовом. – Пришел собрать ту гадость, что я из тебя достала? Соскучился?

– Нет, – покачал головой Тис. – Просто слишком слаб, чтобы бежать со всеми. Поэтому начал раньше, за час. А ты?

Его вопрос словно сбил ее с толку. Она вспыхнула, хотела что-то сказать, потом вовсе сделала шаг, чтобы продолжить свою пробежку, но затем вдруг заплакала и, всхлипывая, проговорила:

– Я не могу со всеми! Все теперь считают меня нечистью! Потому что грисы – это нечисть, а во мне, кажется, грис. Или я сама стала грисом. И я слышала, что Флич сказал Джаю, что я ем мертвечину. Что будто бы я вытащила какую-то гадость из мертвого тела Спрая и съела ее. А я не ела! И поэтому я бегу одна, потому что всем противно быть рядом со мной!

– Подожди, – Тис шагнул к девочке, но пошатнулся, и ей пришлось подхватить его под руку. – Мне не противно. Никому не противно. Даже Гаоте, Дине и Йоре не противно. Потому что это все глупости. И еще я очень благодарен тебе. Кажется, ты спасла меня. Спасибо! А Флич просто дурак.

– Правда? – спросила Фаола.

– Ну, если говорит такое, – пожал плечами Тис. – А что ты еще умеешь?

– А вот, – прошептала Фаола, щелкнула пальцами, развела их и показала мальчишке огонек, который колыхался в воздухе алым лепестком. – Я в прошлом году помогала Сионе растапливать печи. Каждое утро! Только ты не говори никому. Сиона сказала, что всем нашим талантам придет время, и что вот это умение лишь одно из многих, которые нам придется освоить.

– Это просто волшебство, – признался Тис. – Здорово.

– Так что я ничем не хуже твоих подружек! – уперла руки в бока Фаола и показала Тису язык.

– А у меня, кажется, никаких умений не осталось, – рассмеялся Тис и тоже показал Фаоле язык, отчего она прыснула и как будто стала не вздорной и мстительной, а самой обычной девочкой.

– Послушай, – Тис с тоской посмотрел на тропинку, по которой до дома учеников надо было еще топтать и топтать, – ты не могла бы помочь мне добраться до дома учеников? А то я боюсь дойти до него да и до столовой лишь к обеду.

– Ты собираешься сегодня на занятия? – удивилась Фаола.

– Конечно, – кивнул Тис. – Теперь мне просто необходимо стать самым лучшим учеником, талантов-то никаких не осталось.

– Это еще не точно, – подмигнула ему Фаола и подхватила его под руку.

Пайсина и Юайс показались во дворе приюта, чтобы собрать на пробежку сонных воспитанников, когда Тис и Фаола еще только проходили через Орлиные ворота. А еще через час

Тис уже сидел в общей столовой за одним столом с Джором и подружками и вместе с ними пытался понять, стали ли блюда приютской кухни лучше или хуже с уходом из нее Хилы.

– Ерунда все это, – громогласно заявил с соседнего стола добряк Брок, почесывая живот. – Главное, чтобы порции не уменьшились!

– И не увеличились, – прыснула Йора и толкнула Тиса локтем. – О чем ты разговаривал с утра с Фаолой?

– Ни о чем, – вздохнул Тис. – Она всего лишь помогла дойти мне до Орлиных ворот, а потом до дома учеников. Мне кажется, что ей не хватает друзей.

– Сама виновата, – хмыкнула Дина. – Надо было меньше ябедничать. Понятное дело, Сиона стала уже совсем взрослой. Ей теперь не так уж интересно с Фаолой.

– Дело не в этом, – покачал головой Тис. – Она боится, что ею будут брезговать. Ну, после Спрая. И после меня.

– Не будут, – пообещала Гаота и внимательно окинула взглядом подруг и Джоря. – Ведь правда? Не будут!

– Не будут! – проявилась возле Тиса Глойна. – А о чем мы говорим?

И тут же снова исчезла.

– Вот ведь, – вытер пот со лба Джор. – Кстати, я начал запыраться, когда переодеваюсь.

– Да, – протянула Гаота. – Хорошо, что Глойна девочка.

* * *

Урок, с которого должен был начаться этот день, назывался «Жезлы и посохи», и проводить его собирался едва ли не самый пожилой наставник, а точнее хранитель книг и разных неведомых ценностей – старик Скриб, поэтому все приютские первогодки, который пошли этой осенью на второй год обучения, собрались в библиотеке, потолки в которой были столь же высоки, как и потолки в обеденном зале приюта, а по стенам вздымались книжные шкафы, лестницы и открытые галереи. Тис забился в самый дальний угол читального зала, поближе к камину, и украдкой посматривал на своих однокашников, которые за лето подросли и повзрослели. Конечно, он уже пригляделся к неразлучной троице, которая, прихватив с собой Джоря, расположилась поближе к столу Скриба, чтобы ничего не упустить, но прочие как будто представляли перед ним только что.

Самыми старшими были, да и казались Сиона и Джай, хотя пытался подчеркнуть свой возраст только последний. За лето он раздался в плечах и превратился в молодого парня, хотя едва перевалил за четырнадцать лет. Но и этого ему хватило, чтобы посматривать на остальных ребят с легким презрением и даже как будто с сожалением, что ему приходится пребывать среди такой малышни. Сразу за спинами Гаоты, Дины и Йоры расположились Мисарта, Бич и Брок. Им всем стукнуло по тринадцать, и, похоже, их возраст странным образом объединил всех троих, хотя раньше они прекрасно обходились друг без друга. Возле Мисарты крутилась ее соседка по комнате, десятилетняя Йока, а возле Бича и Брока – Гайр и Мил, хотя Гайр был лишь на год младше обоих, а Мил – который не мог усидеть на одном месте и минуты, был ровесником и троицы, и Джоря и самого Тиса. Флич держался невдалеке от Джая, заискивающе поглядывая на него, а Фаола как будто не могла определиться, продолжать ли следовать тенью за Сионой или попытаться сблизиться еще с кем-то. Пару раз Тис ловил ее беспокойные взгляды, но так вышло, что она оказалась за одним столом с вечно мрачным Олком, который как обычно не собирался сблизиться ни с кем. Тис разглядывал их затылки, иногда ловил взгляды, когда кто-то из ребят оборачивался или просто крутился, и думал о том, что все они обычные дети. И еще о том, что среди них должен был оказаться один мальчишка из Дрохайта, который так и не дошел до Приюта Окаянных, потому что погиб от страшного колдовства. А сколько таких мальчишек и девчонок раскидано по всей Ардане?

Задумавшись об этом, Тис почти задремал, поэтому упустил момент, когда заскрипела дверь хранилища, и оттуда вышел не один Скриб, а в сопровождении двух стражников, а точнее стражника и стражницы, потому как самый здоровый из всех охранников Стеблей – Крэйн тащил какой-то тяжелый ларец, а черноволосая красавица Крайса что-то продолговатое и завернутое в сукно. Заждавшиеся ученики недовольно загудели, но Скриб сдвинул седые брови, покачал головой и сначала запер хранилище на три замка и только потом подошел к своему столу. Крайса и Крэйн отошли к нему за спину, но не ушли вовсе, и Тис понял, что сегодняшнее наставление было не только важным, но и опасным. Теперь самым главным для Тиса было не заснуть во время наставления, потому как голос у Скрибы был глухой и негромкий. Но в воцарившейся в читальном зале тишине каждое произнесенное им слово было слышно каждому:

– Я не буду учить вас колдовству, – глухо произнес Скриб, протирая слезящиеся глаза белым платком, который он прятал за отворот манжета своего котто. – Для этого есть тот же Гран или Гантанас. Да и Брайдем кое-что может показать, и Юайс, и прочие... Это не мое дело. Я буду учить вас прикосновениям. Да, это очень важно, уметь прикоснуться к разным предметам, хотя прикосновения лишь малая часть умения обращаться с магическими предметами. Но важная. Потому что с этого все начинается. Ясно?

Собравшиеся в читальном зале ученики сидели в безмолвии. Даже Мил затаил дыхание. Слишком много легенд ходило об особом хранилище, из которого как раз теперь были извлечены ларец и странный сверток.

– Но сегодня прикосновений не будет, – продолжил Скриб. – Они скоро начнутся, но не те и не к тем предметам. Всякая наука должна усваиваться шаг за шагом, а не прыжком через десять ступеней, хотя бы потому, что прыгать по ступеням можно только вниз. На десяток так уж точно. Сегодня вы будете слушать и смотреть.

И снова безмолвие было ему ответом.

– Основным предметом нашего изучения, – окинул цепким взглядом учеников Скриб, – будут не какие-то чудесные вещицы, что служат источником магии, как таковые. Не всякие штуковины, которые наделены колдовскими свойствами по природе своей или в силу разных обстоятельств, а те предметы, который именно для этого и созданы или приспособлены, и которые не являются магическими по собственному существу. Что... – поднял руку Скриб, чтобы остановить начавшееся шушуканье, – не исключает использование в интересующем нас смысле любого предмета, в том числе и магического.

Скриб еще раз осмотрел всех учеников, словно убеждаясь, что сказанное им дошло до каждого, и недовольно покачал головой, заметив, что Гаота быстро обернулась, словно хотела удостовериться, что Тис тоже в читальном зале и даже внимает словам наставника.

– Речь будет идти о предметах силы, – глубоко вздохнул Скриб. – То есть, о тех предметах, которые могут служить источником силы для опытного колдуна. Силы на тот случай, если его собственные силы истощились. Силы для того, чтобы совершать колдовство, на которое его сил не может хватить по определению, или колдовство, которое не способен совершить, не имея предмета силы, ни один колдун. Силы для того, чтобы защититься от противника, который сильнее его.

– А как защититься от противника, у которого тоже есть предмет силы? – пискнула Дина.

– Об этом после, – скривился Скриб. – Не беги перед лошастью, девочка, даже если она похожа на полуживого старика. Короче, предмет силы колдуна это и его оружие, и его доспех, и его бутылка вина, и его ломоть хлеба, а так же его постель, крыша над головой и все прочее.

– Что не исключает потребности во всем этом в естественном виде, – раздался голос Гантанаса, который, как оказалось, тоже стоял в углу читального зала.

– Именно так, – улыбнулся Скриб и кивнул старшему наставнику. – Спасибо, что пришел, хотя я пока справляюсь. Значит так. Сейчас о самом главном, поэтому прощу полной тишины.

Старик постучал пальцами по ларцу и даже понизил голос.

– Прежде чем пуститься в подробности, должен сказать, что предметы силы это не только подпорка или помощь колдуну, это еще и великий соблазн, а иногда и великий вред.

Тис обернулся и, взглянув на Гантанаса, понял, что и тот не пропускает ни единого слова старика.

– Заполучив предмет силы, – продолжал старик, – слабый колдун способен возомнить себя сильным, а сильный – представить себя властелином мира, что не может являться истиной даже для сильнейшего из сильнейших, но может нанести неисчислимые беды окружающим. Кроме всего прочего, колдун, который часто обращается к предмету силы, становится зависимым от него, распыляет свое умение и порой утрачивает собранность и магическое спокойствие. Поэтому именно в обращении с предметами силы важны, как нигде, сдержанность и разум.

Старик еще раз осмотрелся, как будто кто-то мог с ним затеять спор.

– Предметы силы, – заскрипел он снова, когда пауза показалась Тису слишком длинной, – отличаются друг от друга не только размером или материалом, из которого они изготовлены. Я уж не говорю, что у колдуна этих предметов может быть несколько. Они отличаются целеполаганием.

– Предназначением, – чуть слышно прошепел за спиной Тиса Гантанас.

– Есть предметы силы, которые подобны оружию и годятся для чего угодно, – медленно открыл ларец Скриб. – Есть предметы силы, которые служат только для защиты и подобны щиту или доспеху. Есть предметы силы, которые, к примеру, служат для извлечения из них огня. Есть предметы силы, умеющие лишь излечивать или убивать кого-то. Есть предметы силы, которые одновременно с этим не только предметы силы, а и еще что-то важное, как ваши мечи или кинжалы. Наконец, есть предметы силы, которыми может воспользоваться каждый или только вы. Это ясно?

И снова тишина была ему ответом.

– Материал для изготовления предмета силы тоже может быть любым, – вздохнул Скриб. – Более того, предмет силы может быть изготовлен вовсе для других целей. К примеру, вылеплен гончаром в виде горшка. Хотя это и не самый удачный пример.

– Ну почему же, – под общие смешки не согласился Гантанас. – Его же можно носить вместо шлема!

– Так мы и поступим, когда будем принимать зачеты по пройденному и освоенному, – изобразил на лице улыбку Скриб. – В связи с тем, что сегодняшний урок ознакомительный, мы не будем вдаваться в подробности, оставим это для следующих занятий. Но именно сегодня мы увидим то, что даже посвященные видят не каждый день. И даже далеко не все из них. Еще раз повторяю, предметом силы может стать все, что угодно. Есть колдуны, которые вовсе обходятся без предметов силы. Или делают ими собственное тело. Но вместе с этим есть основные типы подобных предметов. Прошу Крэйна и Крайсу подойти ко мне.

Стражники встали справа и слева от старика, а ученики насторожились и даже приподнялись со своих мест, после чего Скриб стал отдавать распоряжения, что достать из ларца, а Тис понял, что для управления с некоторыми вещицами нужна изрядная крепость духа и тела, которой Скрибу могло уже не хватать.

Рассказ продолжался, но Тис как будто начал уплывать куда-то. Нет, он не засыпал и не проваливался в бесчувствие, он просто стал тем, кем ему показался при близком знакомстве Джор – деревом. Раскинул ветви и обратил на старику листву, чтобы ощутить каждый предъявленный им предмет и запомнить собственные ощущения.

Первой группой предметов силы оказались ювелирные изделия. Прежде всего перстни, но кроме них и всяческие кулоны, диадемы, ожерелья, браслеты и разнообразные броши. Они не были так уж удобны, конечно, исключая перстни, но как правило имели строго определенное

предназначение и были не всегда уместны в использовании, потому как привлекают внимание воров.

Второй группой оказались так называемые палочки или жезлы. Они могли быть и просто кусками дерева, а могли быть выточены из камня, отлиты или выкованы из металла, вылеплены из глины и изготовлены любым другим подобным образом. Важное их преимущество было в том, что они не так бросались в глаза, как ювелирные изделия или предметы силы большего размера, но позволяли наполнить их немалой силой и были довольно удобны в использовании.

Третьей группой предметов силы было оружие. Конечно, его можно было присовокупить к посохам, но те же кинжалы скорее были бы отнесены к жезлам. Отношение к подобному использованию оружия всегда было спорным, и недостатки такого использования, пожалуй, превосходили преимущества.

Как и следовало ожидать, четвертой группой оказались посохи, которые и были содержимым свертка, а пятой – чего Тис уж точно не ожидал, те предметы, которые колдун не может унести с собой, но может использовать. Что-то вроде той же вазы, установленной на постамент на крепостной площади Стеблей.

Рассказ продолжался довольно долго, Крэйн и Крайса поочередно доставали из ларца то браслеты, то кольца, то какие-то украшения на цепях, то выточенные из камня или из дерева палочки или жезлы, предлагали вниманию учеников причудливые посохи, а Скриб говорил о каждом предмете несколько слов и иногда добавлял – какому колдуну или магу этот предмет принадлежал и при каких обстоятельствах он с ним расстался. Похоже, каждый из его коротких рассказов мог бы стать короткой притчей. Во всяком случае тишина в читальном зале стояла мертвая, разве только кто-то из девчонок испуганно попискивал, когда некоторые предметы из-за прикосновения друг к другу начинали сыпать искрами или испускать лучи света и клубы дыма. Пожалуй, это было самым интересным занятием, на которых пришлось побывать Тису за целый год. К концу наставления в читальном зале стоял восторженный гул.

– Для начала этого хватит, – вздохнул Скриб, закрыл ларец и дал команду Крэйну и Крайсе отнести продемонстрированное богатство ко входу в хранилище. – И если кто думает, что подобного барахла на моих полках немало, то он не ошибается. Моя задача, чтобы этот кто-то думал еще и о том, что сладить с этим богатством в силу собственной дремучести он пока не сможет.

– А с чего нам начать, чтобы избавиться от дремучести? – подал голос, развалившись на своем стуле, Джай.

– С самого начала, – ответил старик. – После обеда вам будет нужно подойти к Уинеру. Он предупрежден и будет ждать вас. У него есть пара сундуков, в которых хранится разная ерунда. Или, если быть точнее, то, что пока еще не нашло своего предназначения. То, что не нужно ни ему, ни мне, но то, что пригодится вам. Вам придется выбрать что-нибудь из его запасов. А при следующей встрече я начну учить вас делать из выбранного предметы силы. Но! – Скриб поднял кривой палец и медленно покачал им. – Не жадничайте. Одного предмета хватит. И не старайтесь выбрать что-то большое, острое или колючее. Этот предмет долгое время будет находиться рядом с вами, возможно, прикасаться к вашему телу. Вы будете класть его под подушку. Гладить его точно так, как вы гладите того толстого рыжего кота, тезку нашего управляющего. И это не моя прихоть, это то, что сделает его предметом силы. Хотя этим дело и не ограничится.

* * *

Последние слова Скриба Тис слушал уже сквозь сон, но когда его однокашники повалили к выходу, проснулся и даже успел протереть глаза. Гаота и Джор было ринулись к нему, чтобы помочь дойти до следующего класса, но тут же побежали вслед за остальными учениками,

и оглянувшись, Тис понял, что Гантанас все еще стоит за его спиной. Скриб тем временем удалился вместе со стражниками в свое хранилище.

– Как ты? – присел напротив Тиса Гантанас.

– Хорошо, – кивнул Тис. – Хотя мне и придется начать с самого начала.

– Сначала ползать, потом ходить, потом бегать? – улыбнулся Гантанас.

– Наверное, ползать я уже умею, – постарался ответить улыбкой Тис.

– Ты умеешь многое, – стал серьезным Гантанас. – И я пришел сюда не поддержать Скриба, старик еще крепок и сам может за себя постоять, я пришел сюда из-за тебя. Ты не должен огорчаться, если будешь возвращаться в строй медленнее, чем тебе хотелось бы. Это ведь может занять весь год. И даже не один год. Главное, что это стало реальным. Благодаря Фаоле.

– Мне нужно быстрее, – прошептал Тис.

– Куда тебе торопиться? – удивился Гантанас.

– Разве те, кто пытался меня приручить или измучить болью, уже отказались от победы над нашим Приютом? – спросил Тис.

– А ты думаешь, что ты будешь способен противостоять им? – внимательно посмотрел на мальчишку Тис.

– Я не знаю, – признался тот. – Но не хочу чувствовать себя бесполезным.

– Ты хочешь мне что-то рассказать? – догадался Гантанас.

– Я видел сон, – кивнул Тис. – Этой ночью. Но не понял его. Я как будто оказался в узкой горной долине. В очень красивой долине. В ней стоял небольшой замок. Или крепость. С тремя черными башнями. Перед ними еще была длинная белая лестница и дорога вдоль нее.

– Пятьсот ступеней, – прошептал Гантанас.

– Может быть, – кивнул Тис. – На моих глазах замок был разрушен. Два серых чудовища уничтожили все. Даже башни. И... почти всех убили. А потом пошли к селению, но развалились на куски. Что это было? И когда это было? И было ли?

– Было, – кивнул Гантанас. – Только не нужно об этом никому рассказывать. Эта беда – секрет. А случилось это не так давно. В середине этого лета. И это очень плохой знак. Хотя и не смертельный. Это место называется Фоскад. Называлось Фоскад. После этого происшествия его не стало. Поля были выжжены, источники отравлены. Хотя дома и уцелели, но жить в той долине стало невозможно. И все ее жители ушли.

– Куда? – спросил Тис.

– Ардана велика, – уклончиво ответил Гантанас.

– А что это были за звери? – спросил Тис.

– Это были стражи Фоскада, – вздохнул Гантанас. – Каменные изваяния, застывшие перед его башнями. И то, что с ними произошло, это великое колдовство, доступное лишь немногим, может быть, даже только богам, потому что предмет силы, оживляющий эти чудовища, утрачен. Когда-то он назывался Камнем Воды.

– Но ведь в этом происшествии... – Тис замялся, – в этой беде есть какой-то смысл?

– Да, – кивнул Гантанас. – Смысл все тот же. Враг этого мира еще не настолько силен, чтобы явиться к нам во плоти, но уже достаточно силен, чтобы расквитаться с отступниками. Тысячи лет назад те, кто осел в той далекой долине, служили ему. И он пришел призвать их на службу либо уничтожить. Похоже, что они отказались от службы, и это значит, что все не так уж плохо. Прости, но пока что тебе рано знать об этом слишком много. Не потому что ты мал, ты испытал столько, что и не каждому взрослому удавалось хотя бы узнать о подобных испытаниях, а потому что тебе нужно думать больше о самом себе.

– Ему это удалось? – спросил Тис. – Врагу удалось расквитаться с отступниками? Удалось их уничтожить?

– Частично, – признался Гантанас. – Я не был на месте, а посланные туда люди еще не вернулись, хотя вести об этой беде прилетели к нам быстро, но, кажется, что-то ему помешало. Или отсутствие Камня Воды, или что-то еще. Однажды мы это узнаем.

– Почему я видел этот сон? – спросил Тис. – Разве во мне еще есть какие-то способности?

– Безусловно есть, – кивнул Гантанас. – Поэтому я и говорю сейчас с тобой. Но сон этот ты видел лишь потому, что твоя кровь, твои корни из этой долины. Твоя мать оттуда, пусть даже ее семья покинула долину много лет назад. Ты маола, Тис.

– Маола? – переспросил мальчишка.

– Полукровка, скорее всего, – засмеялся Гантанас. – Так же, как и Гаота. Как и Юайс, хотя я и не знаю в точности. Как и я. Как и многие другие. Это неважно, мы не делим наших учеников по их происхождению, хотя и учитываем это. Кстати, все стражники Приюта не так давно были стражниками этих трех башен.

– И однажды то же самое случится с Приютом Окаянных? – прошептал Тис.

– Это неизвестно, – покачал головой Гантанас. – Но в любом случае мы учим вас, чтобы этого не случилось. А если это случится, то для того, чтобы не случилось чего-то еще более худшего. Ты доберешься до следующего класса собственными силами?

– Да, – кивнул Тис. – Хотя, думаю, Джор или Гаота с подружками, ждут меня на улице.

– Ты угадал, – засмеялся Гантанас и ушел.

Тис проводил его взглядом, кивнул показавшимся в дверях веселым рожицам своих друзей и подумал о том, что он не рассказал старшему наставнику о двух вещах. О том, что чудовищ Фоскада уничтожила какая-то смутно знакомая ему девушка. И о том, что он, Тис, знает, где находится Камень Воды.

Глава третья

Умиротворение и беспокойство

Гаоте снился черный камень в центре какого-то городка. Вросший в землю, покрытый пылью, сбитый ногами так, что вычерченные на нем символы стали неразличимы, смешались со сколами и бороздами от случайных ударов посохами, стальными набойками на каблуках, от тележных колес, обитых жестью. Зимой он, скорее всего, покрывался льдом или грязным снегом, а летом нагревался на солнце так, что присев на него можно было и ожог получить, да только была ли охота к нему задом прикладываться? Хоть и был он поперек самого себя не менее двух локтей, вся прочая его величина в землю и уходила, что он возвышался на рыночной пыли? На пару пальцев, да и то вряд ли. Споткнуться можно, а вот отдохнуть – вряд ли. Да и не слишком полезно сидеть на камне. Постоять если только, да и то в осеннюю или весеннюю слякоть. Постоять, обстучать обувь, попытаться разобрать знаки, внезапно проявляющиеся под ногами, потом взлететь к синему небу, удивиться пылающему солнцу и уже сверху обнаружить, что и слякоти никакой нет, и что весь степной городок выстроен точно вокруг этого камня, словно на него опирали одной ногой огромную рогатину и вычерчивали другой ее ногой идеально ровный круг. И уже оттуда, с неба, разглядеть одинокого путника в черном, который и сам казался камнем, хотя ведь шел, не спотыкался, не каменел на ходу, тем более, что вел под уздцы красивого черного коня и тоже все посматривал в синее небо, как будто чувствовал взгляд Гаоты или что-то другое хотел увидеть над головой. Вот он в очередной раз задрал подбородок, и Гаота почувствовала холод, который охватил ее с головы до пят. Страшным колдуном оказался таинственный путник, знакомым колдуном, тем самым, на груди у которого возможно и по сей день оставались отпечатки ладоней Гаоты после того, как она вытаскивала его из небытия, исцеляла детским умением, недетской силой, сама того не зная, что навлекает на собственную семью неотвратимую беду. Прочь, прочь, прочь! И от этого колдуна, и от этой степи, и от этого города, и от этого камня! Прочь...

Гаота проснулась мгновенно, словно вывалилась из вязкого сна, прислушалась сама к себе, к сопению подруг и, еще не открывая глаз, вытерла руки об одеяло, как будто то давнее прикосновение по-прежнему оскверняло ее ладони. Потом повернулась на бок и с досадой поморщилась. Неужели опять Брайдик притащил в постель куриную кость? Что это уперлось ей в бок?

– Не спится? – прошептала Йора.

– Кошмары какие-то в голову лезут, – пробормотала Гаота и вытащила из-под бока ключ. Понятно, что надо было бы повесить его на одно кольцо с ключом от комнаты, но терпеть под боком целую связку ключей было бы странно. И вот ведь – вроде бы уже почти неделя прошла с того дня, как Уинер осчастливил весь первый поток учеников предметами силы, а силы в этих предметах как не было, так и нет. И что толку их мусолить целыми днями в руках и укладывать под подушку? Интересно, что скажет об этом Скриб послезавтра? Или когда он обещался продолжить свои уроки?

– Спи, – вздохнула Йора. – Мне тоже все время под бок закатываются эти... предметы силы. Я же два взяла.

– Определилась, какой оставишь, а какой обратно отнесешь? – спросила Гаота.

– Думаю пока, – проворчала Йора. – Спи давай, середина ночи еще только. Хоть бы Брайдик помурлыкал бы, что ли, под боком? Шляется опять где-то...

В лунном свете, наполняющем комнату девчонок, все вокруг казалось одновременно и зыбким, и отчетливым. Гаота взглянула на пустое ложе, на котором с вечера обычно сворачивался в клубок кот, перевела взгляд на постель Дины. Самая заводная девчонка из троицы спала, разметав по подушке черные кудри и прижав большим пальцем нижнюю губу. А ведь

год назад частенько рыдала по ночам и именно этот палец помогал ей не завывать в голос. А с утра – как обычно – отчаянная, веселая, неугомонная, боевая. Любимая подруга. И Йора – любимая подруга. А больше у Гаоты никого не осталось. Разве только еще два приятеля – Тис и Джор – и наставник Юайс. А еще наставница Пайсина. И Брайдем, которому Гаота почти год назад излечила покалеченное колено. И Гантанас, похожий на обремененного многочисленными любимыми внуками деда. И Хила. И Глума, что спасла полтора года назад Гаоту вместе с Юайсом и Коланом и так и осталась лишь в ее памяти и одновременно где-то в страшных и опасных лесах. Нет, много кто остался у Гаоты, вот только мамы и папы у нее не стало и сестер. И брата, который не успел родиться. И у Йоры никого не осталось. И у Дины.

Чувствуя, что на глаза начинают накатывать слезы, Гаота зажмурилась и стала вспоминать, как почти неделю назад они всем потоком явились в мастерскую и хранилище мастера Уинера.

* * *

Не то чтобы мастер Уинер, лысая голова которого напоминала натруженное колено, не ждал гостей. Наверное, он не ждал, что к нему явятся сразу все ученики, а именно – шестнадцать воспитанников, успевших отучиться в Стеблях целый год, пусть даже один из этих шестнадцати, Тис, еще только ковылял в направлении мастера Уинера, опираясь на плечо еще одного из шестнадцати – Джора. Как посмеивался время от времени смотритель приюта и наставник Брайдем – однажды окажется, что первый курс воспитанников Приюта Окаянных составляли легендарные ученики, поэтому деваться им некуда – надо оправдывать будущие легенды, а значит учиться и еще раз учиться. Так что, открывший дверь своей мастерской на стук Джая мастер Уинер целую минуту оглядывал пожаловавших к нему учеников с недоумением, пока вперед не вышла Сиона и довольно внятно не объяснила мастеру, что Скриб дал задание каждому из них выбрать себе предмет силы и при этом упомянул какие-то два сундука, что имеются где-то у мастера Уинера.

Именно после этого объяснения Уинер как будто наконец понял, чего от него хотят, от досады покрутил головой, но от двери отошел и даже махнул рукой на два старинных сундука, что и в самом деле стояли посредине его мастерской:

– Ясно-ясно, не шумите. Вот ваши сундуки, только чтобы не драться, выбирать по одному предмету и не мусорить! После себя все убрать. Веник и совок вон там.

– А что там? – опередила Джая и Флича и прижала руками крышки сундуков Сиона. – И почему мы не можем просто взять что-то из своих собственных вещей и сделать предметами силы?

– Да делайте, что хотите, – раздраженно поморщился Уинер. – Я тут при чем? Вы можете этими предметами силы обвешаться с головы до ног. Какое мне дело? Гантанас распорядился, чтобы вы брали свои предметы здесь, вот и берите. Все равно без толку лежат. Между прочим, все это собрано при расчистке крепости. Если что, носы не воротить, сундуки наполнены едва-едва, надо ж понимать, что, к примеру, кости, да и одежда полуистлевшая – все шло в погребение в лес Орианта. Оружие и доспех – в кузницу Габа. Магические штучки, хотя их было мало, да и те не слишком ценные, а так же редкие украшения или обереги какие – все подбирал Скриб. А все остальное – здесь. По песчинке просеивали. По камешку. Ничего не упустили. И если при гибели какого-нибудь воина у него был камешек в сапоге, то и он тоже будет здесь. Хотя нет, камешек мы бы выбросили. А вот гвоздь или булава – все здесь. Так что, чтоб с уважением. Понятное дело, за двенадцать лет и здесь мусор мог скопиться, не все же удавалось сразу очистить, потом руки не доходили, но что-нибудь приличное каждому достанется.

– Это что же получается? – скривился Джай. – Мы должны копаться в мусоре? Да и не просто в мусоре, а в мусоре, что валялся среди останков?

– Ну, я бы мусором это не назвал, – заметил вошедший в мастерскую вслед за Тисом и Джором Гантанас. – Во всяком случае, те, кому эти вещи когда-то принадлежали, мусором их не считали.

– Так открывай тогда, – недовольно посмотрел на Сиону Джай. – Я первым подошел, значит, и выбирать буду первым.

– Первым, значит первым, – легко согласился Гантанас, подходя к сундукам и кивая Уинеру, который, судя по всему, был весьма рад появлению старшего наставника и даже соби-рался воспользоваться этим, чтобы улизнуть из собственной мастерской. – Не спеши, дорогой мой Уинер. Потерпи еще пару минут. Подскажи, какие скамьи можно взять, и какой стол пере-ставить? Я, кажется, сейчас проведу прямо тут небольшой урок.

В какие-то секунды возле сундуков появился низкий стол, покрытый отметинами от ста-мески и зубила, пяток скамей для слегка приунывших учеников и табурет для самого Ганта-наса, после чего Уинер с явным облегчением скрылся за дверью.

– А теперь открывай оба сундука, Сиона, – улыбнулся седой и даже как будто слегка ветхий, но при этом неизменно бодрый наставник. – Открывай и выкладывай все это богатство на стол. Сундуки заполнены лишь на четверть, поэтому все поместится. Да, и ты, Фаола, и ты, Мисарта. И Бич, пожалуй. Сели на ближнюю скамью, так и не обессудьте. Помогите Сионе.

То, что Фаола, Мисарта и Бич выкладывали на стол, на первый взгляд и в самом деле напоминало мусор. Какие-то палочки, обломки, черепки, стекляшки вскоре образовали на нем небольшую гору, которая всерьез разочаровала Джая, и выбирать что-то первым он отказался.

– Я ведь здесь не просто так, – сказал притихшим воспитанникам Гантанас. – Это очень серьезный момент. Нет, никто не говорит, что вот сейчас вы выберете предмет силы, кото-рый будет рядом с вами всю вашу жизнь, хотя и это не исключено, но то, что вся наша жизнь состоит из узелков, которыми завязывается наша судьба, это несомненно. Тем более если речь идет о таком важном выборе. Сейчас вы должны успокоиться и понять главное – осмыслен-ный выбор в таких случаях редко помогает. Куда важнее оказывается зачастую мгновенное решение, порыв естества, внезапное желание или даже ощущение призыва. Тем не менее сразу скажу, что выбирать лучше что-то деревянное. Оно дольше хранится, легче на вес, проще наполняется силой и боится лишь огня и отчасти сырости. Хотя, конечно, те же магические жезлы мне приходилось видеть и вырезанными из камня, и из окаменевшей смолы, и отли-тыми или выкованными из металла. Просто с металлом или с тем же камнем содействовать несколько труднее.

– Вы так говорите, как будто для этого содействия нужно согласие того же камня или металла, – засмеялся Джай.

– Насчет согласия вопрос спорный, – признался Гантанас. – У магов по нему единого мнения нет, поскольку ощущения у каждого свои. Но одно несомненно. Всем этим предметам по несколько тысяч лет. И это только с того момента, как они сами или вместе с телами их обла-дателей упали на пол крепости, свалились с полок в ее комнатах, обрушились вместе с иствле-вшими шкафами. Так что, они могут быть и еще древней. И если последние тысячи лет они просто лежали, то перед этим существовали среди людей. И может быть даже были предметами силы. Да-да, не удивляйтесь. Порой предметы силы обнаруживаются у людей, которые вовсе не имеют магических талантов. Представьте себе любимую игрушку, которую дитя не выпускает из рук, потом держит у себя в сумке, на столе, а повзрослев, передает собственным детям. Рано или поздно она станет предметом силы. Другой вопрос, что извлечь силу из подобной вещицы по силам немногим. Но то, что сила в ней будет, это несомненно. И все-таки есть еще одно – весьма важное обстоятельство, – понизил голос Гантанас. – Сохранится за тысячу лет, тем более в крепости, которая в тот год, когда мы пришли сюда, не могла похвастаться надежной кровлей и перекрытиями, это кое-что да значит. В крепости, которая пережила пожар. В кре-пости, которую осаждали всеми способами и магическими в том числе. Тысяча лет – это очень

много. Дерево истлевет, железо рассыпается от ржавчины, разве что камень остается, но и он не вечен. А теперь согласитесь – если вот это все пережило столь длинный срок, значит, в этом есть какой-то секрет, а уж сила – без всяких сомнений.

Раздача предметов неожиданно пошла бойко. Стоило Гантанасу наклониться над столом, как на нем обнаружилось полно всяких весьма полезных вещей. Тому же Джаю, а заодно и Броку достались бронзовые навершия для самых настоящих магических жезлов или даже посохов, которые Гантанас предложил вырезать ученикам самостоятельно, но сначала подойти к старику Орианту, чтобы тот показал, какое дерево годится для такой цели, какое нет, а к которому даже подходить не стоит. Кто-то выбрал себе затейливый подсвечник или его часть, кто-то глиняную солонку, кто-то свинцовую фигурку, кому-то глянулась гляцевая малярная кисть, лишившаяся волоса, кому-то половинка песочных часов, кому-то лекарская склянка, кому-то оловянная гирька для рыночных весов, кому-то старое огниво, кому-то еще что-то. Всякий подхватывал выпавшую ему добычу и довольный или задумчивый отправлялся восвояси. Через полчаса мастерская почти опустела, хотя Гаота, которая почему-то выбрала кусок окаменевшей породы с торчащим из нее бронзовым кольцом, сидела до последнего, приглядываясь к каждому «счастливчику», сжимающему в кулаке – по словам Гантанаса – очередной неординарный предмет. Дина выбрала себе небольшое и потемневшее от времени веретено, правда, предварительно поинтересовалась, можно ли примотать на его узкий или широкий конец перо, чтобы выполнять письменные работы, и, получив согласие, совершенно успокоилась. Йора же так долго не могла выбрать между каменным пестиком для размалывания орехов и буковой рукоятью от ручного жернова, что Гантанас рассмеялся и отдал ей оба предмета. Кусок породы с бронзовым кольцом разломился в руках Гаоты как раз в тот момент, когда выбранная Джором резная обожженная палочка по уверениям удивленного Гантанаса оказалась самым настоящим, пусть и простым магическим жезлом, так что мальчишке предстояло не только овладеть ею, но и искать подступы к чужой силе или к чужим запасам силы, которых, конечно же, за столько лет в этой обожженной палочке могло и вовсе не остаться.

Гантанас обратил внимание на ойкнувшую Гаоту, взял в руки две половинки камня, объяснив их образование результатом известкования, а потом пригляделся к найденному ею между этими половинками ключу и удивленно покачал головой.

– Не классическая, но бронза, – пробормотал Гантанас. – К тому же в хорошем состоянии. Понятно, что таких замков в крепости не сохранилось, да и маловат ключик для серьезного замка. Возможно, его хранил один из воинов, как память о доме. Или какая-то из защитниц крепости запирала этим ключом свою шкатулку с украшениями. А уж будучи раненой или в горячке боя сунула ключик в расщелину в стене, где он и закаменел за долгие годы. Но для предмета силы он вполне годится. В конце концов дело ведь не в размере, хотя в ту же булавку много силы не поместишь. А ты? – Гантанас повернулся к Тису, который не спешил подходить к столу, а сидел и рассматривал магический жезл Джора.

– Мне не нужно, – пожал плечами Тис. – И так как инвалид ковыляю, а еще и силу свою куда-то вкладывать? Вот приду в себя, может быть, и возьмусь за что-то. Хотя так до конца и не понял, зачем это нужно?

– У тебя был меч, – напомнил Гантанас. – Как сказал Габ – очень хороший меч. А похвала Габа – дорогого стоит. Насколько я помню, ты ковал его сам. Теперь у тебя нет меча. Ты можешь представить себе, что тебе предлагают оружие, а ты спрашиваешь – зачем оно?

– Разве фехтовальщиков учат полнить свои клинки силой? – пожал плечами Тис. – Да и не об оружии ведь идет речь?

– И до оружия доберемся, – пообещал Гантанас. – Кузнец из тебя, конечно, пока никакой, но меч мы тебе найдем. Без изысков, простой, но настоящий. А предмет силы тебе нужен не для того, чтобы таскать его с собой и грозить всякому, кто попадется тебе на пути. Предмет

силы нужен для того, чтобы природу этой самой силы понять и прочувствовать. Научиться ею управлять. Запасать ее. Сберегать. Понимаешь?

– Ну ладно, – пробормотал Тис, подошел к столу и долго вглядывался в оставшиеся предметы, пока наконец не вернулся к сундукам и не попросил веник, совок и, по возможности, туюсок или горшок.

– Об уборке никто не говорил... – с досадой поморщилась Сиона, но Тис лишь покачал головой.

– Посмотри, – сказал он старосте. – В каждом сундуке еще полно всякой мелочи. Понятно, что это пыль, песок, мусор вроде того камня, что в руках Гаоты разломился, но я вижу тут и отдельные бусинки и бляшки... Бисер поблескивает. Кто-то же должен разобраться с этим богатством?

– Это всего лишь обычное цветное стекло, – заметил Гантанас. – Дешевый камень. Обломки. Именно, что мусор.

– Пусть будет, – согласился Тис. – Джор, помоги мне. И не волнуйся, пыли в нашей комнате не прибавится. Разбирать я это дело буду осторожно.

Гаота посмотрела на напряженное лицо Гантанаса и вдруг почувствовала, что тот одобряет выбор Тиса, хотя даже беглый взгляд подсказывал, что ничего ценного на дне этих сундуков оказаться либо просто не могло, либо оно было разбито вдребезги. И уже потом, когда они неразлучной тройцей вместе с Тисом и Джором отправились к дому учеников, чтобы еще раз рассмотреть собственные будущие предметы силы, оглянувшись, Гаота увидела, что Гантанас стоит у дверей мастерской Уинера и смотрит им вслед. Увидела и пожалела, что не спросила наставника, каким был его первый предмет силы и есть ли у него он сейчас?

* * *

– Какие мы все-таки еще глупые, – заявила рано утром Дина и принялась сдирать со своего веретена с немалым трудом примотанное перо, которым она пыталась заниматься каллиграфией целую неделю.

– Что значит «еще»? – пробормотала Йора, осматривая синяк, который образовался у нее на боку от ночного соседства с довольно тяжелым, хотя и небольшим каменным пестиком.

– Ну, с возрастом, думаю, должны поумнеть, – вздохнула Дина. – Все-таки, одиннадцать лет – не очень много. Нет, ну надо? Я всю неделю притворялась, что мне удобно писать веретеном. И вот кого я пыталась обмануть? Ведь неудобно же!

– И что же нам делать? – спросила Йора, подбрасывая на ладонях попеременно каменный пестик и ручку от жернова.

– А то нам заняться нечем? – удивилась Гаота, надевая шнур от ключа на шею и пряча свой предмет силы под рубаху. – Между прочим, Сиона сразу сказала, что замирать над этими предметами – глупо. Повесил на шнурок – и пусть висит. А уж когда научит нас Скриб каким-то определенным действиям, тогда и поговорим. Чтобы я еще на этом ключе спала – нет уж.

– Легко Сионе, – фыркнула Дина. – У нее, кажется, сломанный ореховый гребешок. Обломила оставшиеся зубья, подравняла на камне – и вот тебе почти кулон на веревочке. А у меня веретено. Оно ж в три кулака по длине! Да и у тебя – ключик, что игрушка!

– Обрежь! – посоветовала Гаота. – Укороти веретено. Ты же не собираешься пряхь? У тебя и прялки нет. В широкой части – просверли дырочку, продень шнурок. Узкую часть – отрежь. Как раз и выйдет по длине, как жезл Джор. Он три вечера с высунутым языком сидел, очищая свою безделушку. И узор восстановил, и цвет. Была черной, стала желтой. Понятно, что твое веретено чуть тоньше, ну так и ты постройнее Джор. Отнеси ему, он счастлив будет тебе помочь. А если узор какой набросает, он и украсит тебе его.

– А мне? – соединила грустным домиком брови Йора. – А мне помочь? У меня же буковая рукоять от жернова такой же длины. Ну, разве что чуть потолще!

– И тебе тоже, – засмеялась Гаота. – Только послушайте мой совет – сначала похвалите его восстановленный жезл, а потом уже просите о помощи. А толкушку свою оставь на столе. Будем пергаменты прижимать, чтобы Брайдик их на пол не скидывал.

– А что там с Тисом? – спросила Дина.

– А вот пошла бы и посмотрела, – повернулась к подруге Гаота. – Или стесняешься?

– С чего бы это! – вскинулась Дина. – Некогда мне! Просто всего ничего учимся, а у меня от Грана уже два замечания. Так что – зубрить – не пере зубрить это начертательное колдовство.

– А вот его ты и используй, – посоветовала Гаота. – Может, и узор не придется придумывать. Нарисуй на своем веретене уложения силы. Да хоть те же водяные заклинания. Или огненные.

– А ведь это мысль! – кинулась к конспекту по начертательному колдовству Йора. – И я тоже что-нибудь рисую.

– Ты не ответила, – подняла голову от своих записей Дина. – Что с Тисом-то? Ты же хотела проверить, как он? Не завелась ли снова в нем та зараза?

– Не завелась, – вздохнула Гаота, с сожалением рассматривая свой ключик, вряд ли хотя бы даже крохотный узор мог на нем уместиться. – Правда, оживает он медленно, но упорно. Перебирает крохотные свитки, что остались от его матери. Ну, я рассказывала, с магическими ключами от ее умения. До прошлого года открыл всего два. И оба раза едва выжил. Так что я наказала Джору, чтобы глаз с него не спускал. Нельзя ему сейчас рваться. Нет запаса прочности.

– Везет ему, – прошептала Дина, подперев голову ладонями. – Мама оставила ему свое поучение. Хоть в виде заговоров. И то хлеб. А у нас ничего. Так, Йора?

– Так, да не так, – проворчала Йора, прикладывая свою буковую палочку к очередному рисунку в тетради. – Кажется, я замучаюсь выбирать. Много узоров подходит. Надо бы еще прикинуть, как они между собой взаимодействуют. Тебя разве родители не учили ничему?

– Учили, – пожалала плечами Дина.

– И меня учили, – вздохнула Йора. – И я каждую минуту того обучения как золотую крупинку в памяти храню. Что там у Тиса с мусором, вот что я хотела узнать?

– Он не показывает, – засмеялась Гаота. – Но Джор говорит, что мусора нет уже, а остались лишь склянки, по которым Тис найденное рассортировал. А еще он выпросил у Скриба лупу и каменный клей. А у Уинера – тонкий льняной шнур.

– Зачем? – не поняла Дина.

– Наверное, будет нанизывать на него свой предмет силы, – предположила Гаота.

– Лучше бы он скорее поправлялся, – фыркнула Йора. – А то до сих пор чуть ли не за час выходит по утрам, а все одно – едва успевает добраться до дома, когда и мы возвращаемся.

– Мы? – удивилась Гаота. – Чего же ты сегодня не побежала?

– Так сегодня же свободный день! – удивилась Йора. – Когда же еще выспаться? Да и опоздали мы уже. Через полчаса уже и завтрак.

– А ну-ка быстро в помывочную, – сдвинула брови Гаота. – А то принюхается к вам тот же Джор, и не станет вырезать для вас узоры.

– Придется обращаться к нему, когда у него случится насморк, – ехидно хлопнула в ладоши Дина. – Куда мы отправимся после завтрака?

– Как и собирались, – строго сказала Гаота. – На конюшню к Капалле. Или вы забыли? Она нас будет ждать!

* * *

После того, как скотный двор вынесли за пределы Стеблей, в крепости остались только лошади и толстый рыжий кот Брайдик, который особого ухода не требовал, потому что и так был ухожен сверх всякой меры, новенькие в очередь вставали, чтобы угостить его или погладить. Другое дело лошади. Хотя и они не страдали от недостатка внимания. Капалла перегородила жердями часть крепостного двора, оставив узкий проход вдоль западной стены к Кузнечной башне Габа и постирочной, и у лошадок появился хотя бы какой-то простор, пусть даже Брайдем и обещал, что рано или поздно лошади тоже переберутся наружу.

– А как же быть с возможной осадой? – с изрядной долей ехидства спрашивала его Капалла, которой данная идея вовсе не казалась такой уж мудрой.

– И чем же тебе помогут лошади в случае осады? – с легким раздражением, у которого были отдельные причины, спрашивал на самом деле обожаемую им лошадиную хозяйку Брайдем. – Ты же, кажется, не ешь конину?

На этом месте обсуждения будущего расположения конюшни Капалла неизменно возмущенно фыркала, и диалог прерывался. Так что пока лошади все еще оставались в крепости. Место под будущую конюшню, правда, было уже размечено возле нового скотного двора – как раз примерно в лиге от домика старика Тида и на восток от входа в Приют, но строительство еще не начиналось. По всем приметам у Брайдема или у Гантанаса появились какие-то другие соображения по этому поводу. Зато вычищенный и отмытый бывший скотный двор по соседству с нынешней конюшней, распахнув широкие ворота, блаженно пропитывался осенними ароматами близкого горного леса и леса Орианта. Вот только Брайдем все еще не решил, что в нем разместить и пока что распорядился хранить в нем сено. Сейчас почти все лошади стояли в денниках, одну из них на длинном поводке прогуливала, заставляя бегать по кругу, подруга Капаллы черноволосая преподавательница обращения и оборачивания, а так же зверологии Деора, а еще одну сама Капалла, то и дело смахивая пот со лба рукавом, обрабатывала щетками у входа в конюшню.

– Как обещали! – возвестила о прибытии троицы, перелезая через жерди, Гаота. – Доброе утро! Брайдем ведь еще не выделил помощника?

– Доброго дня! – с довольно редкой улыбкой на лице оглянулась обычно строгая Деора. – А что если он обещал нам вас?

– Да уж, – засмеялась Капалла. – Я бы от таких помощниц не отказалась, если бы еще они чуть больше любили лошадей, и чуть меньше – поспать. Доброе утро давно уже минуло. Лошади просыпаются рано.

– Никогда не понимала, как можно спать стоя? – проворчала Дина.

– Я могу, – фыркнула Йора.

– Ты – это совершенно отдельный и особый случай, – не согласилась Дина. – К тому же, ты не лошадь.

– Лошади не спят стоя, а дремлют, – заметила Капалла. – Пора бы уже запомнить. А если вы зайдете в конюшню ночью, то увидите, что они порой и лежат. Но, правда, недолго. А помощник у нас будет обязательно. Хотя я, конечно, надеюсь на помощницу. Но всему свое время. На кухне ведь уже появились новые повара?

– Пока – два человека! – хором произнесли Дина и Йора. – И еще трое помогают Уинеру поддерживать порядок в коридорах и классах. И Брайдем еще говорит, что этого мало.

– Брайдему дай волю, он тут целую дружину разместит, – подала голос Деора.

– Подожди, – отозвалась Капалла. – Наберут в следующем году третий поток, и наставников будут дополнительно нанимать.

– А Гантанас то и дело теперь напоминает нам, что теперь мы избавлены от дежурств на кухне и по уборке, поэтому учиться придется еще больше, – надула губы Дина. – Как будто раньше мы учились еще меньше? И почему избавлены от дежурств новенькие? Мы же дежурили! И классы сами убрали!

– Наверное, потому что вы считаетесь первым легендарным потоком Приюта? – подмигнула Гаоте Капалла. – Хватит уже разговоров. Пришли помогать – помогайте. Лошадок у нас немало, так что – в бой. И не забывайте, чему я вас учила! Когда будете расчесывать хвосты, сзади лошади не вставать. Только сбоку. И не вздумайте осматривать копыта – это занятие не для вас. Все ясно?

– Яснее не бывает, – проворчала Дина, подхватывая одно из приготовленных для помощниц ведер с щетками. – В следующие выходные опять будем выслушивать то же самое наставление?

– Пока Брайдем не выделит мне помощницу, – улыбнулась Капалла.

* * *

На самом деле подруги очень любили те дни, когда им удавалось прийти в конюшню, чтобы помочь Капалле ухаживать за лошадьми. Даже если при этом приходилось еще и выгребать лошадиный навоз, который старик Ориант неизменно загружал на тачку и вывозил куда-то к сторожевой башне, где у него постепенно разрастался любимый огорожок. А уж чистка лошадей или даже ежедневное расчесывание грив и хвостов доставляли удовольствие и тем, и другим. К тому же в карманах у каждой из подруг обязательно имелось лакомство для их любимиц, хотя выделить кого-то из более чем трех десятков животных было непросто. У каждой имелся свой характер, каждая была красива по своему, каждая и сама была готова отдать предпочтение той или иной своей обожательнице. Впрочем, о чем Гаоте было прекрасно известно, на конюшню заглядывали не только они, хотя мальчишек конечно же больше привлекала возможность прокатиться на лошади хотя бы по тому же кругу, по которому сейчас прогуливалась одна из застоявшихся лошадок Деора.

Сейчас главным было не торопясь и как можно бережнее привести каждое животное в порядок. В холодное время это делалось прямо в денниках, но в теплый осенний день лучше было вывести животное на воздух. Понятно, что это было не мытье лошадей в летнюю жару, когда можно было окатить водой заодно и друг друга, но тоже доставляло удовольствие. Вскоре и Гаота, и Дина, и Йора уже пристроились с выбранными ими любимицами к жердям ограды и занялись их кожей. В обычные дни, когда им удавалось забегать в конюшню не более чем на полчаса, да и то не каждый день, они сразу занимались гривой и хвостом, которые лучше всего было расплести и распускать просто пальцами, но сегодня был день серьезной чистки. Сначала следовало протереть слегка влажной мочалкой глаза и ноздри. Потом взять мягкую щетку и плавными движениями очистить сначала голову, потом плечи, потом спину. Причем сначала с одной стороны, а потом с другой. И только затем заниматься ногами. И все время присматриваться, нет ли где потертостей или укусов или еще чего-нибудь, чему места в хозяйстве Капаллы конечно же почти не бывало. Ну а потом надо было взять влажную мягкую тряпку и протереть лошадь полностью. На все про все как правило уходило не менее двух, а то и трех часов. И это при условии, что все лошади и так были чистыми и брать ту же скребницу – не приходилось.

– У меня такое чувство, что я вымыла все классы на целом ярусе! – вытерла пот со лба Дина, отводя в денник последнее доставшееся ей животное.

– А у меня, как будто я и не завтракала, – хмыкнула Йора.

– Ничего, уже скоро обед, – подмигнула подругам Гаота. – К тому же мы всегда можем заглянуть на кухню и утащить по паре пирожков.

– Сомневаюсь, – вздохнула Дина. – По выходным там всегда пасется Брок. Кажется, даже готов мыть посуду за лишний пирожок.

– Как обычно – спасибо! – подошла к ним Капалла. – Имейте в виду, я буду рада вас видеть даже тогда, когда у меня здесь все-таки появится помощница. И вот еще что, когда рано утром мимо пробежала Пайсина с теми детьми, что готовы напиться бодростью даже в свободные дни, она просила вас напомнить, что сегодня мы учим новеньких играть в два мяча. Так что будет рада видеть вас в среднем зале.

– А почему не здесь? – удивилась Йора, оглядываясь на установленные в крепостном дворе столбы с корзинами.

– А вот это спросите у Сионы, – подала голос Деора, выводя из конюшни очередную лошадь. – Она ведь не только управляет погодой, но и предсказывает ее. Скоро начнется дождь.

Гаота покосилась на небо, на котором, конечно, были облака, но что-то они не слишком напоминали тучи, и вспомнила, как Сиона объясняла свое нежелание эти самые тучи разогнать. Обычно она говорила, что это потребует слишком много времени и сил, которых может не хватить не только у самой Сионы, но и у всех магов приюта даже вкуче с приютскими воспитанниками. Потом, когда подобные вопросы стали скорее обращаться шутками, отвечала просто – «Зачем?»

Действительно, зачем тратить силы на что-то не слишком нужное и противоречащее естественному ходу вещей? Но сейчас Гаота хотела поговорить не об этом.

– На какой лошади путешествовала Мисарта? – спросила она.

– Что? – уточнила Капалла с грустной улыбкой. – Искали повреждения на животных?

– Конечно, – вклинилась в разговор Дина. – Мисарта, конечно, вроде бы не помнит ничего и мазью от Хилы лицо мажет, но у нее же ожог был! Как от солнца. Глаза, нос и рот прикрыла наверное ладонью, а остальное обожгла. Лошадь же тоже могла пострадать?

– Лошадь не пострадала, – ответила Капалла. – Мисарта ездила на Ромашке.

Подруги одновременно повернулись в сторону Деоры, которая как раз выгуливала Ромашку.

– А на ком ездил Спрай? – спросила Йора.

– На Гнедой, – ответила Капалла. – И с ней тоже все в порядке. Флич – на Лентяйке. И ее вы тоже вычистили. Ничего не заметили? Потому что ничего и нет. Думайте-думайте, я предполагала, что вы сами догадаетесь. Где ваша внимательность? Дознание вести не так уж и просто. Может быть, даже сложнее, чем разыскивать тайные ходы в крепости.

– Тайные ходы тоже не просто разыскивать, – надула губы Дина. – А Гран на чем ездил?

– На Черной, – ответила Капалла.

– Подождите, – нахмурилась Гаота, оглядываясь на конюшню. – А где Ласточка? Ее ведь Тид забрал?

Как она могла забыть эту забавную и добрую лошадку с белым пятном на лбу? Ну, точно, наверно, ее забрал Тид. Он частенько брал ту или иную лошадь, чтобы добраться до Белой Тени, что вновь поднимала стены в устье Медвежьего урочища. Своя-то лошадь у Тида была уже немолода.

– Нет? – в ожидании уставилась на Капаллу Гаота.

– Ласточка погибла, – ответила Капалла. – На ней была Йока. Гран, правда, говорит, что Ласточка закапризничала, и как раз перед бедой Спраю пришлось сесть на нее, но уезжала из крепости на Ласточке Йока. Только не спрашивайте ее ни о чем. Она все равно ничего не помнит. Так же, как и Мисарта. Если хотите, поговорите с Граном.

Глава четвертая

Части и целое

Тис вставал, когда Джор еще посапывал в постели. Одевался, выходил на улицу и отправлялся на прогулку. В крепостном дворе было уже светло, осень по сути только вступала в свои права, где-нибудь в Фионе, где полтора года назад Тис трудился помощником кузнеца, еще только подходило к концу лето, а здесь, в южных отрогах Рэмхайна, было уже свежо. Ночная прохлада схватывала за плечи и насылала озноб. Легкая пробежка разогнала бы его без следа, но на настоящую пробежку Тис пока был не способен. Боялся упасть тут же, не дойдя до Орлиных ворот. Поэтому он ежился, радовался тому, что уже способен шагать, не опираясь на чью-то руку, на ходу здоровался с Капаллой, которая уже возилась возле своей конюшни, наверное, только новые повара поднимались раньше ее, кивал Габу, если тот высывался из своей башни, разводил руками, если кузнец задавал ему все тот же вопрос: «Ну и долго мне тебя ждать, парень?». Оставлял за спиной Орлиные ворота и только тогда пробовал бежать. Спотыкался поначалу и падал, да и ноги едва отрывал от земли, семеня скорее, задыхался так, что добредя до хижины Орианта, был не в силах ответить что-то на стариковское приветствие, только прижимал руку к груди и кланялся, но все же бежал. Обливался потом, чувствовал вкус крови на языке, выкашливал что-то из себя кусками, сдерживал не оставляющую его тошноту, стискивал зубы так, что они скрипели, порой вздрагивал, казалось самому, что ослеп, черные круги плыли перед глазами вместо молодых кедров Орианта, натыкался на них не раз, все лучше, чем свалиться с обрыва в Снежную пропасть, пусть и сладил Уинер вдоль нее что-то вроде плетня, но бежал. Не отвечал на насмешки, если пошатываясь, набредал на обратном пути на Джая, Флича или еще кого несдержанного по детской глупости на язык. Выходил чуть раньше, чтобы не сталкиваться ни с кем, и бежал. А на второй неделе вот такого бега, на второй неделе после того, как Фаола вытерзала из него неведомую пакость, не шагнул после первого же круга в Орлиные ворота, чтобы добрести до помывочной и долго приходил в себя, а завернул на второй круг. Подумаешь, подвиг, добавил к полутора лигам еще полторы, но добежал, не умер, и хотя едва не полз потом к их с Джором комнате, был счастлив. И так теперь каждый день.

Хила, которая настаивала, чтобы Тис показывался у нее ежедневно, сначала ловила его после обеда у общей столовой, потом смекнула что-то и стала отлавливать непослушного недужного сразу после пробежки. Набрасывала на плечи принесенную с собой шаль, подвела Тиса к скамьям, что стояли у дома учеников, прижималась ухом к его груди и слушала.

– Повезло тебе, парень, – беззлобно ворчала, – или сердце у тебя с железным запасом прочности, или зараза твоя не успела его истерзать. Понятно, что сейчас силы в нем нет, но в твоём возрасте это дело наживное. Дело же не в том, что эта пакость или даже эти разные пакости силы из тебя тянули. Думаю, дело в том, что они и были твоей силой. Знаешь, если вельможа ногами не ходит, если его слуги носят, то ноги у него со временем отсыхают. А ты весь как те ноги. Только вины твоей в том нет. Но ты не насилуй себя, засыпай ту яму, что в тебе есть, понемногу. Грунт плотнее ляжет. Проваливаться не будет. Ты слышишь меня или как? Чего губу прикусил?

Говорила и сама понимала, что будет насиловать. Не по глупости, а по упорству и по ощущению, что близко край, но не под ногами пока, хотя, вроде вот она яма, куда ни ткнешься – провал. Вместо скорости и выносливости – яма, вместо былой ловкости и умений – яма, вместе уверенности в себе, пусть и не яма, но зыбкие мостки поперек нее. Может и засыпал бы Тис эту яму собственным сбережением за год или за два, но не было у него этих двух лет. Не потому, что срок ему был отмерен, а именно по ощущениям зыбкости всего вокруг, ощущениям, что прилетали с ветром, со стужей, с телом Спрая, погребенным в пяти шагах от тропы, на которой

Тис разыскивал собственную силу. Поэтому каждое утро – пробежка. Два круга. Пока – два. Перестанет горлом идти кровь, будет больше. Главное, чтобы Гаота не распознала его слабость, и так то и дело приходит, кладет руки на плечи и делится силой. А потом уходит, пошатываясь.

Вот и сегодня поймала его в столовой, пока он сидел и думал, сможет ли встать, хорошо хоть Джор понимал все без слов, и принес еду, и унес пустую посуду. Улучшения наступали, но не так быстро, как хотелось Тису. Сегодня маленький сдвиг случился как раз за этим столом. Он почувствовал вкус пищи. И даже поел с аппетитом.

– Сегодня ты ел лучше, – заметила Гаота, вглядываясь в лицо Тиса.

– И долго ты его будешь ублажать? – донесся от входа в столовую смешок Джая. – Дурного коня кормить – толку мало.

– Однажды я ему покусаю! – прошипела Дина.

– Я бы не смогла, – вполголоса ответила Йора. – Вырвет же, такую пакость кусать!

– Не берите в голову, – проворчал Брок с соседнего стола. – Его пожалеть надо. Только представьте, если бы он это не сказал, так бы и носил в себе этакую дрянь. Бедняга.

– Что тут у вас? – вернулся к столу Джор. – Опять Джай какую-нибудь гадость ляпнул? Или Флич? Или Гайр? Хотя, Гайр вряд ли.

– А ну-ка, – решительно поднялась со своего места Гаота и шагнула за спину Тиса. – Дина, Йора, помните наш разговор? А помогите-ка мне уже сегодня. Что толку заплаты лепить, если та пакость, которую из Тиса Фаола выгатила, раны после себя оставила? Ау, Тис! Или ты готов полгода лежать неподвижно, чтобы эти раны затянулись? Или думаешь, никто не знает, как ты бегаешь по утрам? Никто не видит кровь у тебя на губах? Флич уже и к Хиле сбегал, доложил, что у Тиса поганая болезнь, что он скоро всех тут перезаразит.

– Не она это! – проворчал Джор. – Ту заразу я знаю, ее не спутаешь. Она обычно горняков терзает.

– Так и я знаю, что не она, – стиснула зубы Гаота. – Была бы та зараза, я давно бы уже ее излечила, а на эту мне силы почему-то не хватает, как будто в открытую рану кто-то соли каждый день подсыпает. Дина, Йора, кладите ладони на мои руки. И готовьтесь к головокружению и слабости на весь день.

– Гаота! – только и смог сказать Тис.

– А ну-ка, – шагнул вперед Джор. – А про меня забыли, что ли?

– И про меня, – закричал, поднимаясь, толстяк Брок. – Отодвиньте лавку от стола, а то и не подойдешь к вам! Мил! Ты куда собрался? Иди сюда! Мы друзья или кто?

– Друзья, – подтолкнул юркого Мила к Тису возмужавший и раздавшийся в плечах за лето Бич. – Дайте и мне подойти. Если все разом, точно справимся. Только уж ты, Гаота, постарайся. Я в исцелениях не мастак. Только силой могу поделиться.

– Подождите, – раздался голос красавицы Сионы. – Как хотите, но нам с Фаолой тоже надо ухватиться.

– Можно за локти, – кивнула Гаота. – Только чтобы кожа к коже. И не бойтесь, я вреда никому не причиню. Главное, хотеть помочь. Больше ничего не нужно.

– Вот бы так экзамены сдавать, – вздохнула Дина. – Главное, хотеть сдать. Больше ничего не нужно.

– Я тоже хочу, – к столпившимся друзьям шагнул всегда молчаливый и сдержанный Олк. – Мало ли, вдруг когда-нибудь и мне помощь потребуется, а то ведь и попросить постесняюсь.

– Подходи со стороны Фаолы, – кивнула Гаота.

– Не могу, – покачала головой Олк. – Тут что-то...

– Кто-то, а не что-то! – появилась под боком у Фаолы словно внезапный сюрприз маленькая Глойна. – И ты на меня чуть не наступил! Вот, хватайся рядом с моими ладонями.

– Ну все, – кашлянул Брок. – Куча мала готова. Давай, Гаота, все равно больше никто не сможет подойти. Нас и так тут... уже одиннадцать человек, считая Тиса!

– С половиной! – пискнула Глойна.

– Начали, – прошептала Гаота.

Все одиннадцать человек замерли и натужно засопели, а кто-то даже заскрипел зубами и прошептал что-то не вполне приличное. Тис затаил дыхание. Нет, он не почувствовал, что в него вливается сила, как она вливалась всякий раз, когда этой силой старательно делилась с ним неугомонная девчонка Гаота. Скорее ему показалось, что он опускает липкие руки, липкое лицо, липкое тело, все свое липкое нутро в проточную, прохладную воду, и эта прохлада не только уносит облепившую его гадость, точнее след от гадости, обрывки ее паутины, но и охлаждает невидимый никому жар, и он наконец может вздохнуть полной грудью. Вздохнуть и дышать. Главное, оказывается, просто дышать. Дышать...

– Все, – обессилено выдохнула Гаота то ли через минуту, то ли через десять. – Кажется, мы эту гадость вычистили и сожгли. Думаю, что окончательно. Да еще набросили на Тиса что-то вроде защиты. Спасибо прежде всего Дине и Йоре, ничего не забыли, и всем остальным тоже! Надеюсь, что Гантанас не ошибся с советом, и что Тис разберется как пользоваться этой защитой. У кого в горле пересохло? На кухне найдется по чашке сладкого отвара? И не дергайтесь по поводу ваших ладоней и легких ожогов на руках. Могло быть и хуже. Жаль, но сейчас я уже никому не помогу. С этим – к Хиле. Но сначала на противостояние. Скоро урок. Поспешим. Юайс не любит, когда мы опаздываем.

– Да мы и не опаздывали никогда! – воскликнула Дина, дуя на обожженные ладони.

– Это же Юайс! – с деланным придыханием произнесла Йора, что вызвало общий хохот, потому как симпатия Гаоты к светловолосому наставнику была общеизвестна.

– И ничего смешного, – засмеялась вместе со всеми Гаота. – Просто однажды он спас мне жизнь. Ты идешь? – повернулась она к Тису. – Ты как себя чувствуешь?

– Я бы на его месте сказала, что-то в боку покалывает, – хихикнула Дина. – Чтобы Гаота не зазнавалась!

– И что в животе пусто, – улыбнулась Йора. – Чтобы Брок пирожками поделился. Пошли уже!

– Все хорошо, – прошептал Тис.

– Не совсем, – проворчал Брок, подбрасывая пакет с пирожками. – Похоже, я недобрал. Или недоел. Надо еще пару пирожков взять. А то не дотяну до обеда.

– Да пошли уже! – побежал к выходу Мил.

– Идите, – попросил Тис. – Я приду. Хотя, может быть, этот урок и пропущу. Отдышаться нужно.

Он с трудом улыбнулся и наклонился, уткнулся лицом в собственный локоть. Меньше всего Тису хотелось, чтобы кто-то увидел его слезы. Он и сам не мог вспомнить, когда на его лице появлялись слезы в последний раз, обычно их заменяла холодная ярость. Но именно теперь, когда его недомогание было разделено большей частью его соучеников, пришло время слез.

Он просидел в столовой в одиночестве минут десять. Отдышался, съел оставленный Бромом на тарелке пирожок, поднялся и понял, что от его недуга осталась только усталость. Впервые это была только усталость, может быть, впервые с того самого уже давнего дня, когда он почувствовал опасность, накрывающую кузницу, и укрылся от нее на крохотном островке посреди топи.

Тис поднялся и вышел из столовой во двор Стеблей. Сразу за вырезанной из гранита вазой стоял старший смотритель приюта Брайдем и что-то рассказывал столпившимся вокруг него первогодкам. Их было двадцать. Во втором наборе приюта не оказалось переростков, подобных Сионе или Джаю, зато было двое или трое черных ребят, наверное, с юга, из народа

кинки. Всем детям было от девяти до десяти лет, пожалуй, только Глойна не успела добраться до этого возраста, хотя Тис прекрасно понимал, что какой-нибудь сирота и пяти, и шести лет не остался бы без попечения, прояви он хоть какие-то умения или способности. На одном из занятий Гаота даже спросила Брайдема, а что происходит с теми детьми, которые попадают на пути друзей Приюта, но не обладают магическими талантами? Тогда Брайдем ответил не сразу, он подошел к окну своего класса и какое-то время словно пытался что-то высмотреть неведомое среди горных вершин, а потом сказал, что детей обладающих магическими способностями очень мало. Не один на сотню, а где-то один на тысячу. Причем, кто его знает, выльются ли эти способности во что-то достойное внимания. И имни, способных к перекидыванию и другим практикам, немногим больше. А уж сирот из них вовсе малая часть. Не так много сирот и среди простых детей. Конечно, под этим небом случается достаточно бед, которые могут лишить ребенка родителей и крова, но больших войн да и просто войн давно не было, а среди народов Арданы не принято бросать в беде ни ближних, ни дальних родственников, да и просто добрых соседей хватает. Поэтому не все так плохо, как могло бы показаться, даже с учетом беспокойных ожиданий и бед, которые клубятся на горизонте, и о которых речь впереди. Но те друзья, которых упомянула Гаота, не проходят мимо сирот, не обладающих талантами. Во многих королевствах есть приюты для несчастных, а там, где их нет, их судьбой обеспокоены храмы. Чаще всего бывает достаточно довести такого ребенка до ближайшего храма.

– И успокоиться? – спросила тогда Гаота.

– Покоя на этой земле нет, – ответил ей Брайдем.

Вряд ли Гаоту устроил этот ответ. Он и Тиса тогда не устроил, но теперь ему казалось, что другого ответа и быть не могло. Что толку сокрушаться о всеобщей несправедливости? Не лучше ли оглянуться вокруг себя? Хотя бы для того, чтобы вспомнить, кем ты был сам, что ты пережил и где в итоге оказался.

Так он и сделал. Подошел к гранитной вазе в центре крепостного двора, тем более, что Брайдем уже повел детей к Орлиным воротам, наверное, собрался знакомить их со Стеблями, начиная со Сторожевой башни, и оглянулся. Всмотрелся в три главных крепостных башни, которые по сути и составляли Стебли – одну из семи легендарных крепостей, порадовался, что древние часы на средней башне, которая открыла Тису свой секрет в прошлом году, уверенно отсчитывают часы, и стал поворачиваться по часовой стрелке. Сразу за южной башней, из которой Тис только что вышел, и в которой находилась трапезная, высился дом учеников. Затем следовало здание, которое называлось хозяйством Орианта, и где старик хранил разные семена, нужную ему утварь и где иногда проводил занятия, разъясняя особенности разных растений и связанные с ними тайны. За этим зданием стояла конюшня Капаллы и скотный двор, который с лета пустовал. За ними торчали на фоне скал две небольших башни, о которых Тис почти ничего не знал кроме того, что одна из них называлась Торговая, а другая – Пороховая, и того, что пройти к ним можно было только через конюшню или бывший скотный двор. За скотным двором следовала Сливная башня, которая и на башню не была похожа, в ней находилась постирочная. Сразу после нее начиналась тыльная крепостная стена и начиналась она Кузнечной башней, хотя основой всего западного рубежа обороны Стеблей были Орлиные и Тайные ворота, чьи тайны легко разгадала неугомонная тройца тоже еще в прошлом году. Недалеко от башни Тайные ворота высилась Водяная башня, а точно напротив конюшни – на другой стороне двора – располагались дровяной склад, мастерская Уинера и еще две башни – Тюремная и Масляная. В Масляной стояли кувшины с земляным маслом, а в Тюремной не было ничего, поскольку, как посмеивался Гантанас, Приют это Приют, а не тюрьма. Ну а между ними и Северной башней крепости стояли еще два высоких дома – дом охраны и мастеров, и дом наставников. Весь мир, вся жизнь Тиса уже второй год происходила именно в этом кругу, и, кажется, ему это нравилось.

Пошатываясь, но стараясь ступать твердо, Тис пошел к Кузнечной башне, из которой доносилось позвякивание молота. Габ, беря в руки молот, обычно плотно закрывал дверь, выходящую во двор крепости, а чтобы приглушить звук, еще и задергивал плотный полог, открытыми оставались только окна-бойницы, ведущие в лес Орианта, и у старика, как тот сам жаловался, время от времени начинало звенеть в голове. Дверь была закрыта, но не заперта. Тис с трудом сдвинул ее с места, затем отогнул полог. Почувствовавший сквозняк кузнец обернулся от наковальни, положил молот, сунул заготовку щипцами в угли и расплылся в улыбке:

– Кого я вижу! Неужели собрался с силами?

– Еще нет, – вздохнул Тис, – но есть надежда, что скоро соберусь. Ничего, если я снова начну приходить иногда?

– Будешь ковать себе новый меч? – прищурился Габ.

– Пока нет, – замотал головой Тис. – Еще один такой же – не хочу, а сделать что-то лучше, пока не готов. Нет, просто в помощь. Шевелиться надо, чтобы выздоравливать, вот я и буду иногда здесь шевелиться. Если, конечно, вы не против.

– Это ты хорошо придумал, – расплылся в улыбке Габ. – И почему же я должен быть против? Вон, Брок напрашивается в помощники к новому повару, тот же не против? И я не против. Даже раз в неделю заглянешь, все равно буду рад. Работы полно. И насчет меча мы с Брайдемом и новым ключником уже кое-что придумали для тебя. Думаю, порадуем тебя уже сегодня. Мне даже будет интересно, что ты скажешь об одном любопытном клинке, очень интересно. Только поэтому я ни слова не сказал Брайдему о том, что рассмотрел сам. Язык себе прикусил, чтобы не болтать. И чтобы они не передумали. Кстати, в помощниках у меня ты не один будешь, в новом наборе еще один ученик кузнеца нашелся. Даже сын кузнеца. Правда, знает поменьше тебя и умеет поменьше, но металл чувствует. Яраном его кличут. На год тебя помладше. Не успел познакомиться?

– Нет, – покачал головой Тис. – Из нового потока никого не знаю кроме Глойны. Но теперь познакомлюсь. Что с отцом этого Ярана?

– То же, что и с прочими, – помрачнел Габ. – В этот раз почти все сироты. Да и остальные не из теплых кроваток прибыли. Синай говорит, что так с первого взгляда может и незаметно, но сгущаются тучки. Но с другой стороны, мы же по всей Ардане пенку снимаем, так-то, может, и не слишком заметно. Брайдем все надеется, что пронесет беду. Когда тебя ждать-то?

– Думаю, к концу недели, – кивнул Тис и вышел из кузницы.

У конюшни Капалле помогала какая-то незнакомая светловолосая женщина. Тис было удивился, но тут же припомнил, что, кажется, и новый ключник появился в Стеблях на замену Тайсу. Да и на кухне суетился крепкий молодой и высокий мужчина из народа дорчи и тонкая в талии, но широкая в плечах смуглая, даже темнокожая девица. Она уж точно из кинки. Далеко забирались друзья Стеблей, чтобы опередить посланников колдунов Черного Круга. По всей Ардане помогали тем, кто обладал магическим даром, или укрыться от злых колдунов, или скрыть свои способности. А уж тех, кто оказывался беззащитен, привозили сюда. Что-то здесь будет еще через один год?

Тис вспомнил свое пребывание год назад в Дрохайте, вспомнил Рана, который, скорее всего, оказался в лапах черных колдунов, вспомнил мальчишку Казура, который точно оказался в их лапах, но устоял и погиб. Вспомнил Алаин, которая с двумя служками разгуливала по Дрохайту едва ли не как хозяйка. А ведь он находился в нескольких шагах от меча своей матери. И в нескольких шагах от убийцы своей матери. И ничего не мог сделать.

Эта мысль словно вонзилась ему в сердце, Тис присел на постамент гранитной вазы и не сразу услышал крик Джора.

– Эй! Ты как там?

– В порядке, – поднял голову Тис и понял, что урок закончился. Точно. Наверное, он пропустил колокольчик Скриба, когда заглядывал к Габу, да и новенькие уже возвращались из

леса Орианта. Кажется, им удалось там побегать и поиграть. И довольный, словно выгулявший собственных внуков дед, за ними шел Брайдем.

– Давай помогу, – подбежал Джор. – А то опоздаем на следующий урок.

– Спасибо, – поднялся Тис. – Я сам. Что у нас дальше?

– Да зануда наш, – поморщился Джор. – Бейд. Забыл, что ли? К нему лучше не опаздывать.

– Зато спать на его уроках можно ничего не опасаясь, – улыбнулся Тис.

– Вот! – обрадовался Джор. – Кажется, я узнаю прежнего Тиса. Хотя, честно говоря, если все учесть, получается, что настоящий Тис должен вот только теперь открыться. Юайс спрашивал про тебя, рад, что мы тебе помогли все вместе. Гайр сожалел, что раньше ушел из столовой. Мисарта с Йокой ничего не сказали, а Джай и Флич смеялись над нами. А еще у нас на уроке была новая охранница. Да, ты не знаешь разве? Она прибыла вместо Спряя. Смуглая такая. Познакомилась со всеми, запомнила имена. Красивая... Знаешь как ее зовут? Фригра!

– Мисканское имя, – заметил Тис.

– Да, – кивнул Джор. – Гаота тоже сказала. Она же мисканка наполовину. Теперь в охране две красавицы – Крайса и Фригра. Ну-ка, посмотри на меня. Тебе точно лучше. У тебя и взгляд вроде уже не мутный. Тогда вот еще тебе новость. У Капаллы появилась помощница. Зовут – Олла.

– Я ее видел, – кивнул Тис.

– Ну, а остальное ты, наверное, знаешь, – пожал плечами Джор. – Новых поваров зовут Оноир и Крана. Они сменяют друг друга. Один день – он старший, другой – она. Крана темненькая. Говорят, что от нее у некоторых блюд необычный вкус, хотя мне нравится. Она добавляет какие кинкские травы в них. Брок, кажется, в нее влюбился и просится на кухню помощником. Хотя, скорее всего это его старая любовь к еде. А новый ключник не такой старый, как был Тайс. Но и не молодой. Какой-то прежний знакомый Гантанаса, зовут его – Слат. На вид – умный дядька. Ну вот, кажется, я тебе все и рассказал.

– Поспешим, – улыбнулся Тис. – Класс Бейда на третьем ярусе. Надо еще подняться. А Брок точно влюбился не в эту повариху, а в ее пирожки. Он оставил мне один. У них и правда необычный вкус. Будь я Броком, и я бы в них влюбился. А заодно и в повариху.

– Не согласен! – погрозил Тису пальцем Джор. – У Хилы пирожки были не хуже. Она, кстати, о чем-то расспрашивала Гаоту, так что в обед тебя придут осматривать.

– Пусть, – обреченно согласился Тис.

* * *

Этот день, пожалуй, получился самым суматошным. Тис с некоторым напряжением просидел все занятия до обеда, хотя то и дело ловил гордый взгляд Гаоты, как будто то, что он не дремал, тяжело дыша, в дальнем углу, являлось ее личной и неопровержимой заслугой, хотя где-то так оно и было на самом деле. Потом Тис отправился вместе с Джором на обед, где был и в самом деле осмотрен Хилой в ее бывшей поварской самым тщательным образом, после чего услышал от нее в адрес крутящейся поблизости троицы слова, которые обрадовали всю компанию:

– Жить будет, но, раздери меня надвое, Гаота! Что с ним было и как вы это сделали? И почему вы отделались только легкими ожогами, даже покраснениями всего лишь? Да и вообще, неужели можно вылечить человека, навалившись на него толпой?

– Можно, – гордо ответила Гаота. – Если эта толпа состоит из друзей.

После обеда Тис вместе с остальными соучениками спустился в средний зал, который на самом деле был самым большим залом, а назывался средним лишь по его расположению между нижними и верхними подземельями и где обычно проводились дневные занятия по фехтован-

нию, стрельбе из лука и борьбе, и понял, почему подружки шушукались, что Юайс уже подходил к Капалле и осматривал помещение бывшего скотного двора. Заниматься чем-то даже в просторном зале одновременно двум потокам было невозможно. Гам, визг, хохот переполняли его. Конечно на четвертом ярусе южной башни имелось еще два пусть и не огромных, но довольно вместительных зала, в одном из которых Габ открывал воспитанникам тайны холодного оружия, а в другом Пайсина учила их же владеть собственным телом или тому же фехтованию, но если на третий год в крепости появится еще один поток, поиск места для занятий мог стать проблемой. Хотя вот этот час после обеда и полуденного отдыха было неплохо проводить в такой суете. Это не было обычным уроком, скорее это был час для игр и бодрости и, наверное, час единения обитателей Приюта Окаянных, которые, конечно же, не были никакими окаянными, а были обычными детьми, теми, кому очень не повезло в жизни, а потом, через какое-то время, все-таки повезло. Стебли становились для них родным домом на глазах. Тис, который вошел в зал последним, и сначала просто присел на соломенных тюфяках в углу, смотрел на новичков и замечал, что хотя еще не все из них оттаяли, радость и интерес в их глазах поблескивали живым огнем. А уж когда Джай скрестил деревянный меч с невысокой, но на удивление гибкой и быстрой смуглой незнакомкой в учебной схватке, прекратился и шум, и гам. Вокруг соперников тут же образовался плотный круг, и все кто в нем оказался, следили за боем, затаив дыхание.

Джай выглядел как настоящий воин и был достоин всяческого восхищения. Он прекрасно перемещался, отлично реагировал на выпады соперницы, к тому же был на голову выше ее ростом и, наверное, даже сильнее. Вот только уязвить он ее не мог. Она отбивала все его удары и даже собственные выпады делала, не сходя с места, лишь припадая на выставленную ногу, и не сходила с места даже тогда, когда Джай вовсе бросался на нее, как на препятствие, которое намеревался разрушить. В этом случае она всего лишь отбивала его удар, чуть уклонялась в сторону и позволяла парню пронестись мимо, не упустив случая шлепнуть превратившегося за лето в красавца Джая по мягкому месту собственным мечом плашмя, что, похоже, вызывало в нем самую настоящую ярость. Наконец, когда он взметнул меч, чтобы раскроить ей голову, она отпрыгнула в сторону, поймала его удар на свой деревянный клинок, как-то хитро выкрутила собственную руку и выбила меч из руки Джая так, что его оружие подлетело едва ли не к потолку зала, но было тут же поймано вездесущей Пайсиной.

– А так? – в ярости засучил рукава и двинулся на незнакомку Джай.

– Остынь, – улыбнулась незнакомая воительница, бросая свой меч все той же Пайсине. – У меня нет задачи унижить тебя. Ты неплохо держался. Из тебя выйдет толк.

– Ты шлепала меня! – прошипел Джай.

– Меня саму так учили! – развела руками незнакомка. – Это не унижение, это закалка. Закалка твоего характера, твоей стойкости. Ты должен был отнестись к этому весело. Если ты сделаешь другой выбор, то подтвердишь свою уязвимость.

– Вот сейчас мы и посмотрим, – сузил взгляд Джай.

– Что ж, – незнакомка тоже засучила рукава. – Ты сам этого захотел. Кто первый упал, тот и проиграл. Согласен?

– Да! – бросился вперед Джай.

И опять он совершил ошибку. Кажется, Джай надеялся ухватить маленькую соперницу за плечи, вцепиться покрепче, развернуться вместе с ней, поймать ее на бедро и бросить на деревянные маты, на которых они скрещивали учебные мечи, но ему не хватило скорости. Или ее избыток имелся у его соперницы. Та всего лишь использовала его собственную силу и его вес. Присела в тот самый миг, когда его руки были готовы сомкнуться на ее плечах, сама подхватила его снизу поперек пояса, неожиданно легко выпрямилась и взметнула молодого мужчину над собственными плечами, но не приложила его потом к деревянному полу со всей силы, а

опустила почти мягко, прижавшись грудью к его плечу. В зале воцарилась полная тишина, в которой раздался ее веселый голос:

– Мы можем это повторить столько раз, сколько тебе будет угодно. До вразумления.

Тису показалось, что потолок, а точнее своды зала обрушатся от грянувшего хохота. Джай в остервенении вырвался из объятий незнакомки, вскочил на ноги и бросился прочь.

– Мечта, – заметил присевший рядом с Тисом Джор. – Повторить столько раз, сколько будет угодно. Я бы никогда не вразумился. Ты видел? Она прижалась к Джаю грудью. Повезло. Это новая охранница. Фригра. Как она тебе?

– Необычная школа у нее, – заметил Тис. – Я не сталкивался. Хотел бы поучиться у нее фехтованию. Хотя, слабые места есть. Другой вопрос, знает ли она сама о них и позволяет ли их использовать?

– Я вовсе не об этом! – скорчил гримасу Джор. – Хотя твои слова лучшее подтверждение твоего грядущего возвращения в строй. Как она тебе сама по себе? Красивая. Правда?

– Да, – согласился Тис. – Конечно, не такая как Гаота, Дина или Йора, но довольно красивая.

– Это даже сравнивать нельзя, – махнул рукой Джор. – Гаота, Дина и Йора считай, что вообще наши родные сестры. Они всегда красивее всех. А кто может сравниться с Сионой? Я уж не говорю про Пайсину или Крайсу. Мне и Капалла очень нравится, хотя она совсем взрослая. Зато посмотри, сколько красавиц во втором потоке. Кстати, как-то так получилось, что там десять девочек и десять мальчиков. Никого еще не знаешь?

– Узнаю со временем, – пробормотал Тис. – Не будешь так добр подать мне меч? Я хочу... потанцевать. Да, и покажи мне нового старосту и мальчика, которого зовут Яран.

– Зачем тебе меч? – пожал плечами Джор, но шагнул в сторону и подхватил один из деревянных мечей, торчащих из корзины. – Сомневаюсь я, что тебе стоит сейчас... танцевать. Может на сегодня уже хватит впечатлений? У тебя руки дрожат. А староста и Яран вон там. Как раз те двое, что учатся забрасывать мяч в корзину. Не туда смотришь. Вон там, у стены. Староста, его зовут Блас, чуть пониже. Ну, который с черными кудрями. Он, кстати, наш ровесник, самый старший на втором потоке. А Яран чуть повыше и потоньше. Держи меч, я тоже хочу побросать мяч.

Тис взял деревяшку, привычно ощупал ее, взял в одну руку, перекинул в другую, с некоторым трудом поднялся и пошел в дальний правый угол, где пока никто ничем не занимался. Перекладины и подвешенные для лазания канаты находились по левой стене. Как-то незаметно в зале образовалось две группы учеников. Нет, Джор и еще пятеро мальчишек стали бросать мяч и бегать между корзин, но все остальные уселись вокруг наставников. Мальчишки – вокруг Юайса. Девчонки – вокруг Пайсины и Фригры. До ушей Тиса донеслись слова Пайсины:

– Как вы только что могли заметить, дорогие мои, не имеет никакого значения, что вы ниже ростом, меньше весите и даже обычно слабее мальчиков. Вы всегда сможете противостоять им.

– Мальчишкам? – с недоумением подала голос Дина.

– Соперникам, – успокоила ее Пайсина. – Иногда – врагам. Кстати, ими могут оказаться и женщины...

Далее Тис не стал прислушиваться. Он встал спиной к окнам, расставил ноги, взял меч в правую руку, закрыл глаза и сделал выпад правой ногой в сторону, одновременно вскидывая над головой клинок. Так начинался длинный и самый простой танец обычного дружинного мечника. Никаких секретов в нем не было. По крайней мере тех, что бросаются в глаза. Но именно с него начинал учить обращаться с мечом своего названного сына Глик. И еще он говорил, что взглянув на то, как воин выполняет этот танец, мастер сразу определит, стоит ли с ним скрещивать клинок или нет.

Теперь Тис делал все движения медленно, даже очень медленно, так, словно он их делал в воде. И не просто в воде, а в чем-то напоминающим тяжелый, густой отвар. Он переступал с ноги на ногу, менял руки местами, наклонялся, приседал, выпрямлялся, скрещивал ноги, разворачивался, взмахивал, тыкал, прикрывался мечом и одновременно с этим как будто вдыхал воздух, вынырнув с огромной глубины. Пока еще ничего не видел, порой едва не падал, оступался, но вдыхал воздух. Упражнение, которое у него занимало раньше не более пяти минут, на этот раз потребовало не менее двадцати или и того больше. Во всяком случае, когда он открыл глаза и вытер со лба пот, детей в зале стало вполтину меньше, а напротив него стояла та самая Фригра и внимательно на него смотрела.

– Это танец исцеляет раны, – выдохнул Тис. – Меня так учили. Главное – делать его как можно медленнее. Хотя, медленнее – еще труднее.

– Мне показалось, что я увидела одну тысячную от того, что ты можешь на самом деле, – заметила она.

– А мне показалось, что когда вы сражались с Джаем, вы подставились ему не менее девяти раз, – отметил Тис.

– Восьми, – нахмурилась она и вдруг улыбнулась. – Ну да, девяти. Когда он пытался ударить меня со всей дури, мне пришлось на мгновение перестать играть и по-настоящему сдерживать его удар. Спасибо за науку. Ведь ты Тис?

– А вы Фригра, – кивнул Тис. – У вас тут уже полно поклонников.

– Надеюсь, они станут моими друзьями, – стала серьезной охранница и подмигнула Тису. – А еще я надеюсь у тебя чему-то научиться.

– Как и я, – поклонился ей вслед Тис.

– Тис! – окликнул его Джор. – Ты, конечно, ковылял со своим мечом как будто только что выбрался из кабака, но сейчас тебе придется кое-куда пройти. Прибегала Фаола. Тебя зовет Брайдем.

* * *

Брайдем ждал Тиса вместе с новым ключником в оружейной комнате. Седой, коротко стриженный мужчина в снокском кафтоне выглядел усталым, наверное, прием хозяйства всего Приюта Окаянных да еще в отсутствии прежнего ключника был делом хлопотным.

– Как тебя зовут, парень? – спросил он Тиса и, услышав его ответ, прижал руку к сердцу. – Постараюсь запомнить. А меня зовут Слат, и если ты собираешься пожаловаться кому-то насчет неудобства или еще чего в этих стенах, можешь не донимать больше смотрителя Брайдема. Он остается главным управляющим и смотрителем крепости, так же, как Гантанас остается старшим наставником ее, а заодно и главным попечителем, но со всеми жалобами прошу обращаться теперь ко мне.

– Я никогда не жалуясь, – сказал Тис, прислонясь к стене.

– Он после болезни, – поспешил объяснить Брайдем. – И на самом деле никогда не жалуется. Обычно жалуется на него. И еще на его подруг. Хотя, ни одна жалоба еще не подтвердилась. Тис из тех, на кого можно опереться. И я бы даже сказал, что нужно.

– Как бы он не упал, – нахмурился Слат. – На упавшего опираться не слишком удобно. Присядь, парень, вот на эту скамью. О каких подругах ты говоришь, Брайдем? Неужели про эту троицу, про которую мне все уши прожужжали? Про тех, что нашли два тайных хода из крепости и даже спасли Стебли от нападения?

– Про них, – улыбнулся Брайдем. – И еще назвали своего кота моим именем. Поверь мне, я согласился бы и на целую стаю котов под той же кличкой, если бы все мои ученики были такими, как они. Хотя, головная боль это еще та. Вот увидишь, они найдут и оставшиеся три хода. Кстати, эти два хода они нашли с помощью Тиса.

– Ну ладно, – хмуро кивнул Слат. – Я еще до конца не привык к местным порядкам, и пока настоял, чтобы молодым не выдавали оружие. Ну, хотя бы первые полгода. Надо же приглядеться к детям. Да и потом – по строгому учету и только на занятия под ответственность наставников. Но ты, судя по всему, особый случай.

– Я такой же, как и все, – не согласился Тис.

– Пусть будет так, – кивнул Слат и подмигнул Брайдему. – Ну что там, старый воин? Покажешь то, что выбрал для парня? Я ведь правильно понял, что он не так уж давно лишился своего оружия? По словам Габа исключительного меча, который, к тому же, как раз им и был выкован. Честно говоря, в это трудно поверить, тебе ведь сколько сейчас, одиннадцать? Не с колыбели же ты его начал ковать? Ну ладно-ладно. В любом случае сейчас, как я вижу, кузнец из тебя, парень, никакой.

– Вот, – кивнул Брайдем, взял лежащий на оружейных шкафах сверток, положил его на стол и аккуратно развернул. – Смотри.

Внутри холстины оказался самый обыкновенный полуторный меч. Прямой, в простых деревянных покрытых облупившимся теперь уже лаком ножнах, с простой, обломанной с одной стороны и погнутой с другой – гардой. С обычной, покрытой насечками и тронутой ржавчиной вороненой рукоятью. С неровным, с высверлами наверху. Брайдем вытянул клинок из ножен и вновь положил меч на стол. Заточка клинка была двухсторонней на всю длину. И дол был на всю длину, упирался в гарду. Но, судя по всему, еще недавно он был забит грязью, а заточка клинка напоминала пилу. Но мелкую, зазубрины, которых было полно, не заходили в плоть клинка глубже, чем на волос.

Тис с некоторым трудом поднялся и наклонился над столом.

– Что скажешь? – спросил Слат. – Барахло? Когда я выбирал его с Синаем на тэрском рынке, мне так и сказали. Хотели впихнуть чего подороже и поярче. С камнями и встроенными амулетами. Но я выбрал этот. Не мог не взять. Да и что за него просили. Смех один. Собственно я вообще не собирался покупать оружие, здесь, как мне сразу сказали, его пока полно, ваш Габ править его не успевает, но этот меч просто просился под руку.

– Чего же себе не оставишь? – прищурился Брайдем.

– Да есть у меня уже меч, – пожал плечами Слат. – Да и не на свои деньги куплен, на общинные. Синай выделил.

– Гарда плохая, – заметил Тис. – Не потому, что сломана, а потому что мягкая, плохое железо. И навершие насажено не родное. Надо будет посмотреть, но отбалансирован меч, скорее всего, не очень хорошо. Рукоять отличная, она же часть клинка, все равно оплетается под руку. Ножны, скорее всего, не родные, но не в этом дело. Не треснуты, уже хорошо. Нет никаких надписей, наговоров, инкрустаций, амулетов, ничего нет. И это тоже неплохо. Всякое колдовство, что вложено в оружие, может и добрую службу послужить, и недобрую. Да еще и не меченосцу. А вот клинок...

Тис осторожно приподнял меч за рукоять, взгляделся в падающий из окна и отраженный клинком свет.

– Клинок повидал разное, – заметил Брайдем.

– Но вышел из разного с честью, – покачал головой Тис и посмотрел на Слата. – Не секрет? Сколько отдали за это оружие?

– Тебе скажу, – хмыкнул Слат. – Пятьдесят монет серебра.

– Странно, – пробормотал Тис. – Дрянные мечи из дрянного железа стоят по сотне серебра. Порой и дешевле конечно. Но дрянной меч не выдержал бы такого удара, – Тис показал на срез и на вмятину на гарде. – Обычно плохой меч как раз здесь и ломается. У стыка рукояти и клинка. К тому же тут чужая гарда. Вот, видите насечки и паз? Родная гарда была чуть толще и защелкивалась здесь. А эта гарда просто забита и расклинена вот здесь. И навершие тоже чужое. Хотя я уже говорил... А что касается клинка... то любой из этих ударов, что

оставил едва заметные зазубринки, плохой бы меч или сломал или изуродовал. До дола бы разрубил. Знаете, о чем это говорит?

Тис посмотрел на замерших напротив него Слата и Брайдема.

– Хозяин этого меча сражался против очень серьезного противника и с очень серьезным оружием. Потому что плохие и даже обычные мечи этот клинок разрубал бы вовсе без повреждений. Этот меч повидал многое и не опозорил кузнеца, который его выковал.

– И сколько бы ты за него дал? – спросил Слат.

– Нисколько, – пожал плечами Тис. – У меня нет денег. Да и не было никогда. Но если бы этот меч был выкован просто из хорошей стали, его цена была бы где-то десять золотых. Самых полновесных. Конечно, с родной гардой и навершием. Но этот меч выкован не из хорошей стали.

Тис снова приподнял клинок и покачал его, оперев острием в стол.

– Видите?

– Ты про узор? – прищурился Брайдем. – Ну, ясное дело. Я сам видел, как тэрские кузнецы скручивают поковки в жгуты и ломают их пополам. Хочешь сказать, что это тэрская сталь? Та, что обязательно для дружинных? Сколько стоит такой клинок?

– Пятнадцать золотых? – предположил Слат.

– Нет, – пробормотал Тис, затем поднял клинок и снова пригляделся к лезвию. – Это не тэрская сталь.

– Теперь мне понятно, почему Габ смотрел на это оружие, как кот на телячью вырезку, – пробормотал Брайдем. – И ведь ни слова ни проронил. Хороший меч – хороший меч. Чем он хорош-то? Это же не меч из Бейна, оттуда совсем другое оружие приходило. Тому оружию вообще цены нет.

– Этому мечу есть цена, – не согласился Тис. – Мне кажется, это меч из Дорхадаса. Не знаю, сколько ему лет. Может быть, сто лет, может быть, и того больше, но это меч с севера. Если бы это был тэрский меч, клинок бы тронула ржавчина. Тэрская сталь хороша, но ржавчина сильнее ее. Если за клинком не следить, он порыжеет. А здесь ее нет. Даже на рукояти нет, это приставшая ржавчина, наверное, от гарды. Но рукоять не тронута ею. Хотя вот эти оспины на гарде напоминают следы от травления, как будто его искупали в кислоте и зачем-то вымазали грязью. Похоже, как будто он какое-то время валялся на заднем дворе. Этот меч не ковался из полос. Он отливался. Особая сталь, секреты которой кузнецы-дорчи не открывают никому, разливалась по изложницам, потом расковывалась и отжигалась. Причем сам клинок и его лезвие отпускали по-разному. Этот меч может стоять и тридцать, и сто золотых. Почему его продали так дешево? Не верю, что торговец оружием мог проглядеть его.

Брайдем в недоумении посмотрел на ключника.

– Он приносит несчастье, – признался Слат. – Мы с Синаем долго выпытывали у продавца подробности, но он словно боялся этого меча. Его аж трясло. Думаю, что он его и даром отдал бы, но Синай сказал, что оружие в дар принимать нельзя. По словам продавца все, кто этим мечом обладал, а им обладали вроде бы важные вельможи, были убиты. Потом этот меч передали в дружину тэрского короля, и все воины, что им сражались, погибли. С него срубили навершие, заменили гарду с северной вязью, но и после этого в первом же бою меченосец погиб. Причем, клинок подхватил враг, бросился на тэрский дозор, и тут же погиб сам. Более того, погибли все, кто с ним связывался. Подбирали ножны, меняли гарду, навершие, заново балансировали, пытались поправить клинок. Все. Ты поразил меня, парень. Я разбираюсь в оружии, но не думал, что кто-то перещеголяет меня.

– У нас тут особый народ подобрался, – покачал головой Брайдем и внимательно посмотрел на Тиса. – Тут Приют Окаянных, парень. Где же еще быть окаянному мечу, как не здесь? Гантанас сказал, что если ты с ним не справишься, никто не справится. Но просил, чтобы ты был очень осторожен, не пытался его исправить без Габа.

– Да у меня и нет своей кузницы, – пожал плечами Тис. – Без Габа никак не обойдешься. Как зовут это оружие? У такого меча должно быть имя.

– У него нет имени, – пожал плечами Брайдем.

– Ты меня не понял, друг, – сказал Слат. – Я не говорил, что у него нет имени. Я сказал, что это Меч без имени. Он так называется. Меч без имени. Хотя продавец сказал, что потом его переименовали в Проклятье.

– Я возьму его, – сказал Тис. – Когда его можно забрать? А то сейчас будет последний урок.

– Забирай сразу, – вздохнул Брайдем. – Последний урок отменен. Гантанас собирает наставников на совет. Не волнуйся, ничего не случилось. Точнее, ничего не случилось в Приюте. Пока.

* * *

На второй обед, на котором обычно подавали что-нибудь сладкое, да и на ужин – Тис не пошел. И не потому, что когда он выходил из оружейной, то наткнулся на Джая, с которым кроме Флича в трапезную шли еще два паренька из новеньких, начавшие усердно хохотать, услышав замечание их нового кумира, что доходяге выдали доходяжный меч, а потому что впечатлений для первого дня без заразы внутри у Тиса уже было предостаточно. Он вернулся в дом учеников, подхватил по дороге разлегшегося на скамье Брайдика и, пока неспешно поднялся на третий ярус, довел кота до нужного состояния, то есть, до громкого мурлыканья. В комнате угостил всеобщего любимца припасенным кусочком вяленой рыбы и, обнажив принесенный меч, положил его на стол.

В клинке ничего не было. Нет, оружие и в самом деле было непростым, но никакого шлейфа проклятия или чего-то подобного не ощущалось. Пожалуй он был даже чересчур чист, до странности. Наверное, ничего похожего на наведенное колдовство не должно было быть и в утраченных родных гарде и наверхии. Правда, Тис что-то припоминал из рассказов Глика о том, что некоторые свойства магического оружия проявляются лишь при смачивании его кровью или при попытке зарядить каким-нибудь наговором или амулетом, но не был сейчас настроен на опыты. Он слишком устал. У него даже не было сил убрать меч обратно в ножны и спрятать его в шкаф, где уже давно висел лишь один ремень. Поэтому Тис придвинул к себе склянки, по которым раскладывал разобранные останки из сундуков Уинера и решил закончить начатую еще почти неделю назад работу, тем более, что вечернее солнце светило в одно из окон комнаты. Но сначала он разложил на столе пять собранных браслетов, пять нанизанных на крученную и пропитанную воском льняную нить украшений. Зеленое – из нефрита, рыжее – из яшмы, голубое с разводами – из бирюзы, черное с бардовым отливом – из железняка, узорчатое – из агата. Он сидел над каждым долгие часы. Раскладывал их по цвету, по рисунку, склеивал прозрачным каменным клеем раздавленные бусины, хотя их было немного, и сохранились не только все составные части браслетов, но и все осколки, в каждом браслете было ровно по пятнадцать частей, промывал отверстия и зашлифовывал царапины. Наверное, Тис возился мы с этими браслетами месяц, если бы не решил прислушаться к едва различимым отзвукам давно стершейся магии. Он предположил, что это были обереги, выпросил у Скриба в пользование древнее уложение по зачаровыванию амулетов и нашел там старинный приговор из пятнадцати слов «на удачу и против напасти», а когда стал прислушиваться к каждой бусине и относить ее к тому или иному слову, неожиданно обнаружил, что и рисунок на них начинает складываться сам собой. И вот теперь эти пять браслетов, которые вновь стали оберегами, хотя и не сумели спасти много-много-много лет назад их обладательниц или обладателей, лежали перед ним, и ни один из них не годился ему в качестве предмета силы.

Подумав, Тис расстегнул ворот и достал висевший на шнуре браслет, который ему однажды вручил незнакомец, назвавшийся Нимом. Собранный из страшных клыков древнего имни он не так уж давно спас от безумия Джора, а до этого неплохо прикрывал Тиса от пригляда его врагов, но теперь это потеряло смысл, поскольку никакого интереса в своем нынешнем состоянии Тис для них скорее всего не представлял. К тому же его даритель обещался однажды прийти и забрать свой подарок, поэтому сделать его предметом силы Тис не мог. Да этот браслет и без силы Тиса или, точнее, его нынешнего бессилия был полон. Тис прикоснулся к изогнутым клыкам, на мгновение замер, потому что ему показалось, что он близок к какой-то разгадке, но ощущение почти сразу улетучилось, и он просто убрал браслет обратно.

Осталась одна склянка. В ней лежали оранжевые осколки сердолика, порой очень мелкие, которые никак не хотели складываться во что-то целое. В них был какой-то секрет. Тис был уверен, что и этот предмет не сможет послужить ему предметом силы, но странное желание разгадать его загадку, не давало ему покоя. Заклинание на удачу и против напасти здесь оказалось бессильным, и все же Тис думал, что сердоликовое украшение было каким-то оберегом. Вот только, что в нем был за наговор, он не мог определить. Конечно, можно было бы отнести эти оранжевые осколки к мусору, мало ли что могло обратиться пылью за сотни лет, но у Тиса не поднималась рука. Внезапно он вспомнил, что когда искал в уложении наговор на удачу из пятнадцати слов, то ему в разделе с разными рисунками и орнаментами попалось что-то о восстановлении мелких амулетов. Применить его к браслетам он не мог, а вот для чего-то другого, может быть, и стоило попробовать. Тис придвинул к себе манускрипт и стал бережно переворачивать листы пергамента. Ну точно, решение было столь простым, что казалось почти невозможным. Правда, Тису предстояло немного поколдовать, чего он давно уже не делал, к тому же произносить неизвестное ему заклинание, но вряд ли Скриб дал бы ему опасную книгу. Весь секрет был в том, что восстанавливать надо было не сам амулет, а заклинание в него вложенное. Правда, древний составитель предупреждал, что нехватка даже одной крупинки амулета помешает его восстановить, но у Тиса не было выбора. Он несколько раз прочитал странное, полупонятное заклинание, состоящее наполовину из незнакомых слов, в окружении которых даже знакомые слова казались чужими. Потом взял одну из склянок, налил в нее воды, насыпал щепотку соли и уронил туда же десять капель каменного клея. Затем закрыл склянку, взболтал ее содержимое до состояния молочной взвеси, высыпал туда оранжевые осколки, еще раз взболтал и нараспев прочитал требуемое заклинание, чувствуя, что склянка в его руках становится горячей.

– И кто же здесь колдует? – раздался голос Гаоты у него за спиной.

– Наверное, тот же самый, кто не пошел и на второй обед, и на ужин, – засмеялся Джор.

– И тот же самый, кто утащил нашего кота! – воскликнула Дина.

– Что это было за заклинание? – спросила Йора.

– Одна очень старая присказка про то, как сложить целое из частей, – улыбнулся Тис.

Он был очень рад появлению друзей, а уж тому, что Джор не забыл принести ему пирожков и чашку горячего отвара, тем более. Впрочем, пирожков было принесено с запасом, или же друзья по дороге ограбили Брока.

– Мы пришли к тебе посоветоваться насчет нашего расследования гибели Спрая! – заговорщицки прошептала Дина.

– Открылись кое-какие подозрительные обстоятельства! – закивала Йора.

– Но Мисарта по словам Хилы ничего не помнит, Йока тоже, – вздохнула Гаота. – Флича там не было, а Гран, как нас предупредил Брайдем, рассказал все Гантанасу и ни с кем об этом говорить больше не хочет. Ему больно об этом вспоминать. Он считает это своим промахом. Винит себя в смерти Спрая.

– Может быть, стоит расспросить Гантанаса? – предложил Тис.

– Да мы бы расспросили! – всплеснула руками Гаота. – Но как ничего не упустить? Как все это представить? Надо же все понять!

– Глина, – предложил Тис.

– Что глина? – не поняла Дина.

– Сходите к Уинеру, возьмите гончарной глины и слепите с десяток лошадок и с десяток маленьких человечков, которых можно посадить на этих лошадок, – Тис оглядел замерших подруг. – Я понимаю, что участников той беды было меньше, но на всякий случай. Слушайте Гантанаса и расставляйте. Кто и где и за кем находился. И все сразу станет ясно. А если не ясно, сразу будете знать, что следует спросить.

– Я с ума сойду! – пролепетала Йора. – Почему я сама не догадалась?

– Это не я придумал, – пожал плечами Тис. – В прошлом году же Брайдем рассказывал, что принцев так обучают королевскому ратному делу. Вы что, прослушали? Они целые битвы из таких фигурок устраивали. А это просто была маленькая битва. Битва, в которой пал Спрай, а Мисарта обожгла лицо. Разве не так?

– Чтоб мне лопнуть! – пролепетала Дина.

– Это чтобы мне лопнуть! – не согласилась Гаота, подходя к столу. – Что это? Только не говори, что ты это собрал!

– Хорошо, не буду говорить, что я это собрал, – кивнул Тис.

– Это что? – подскочили к столу сразу и Дина, и Йора. – Это твои предметы силы? Это же для девочек!

– Да, – восхищенно покачала головой Гаота. – Обереги для девочек. Очень красивые. И ты их собрал из того мусора. Только не говори, что и меч ты тоже собрал из того мусора.

– Меч мне дал новый ключник, – улыбнулся Тис. – А обереги и в самом деле для девочек. Я их собрал и даже уже очистил. И сейчас мы их будем делить.

– Ой! – прошептала Дина.

– Именно, что ой, – согласился Тис. – Мне кажется, что вот этот черный с алым проблеском браслет для тебя, Дина. Держи.

Дина тут же нацепила начала повязывать подарок на запястье, а потом села на кровать и закрыла лицо руками.

– А вот этот рыжий – из яшмы, тебе, Йора, – улыбнулся Тис.

– Нет, я точно с ума сойду! – выхватила из рук Тиса браслет Йора и принялась скакать по комнате.

– А какой тебе? – спросил Гаоту Тис.

– А какой ты хотел подарить? – сдвинула она брови, а потом наклонилась к расплывшемуся в улыбке Джору и что-то прошептала ему на ухо.

– Зеленый, – сказал Тис. – Из нефрита.

– Угадал, – еще шире расплылся в улыбке Джор.

– А остальные? – нахмурилась Гаота. – Тебе и Джору?

– Вот еще! – вытаращил глаза Джор. – Я же не девочка!

– Ну, дело не в этом, – заметил Тис. – Я хочу передать их через вас двум девочкам, которые спасли мне жизнь. Потому что сам не решусь. Одна из них, правда, сделала это уже давно. Ей вот этот голубой браслет из бирюзы, он подойдет к цвету ее глаз.

– Сиона! – догадалась Гаота.

– Да, – кивнул Тис. – Ну а вторая – Фаола. Вот этот узорчатый браслет из агата – прямо точно ее.

– Я передам, – подхватила подарки Гаота.

– А мне? – раздалось еле слышное с кровати, на которой лежал и мурлыкал Брайдик.

– Глойна! – строго сказала Гаота. – Появляйся! Для чего мы с Джором и Юайсом делали тебе ожерелье, которое помогает тебе оставаться видимой? Почему ты им не пользуешься?

– Я пользуюсь, – грустно сказала, появляясь на кровати Глойна. – Но видимой я могу пропустить все самое интересное.

– К тому же, ты сама себя выдала, – с трудом сдержала улыбку Гаота. – Точнее, тебя выдал Брайдик. Кто же гладит кота, будучи невидимым? Он же начинает мурлыкать!

– Ага, – надула губы Глойна. – Думаете легко сидеть рядом с котом, смотреть, как вам раздадут такие красивые подарки, и не гладить его?

– Нелегко, – согласилась Дина.

– Невозможно даже, – кивнула Йора.

– Подождите-ка, – вспомнил Тис и обернулся к столу. В склянке, в которую он высыпал куски сердолика, в просветлевшем растворе лежал какой-то амулет.

– Гаота. Посмотри. Может быть, это подойдет? Вот у меня уже и прочный льняной шнурок есть.

Гаота взяла из рук Тиса склянку, вытащила из нее амулет, мгновение с вытаращенными глазами разглядывала рыжую фигурку, а потом рассмеялась и тут же начала продевать в отверстие шнурок.

– Что там? – забеспокоилась готовая зареветь Глойна.

– Только не смеяться, – предупредила Гаота, разжимая кулак. – Во – первых, это маленький очаровательный рыжий зайчик из...

– Сердолика, – подсказал Тис.

– Во-вторых, он восстановлен каким-то чудным заклинанием!

– Из книжки! – показал на стол Тис.

– В-третьих, – Гаота с трудом сдерживалась, чтобы не прыснуть от смеха. – Он с заклинанием неслышного шага. Держи, Глойна. Но смотри у меня!

Глойна все-таки заревела. А потом все четверо обнимали Тиса и даже слегка облизывали ему щеки. А когда они ушли, унеся с собой кота, то Джор грустно сказал, что он вообще ложится спать, потому что лишь во сне ему может присниться, что такие замечательные девочки обнимают его и целуют, и чем дольше он будет спать, тем больше увидит девочек и больше получит поцелуев.

Тис дождался, когда Джор и в самом деле уснет, хотя день за окном только начинал угасать. Потом вспомнил, что прошептала ему на ухо Гаота перед уходом – «Этот меч наполнен какой-то будущей болью и он чересчур чистый», долго гладил клинок ладонями, потом убрал его в шкаф и достал рулончики пергамента от матери. Ключи к тому, что, как она говорила, успела вложить в своего сына. Сейчас ему казалось самым важным вспомнить ее уроки. Даже то, что она нашептывала над его колыбелью, когда он был еще младенцем. До сего дня он успел открыть два ключа. Один из них в башне в Бейнском лесу. Второй – уже здесь в Стеблях в прошлом году. Оба ключа ему обошлись весьма дорого, но даже эти ключи словно растворились в нем. Теперь ему казалось, что нужно все начинать заново. Осталось только набраться сил, слишком серьезными были два предыдущих испытания.

Тис рассыпал эти рулончики по столу и посчитал их. Их осталось десять. Значит, всего их было двенадцать, хотя он помнил слова матери, что они могли быть вложены друг в друга. Надписаны были шесть из десяти, но он почему-то не мог прочитать их названий, вроде бы знакомые буквы не складывались в понятные слова. Тис вспомнил, что первым он открыл ключ рулончика, перевязанного ниткой и, кажется, научился прятаться, скрываться, таиться и притворяться не тем, кто он есть. Второй ключ назывался «мертвые». И что он дал ему, Тис так до конца и не понял, хотя и раскрыл тайну средней башни, нашел сердце крепости и кое-что понял про зеркальную комнату. А что если он зря тогда сетовал, что открыл не то, что нужно? А что если он должен открыть то, что само являет себя?

Тис еще раз разложил в ряд все ключи, напоминающие крохотные пергаментные свитки и внезапно разглядел понятные слова. На одном из рулончиков, которые он считал неозаглавленными, проявились три слова.

«Жезлы, посохи, амулеты».

Руки словно сами потянулись к этому ключу. Тис развернул рулончик, и тот рассыпался белым пеплом в его руках, а в следующее мгновение на него непреодолимой силой навалился сон.

* * *

Тис проснулся еще затемно. Бросился к столу, убрал в кисет оставшиеся девять ключей, а потом растормошил Джора.

– Ты что? – зевнул Джор. – Знал бы ты, какой мне снился сон...

– Хочешь, чтобы тебя целовали не во сне? – спросил приятеля Тис.

– А что нужно сделать? – насторожился Джор.

– Сделай им жезлы, – предложил Тис. – Настоящие. Такие, чтобы на всю жизнь.

– Разве я мастер? – вздохнул Джор. – Этому же учатся всю жизнь. Что ты о них знаешь?

– Я о них знаю все, – ответил Тис.

Глава пятая

Сила и бессилие

Сиона приняла подарок Тиса с благодарностью, но как должное, а вот Фаола словно не могла поверить, что это возможно. Стиснула агатовый браслет в кулаке, прижала его к груди и даже язык забыла показать. И вроде бы говорить было не о чем, цена похожему амулету в любой лавке несколько медных монет, а все одно застыла, лишь об одном думала, наверное, как бы ненароком слезу по щеке не пустить. Мгновения счастья, каким бы оно ни было небольшим, по глупости или из вредности попыталась испортить Мисарта. Она поочередно отметила злым взглядом на руках одноклассниц каждый из пяти браслетов и заметила, что у всякого колдуна и уж тем более у молодого неопытного мага должна быть какая-нибудь приметная вещь, и яркий браслет на эту роль сгодится как нельзя лучше. Вот бы еще льняную нитку чем-нибудь заменить, да хоть пропустить сквозь нее тонкую стальную струну, а там уж главное оповестить всех, кого только можно, что вот эта вещь именно моя и ничья больше.

– Это еще для чего? – не выдержала Йора, хотя Дина щипала подругу за бок и змеиным шепотом призывала к сдержанности.

– Трупы опознавать, – со скучающим видом объяснила Мисарта. – Мало ли что может случиться? Магия – опасное ремесло. Есть такие заклинания, что достаточно в одном слове ошибиться, чтобы прожариться с корочкой. Без приметной вещицы и не угадаешь, кто это перед тобой – Йора или, к примеру, та же Дина. С другой стороны, если глупости через край, и приметные вещицы не помогут. Защитникам этой крепости не помогли ведь? Кто они? Ни имен, ни лиц их никто уже и не вспомнит. А вот если бы они всякие подземные ходы разыскивали, то сгинули бы еще вернее, и не только косточек их не выпало бы погребать под ориантовскими кедрами, так и бусинок этих никто бы не сыскал.

– Может и так, – не сдержалась Гаота. – Только рано или поздно все на свет выплывет. И если чье-то имя и неизвестным останется, это же не значит, что дело его прахом развеялось. Может быть, то, что Стебли уже сотни лет недоступны для всякой мерзости, важнее было бы для защитников этой крепости и собственных имен, и всего прочего.

– Не верю, – зловеще прошептала, повернувшись к Гаоте, Мисарта и повторила, прищурившись. – Не верю в благие намерения перед лицом смерти. Какая разница, что станет с друзьями, если тебя самой уже нет?

– А если речь о твоих близких пойдет? – спросила Гаота. – Тоже разницы не сыщешь?

– Так! – засуетился Гайр, который осваивал науки не лучше и не хуже других, но обладал даром пророчества, особенно пророчества того, что должно было произойти в ближайшие пять-десять минут. – Гран уже близко. И, кажется, он не в духе.

– Да они все не в духе в последнюю неделю, – проворчал Флич. – Мне вчера Деора на обращении и оборачивании вlepила неуд только за то, что я разные виды имни не в том порядке перечислил.

– Ну, еще перепутал названия, да и описания не туда прилепил, – криво усмехнулся Олк. – Пытался впихнуть Деоре вместо ясного ответа полную неразбериху.

– И что? – вскинулся Флич. – Мне что, легче станет, если я буду точно знать, что за имни меня на куски рвет?

– Ну, хоть будешь знать, стоит ли умолять о пощаде, – пожал плечами Олк.

– Тихо, – лениво одернул соседей повзрослевший Джай. – Не задирайся, Флич. Сам же знаешь, что не прав. Забыл, что говорил Гантанас? Голова – как шкатулка. Что положишь, то и возьмешь. Только складываешь в нее знания ты лишь тогда, когда учишься, а доставать будешь всю жизнь.

– А то он не учится? – хмыкнул Гайр. – Больше других пыхтит.

– Именно так! – огрызнулся Флич.

– Можно всю жизнь учиться, – заметила Сиона.

– Угу, – проворчал Бич. – Если время на учебу останется. Надо же как-то будет еще и на кусок хлеба зарабатывать. Не будешь же до старости столоваться в здешней трапезной?

– А почему нет? – словно ожила Фаола. – Если учиться лучше прочих, то можно стать наставником.

– Ага, – отмахнулся от девчонки Флич. – Сначала потопаешь по всей Ардане, покажешь себя, хлебнешь лиха с пеной, что через край кружки ползет, а потом, так и быть, может быть Гантанас или кто-то еще и посмотрит, годишься ты в наставники или нет.

– Да хоть грядки окучивать на огороде Орианта, – подала голос Йора. – Может у кого и есть другой дом, а у некоторых кроме Стеблей ничего нет.

Тишина повисла в классе. Никто не ответил Йоре. Для большинства воспитанников Приют Окаянных стал единственным домом, а если кто и мог вернуться в родные места, все одно рвался обратно в Стебли.

Гаота медленно обвела взглядом класс. Их было шестнадцать в первом потоке. На четверть человека меньше, чем во втором. Девять мальчиков и семь девочек. Причем сама Гаота появилась в Стеблях лишь поздней осенью прошлого года, а Тис так и вообще в середине зимы этого. Пришел и уселся в дальнем углу. Вот и сегодня он добрал до класса последним, и как всегда уселся вместе с неизменным приятелем Джором на привычном месте. И как всегда словно уснул с открытыми глазами, как будто находился и здесь, и не здесь. Хотя в последние дни понемногу начал напоминать прежнего Тиса. Силы, конечно, прежние к нему пока не вернулись, но взгляд из-под темных прядей был тем самым – спокойным, доброжелательным и где-то даже мудрым. Правда, когда Гаота однажды сравнила Тиса со своим обожаемым наставником противостояния Юайсом, мол и тот, и другой даром что масти разной, так и смотрят на все вокруг через свисающие на глаза пряди, и что глаза у них похожие, не цветом, нет, а тем, словно они повидали в своей жизни такого, чего никому не пожелаешь, понимания у подруг не нашла.

– Ты что? – удивилась тогда Йора. – Давно в зеркало не смотрелась?

– Это точно, – тут же прибежала с зеркальным осколком Дина. – На свои глаза посмотри. Вот уж где мудрости столько, что она при ходьбе выплескивается.

Тогда они минут десять пытались выяснить, у кого взгляд мудрее, и еще минут двадцать с хохотом дрались подушками, потому как словами спор разрешить не смогли. А теперь Гаота сидела среди своих одноклассников и крутила головой.

Джор, вечно взъерошенный и милый Джор, который, кажется, всякого жучка на крепостной площади обходил за три шага, чтобы не раздавить ненароком, Джор, который внутри своей мягкости в трудные мгновения обнаруживал стальной сердечник, в последние дни просто искрился радостью. Кажется, что-то они там придумали с Тисом насчет орнамента на жезлах Дины и Йоры. Точно после того, как Тис раздал свои подарки. Надо бы, чтобы поспешили, а то скоро Скриб уже начнет проверять, как там с предметами силы у его учеников.

В противоположном углу класса сидел, развалившись и посматривая в окно на раскинувшееся за пропастью Медвежье урочище, красавчик Джай. Не любила его Гаота, хотя при первом знакомстве он ей показался и добрым, и веселым, и обходительным, но и она не могла не признать – вернулся он в крепость в конце лета еще более красивым и сильным, чем был. А что касается его срывов, возможно все дело в возрасте. Как сказала та же мудрая Хила – среди детей подарков, лентой перетянутых, не бывает. Но когда ребенку исполняется четырнадцать, то год или два он сам на себя становится не похож, порой с диким зверем легче договориться, чем с собственным отпрыском. Интересно, что она имела в виду? Только ли одного Джая или у нее были собственные дети? И где они теперь?

Рядом с Джаем как обычно сидел Флич. И ведь не скажешь, что он во всем потакал своему соседу, но стоило тому затеять какую-нибудь гадость, Флич оказывался тут как тут. А так-то старательный парень, не всегда умный, если судить по словечкам, что он готов обронить по поводу и без оно, зато усердный. Мало кто столько просиживал в библиотеке Скриба, сколько он. На среднем ряду, тоже у стены, как раз между Тисом с Джором и Джаем с Фlichem, сидел в одиночестве Олк, который от этого самого одиночества нисколько не страдал. Вот и сейчас, закрыл глаза и бормочет что-то, верно, заклинания заучивает, но взгляд Гаоты почувствовал, прищурился и даже как будто повел подбородком, мол, в чем проблема? Самым таинственным из всех учеников казался Гаоте Олк. Раньше таким таинственным Тис казался, но теперь, после его исцеления, Гаота, пожалуй, ощущала его изнутри и снаружи лучше, чем саму себя.

На некотором расстоянии перед Джаем и Фlichem, а в просторный класс по устному и начертательному колдовству можно было загнать в два раза больше столов, сидели Мисарта и Йока. Йока, всегда чистенькая, аккуратная, исполнительная только и делала, что крутила головой и ловила всякое слово что наставника, что своих старших соучеников. И не поймешь, то ли учится, то ли запоминает, чтобы клязу какую написать, хотя, вроде бы, в клязах замечена не была. Рядом с ней – Мисарта – ровесница Брока и Бича. Лишь на год младше Джая и на два – Сионы. Вечно чем-то недовольная, вечно хмурая, вечно с гримасой на лице. Волосы убраны в два небрежных пучка, хотя в прочей неприбранности девчонку не укоришь, да и кто заплетает Йоке две тугие косы каждое утро? Точно соседка по комнате. Это Сиона к волосам Фаолы не прикасается. А ведь их точно по масти делили. Рассудительная Сиона – староста и первая красавица группы – она же обладательница роскошной платиновой шевелюры – живет в одной комнате вместе со светловолосой Фаолой, которая на втором году учебы вдруг оказалась вовсе не такой уж вздорной девчонкой, какой чудилась трем подружкам весь прошлый год. А черноволосая несмеяна Мисарта обжилась в одной комнате со строгой и тоже темноволосой Йокой. Так и расселись у окна – сначала Сиона и Фаола, за ними Мисарта и Йока, а дальше уже Джай с Фlichem. А первые столы в каждом ряду свободны. Никто не хочет сидеть под самым носом у наставника. И сама Гаота сидит за вторым столом. За нею – Дина и Йора, за ними – Олк. А в первом ряду, что у глухой стены, – сразу перед Джором и Тисом – Брок и Бич. Самый толстый и вечно голодный Брок и самый надежный, хотя и порой медлительный – Бич. Брок и теперь что-то жует. А перед ними уже Гайр и Мил. Низкорослый и шустрый Мил как обычно раздумывает, как бы нашкодить, а Гайр предсказывает будущее и предостерегает Мила, не дергайся, сиди, не успеешь подложить на стул Грану острый камешек, да и мало ли пытался? Ни разу еще он на этот камень не сел, да и вот он уже, стоит в дверях!

Наставник Гран был средних лет, во всяком случае, волосы его отливали сединой, да и морщин на лице было предостаточно, но держался он всегда бодро, и даже пытался, как помнила Гаота, оказывать знаки внимания Капалле. Теперь же он выглядел куда как старше прежнего. И не только из-за гибели Спрая. Как ни крути, тот был воином, а не магом, против злого колдуна должен был выступить сам Гран, просто не уследил за доверенным ему крошечным караваном, а пока развернулся, злого колдуна и след простыл. Именно так Гаота поняла эту историю во многих пересказах, а передать им с подружками эту историю пусть и из вторых рук, но в подробностях собирался как раз сегодня после долгих уговоров сам Брайдем. Нет, нынешняя мрачность Грана имела какие-то другие причины. Хотя бы потому, что подобное настроение в последние дни охватило чуть ли не всех наставников Приюта. Что-то происходило за его стенами, а что – спросить было не у кого. Во всяком случае, если бы можно было рассказать что-то воспитанникам, тот же Юайс поведал бы обо всем без наводящих вопросов и просьб. Да и Гантанас не оставил бы учеников в неведении. Значит, все дело в тайне.

– Добрый день, – проговорил Гран, прошел к своему столу, опустился на учительский стул, откинулся к стене и окинул мрачным взглядом замерших учеников. – О чем мы собирались сегодня с вами говорить?

– Вы хотели рассказать что-то о колдовстве, – услужливо напомнил наставнику Флич. – Кажется, сделать вводный урок.

– Точно так, – медленно произнес Гран. – Что там у вас со Скрибом по предметам силы? Начали уже проводить опыты?

– Пока лишь привыкаем, – подал голос Джай. – Осваиваемся. Старик не торопится открывать нам секреты.

– Не старик, а наставник Скриб, – поправил Джая Гран. – Человек, опыта и мудрости которого хватит на сотню юнцов, уверенных в собственном превосходстве над всеми прочими. Но никаких секретов он вам и не откроет, хотя научить может многому. Не так уж много секретов в колдовстве. Умения, старания, зубрежки, повторений много, а секретов мало. Считай, что и нет. Все в памяти и на кончиках пальцев. Все на кончиках пальцев...

Он повторил эту фразу еще раз, и еще раз, потом как будто задремал на секунду, после чего открыл глаза и твердо произнес:

– И вот еще что вам нужно запомнить, волшебных палочек или жезлов – не бывает.

– Вот те раз, – чуть не подавился пирожком Брок. – А чего ж мы тогда у Скриба делаем?

– А мечи, которые летают и сами врагов разят, бывают? – спросил Брока Гран.

– Нет, конечно, – растерялся Брок.

– А что же тогда вы делаете на противостоянии у Юайса? – спросил Гран. – На фехтовании у Пайсины, у Домхана, у Крайсы? Поди и эта новая девица вас будет чему-то обучать...

– Фригра, – подсказала Сиона.

– Точно так, – кивнул Гран. – Толковая, кстати. Я, конечно, не Домхан и не Юайс, но хват меча разглядеть способен. Если бы еще этот хват мог выручить против злого колдовства...

Произнеся эти слова, Гран вновь замер и не меньше чем на пару минут уставился в окно, после чего все-таки поднялся и спросил:

– Кто знает, что такое колдовство, магия, ворожба, ведовство и все подобное?

– Ну... – Бич уважительно кашлянул, – это использование сил... сущего. Или нет?

– Сил природы, иначе говоря? – переспросил Гран. – Каких именно сил? Что это за силы? Откуда они берутся?

– Ниоткуда, – вдруг прошептала Йора. – Сила просто есть. Она всюду.

– Но что это? – не унимался Гран.

– Неизвестно, – вдруг сказал Мисарта.

– Точно так, – показал пальцем на Мисарту Гран. – И так, магия – это использование сил или силы, которые всюду и сути которых или которой мы не понимаем.

– Разве можно использовать что-то, чего ты не понимаешь? – пролепетал Мил.

– Легко, – позволил себе усмехнуться Гран. – Я сам видел в библиотеке, как ты толстым манускриптом с описанием растений Андары ударил по голове Гайра. Прочитал ли ты хоть страницу в той книге? Не уверен. Понял бы хотя бы абзац, попытавшись прочесть его? Был бы весьма удивлен. Староарданский – непростой язык. Однако разве помешало тебе это использовать книгу? Нисколько!

– Разве это подходящий пример? – спросил Джай.

– Это шутка, – вздохнул Гран. – Но вот тебе подходящий. Ты дышишь воздухом, Джай. Той самой субстанцией, что при движении своем создает ветер, что служит опорой крыльям птицы, что раздувает огонь в очаге, но что ты о ней знаешь? И мешает ли это тебе дышать?

– Да нет, вроде... – с удивлением пожал плечами Джай.

– Должен заметить важное... – продолжил как будто думать вслух Гран. – На определенном уровне постижения мудрости и разгадывания загадок сущего всякий может добраться не только до понимания того, что есть воздух, из чего он состоит, как он влияет на дыхание, на пламя, на растения и что сам извлекает из дыхания, из пламени и из тех же растений, но лишь некоторые, очень немногие могут добраться до понимания силы. Что, однако, не мешает тыся-

чам колдунов пользоваться этой силой. Точно так же, как тысячам воинов не мешает пользоваться стальным оружием то, что они очень приблизительно знают, что такое сталь, откуда она берется и каковы ее секреты. Но вернемся к силе. Представьте себе невидимое покрывало, что окутывает все. Или даже так, представьте себе невидимый туман, что клубится повсюду. Где-то он гуще, где-то едва различим. Где-то он прибывает за счет порождения силы естественными причинами, где-то истает из-за ее поглощения. И вот, если бы существо одарило нас крыльями и мы смогли бы подняться над просторами Арданы, да еще и обладали способностью, отмеренной немногим, видеть силу, мы смогли бы различить не только всемирный полог этой субстанции, ее непрерывную пелену, но и ее узлы, скопления, линии напряжения, вершины силы и ее пропасти. А оказавшись над нашим приютом, узрели бы не просто скопление и напряжение силы, но и ее неведомый источник.

Класс сидел, затаив дыхание. Гран подошел к окну, потянул на себя створки и не меньше минуты стоял, вдыхая свежий воздух и зачем-то ощупывая свое лицо. Вскоре он продолжил:

– Те предметы силы, которые вы учитесь делать по заданию мудрого Скриба, это емкости для хранения силы. Горшки. Фляжки. Огромные кувшины, пусть даже внешне они могут выглядеть как обычные деревяшки, камни или кости. Те предметы силы, о которых вы еще даже не слышали, это что-то вроде невидимых весел, которые позволяют использовать не только накопленную силу, но и ту, что разлита вокруг нас. Это, как правило, посохи или жезлы, исполненные особыми мастерами, иногда некоторые виды оружия. Те предметы силы, что я вижу на запястьях некоторых из вас, а обереги и всяческие амулеты тоже они, пусть и не слишком совершенные и имеющие довольно ограниченное назначение, это способ отгородиться от некоторых завихрений все той же самой силы. Или же использовать эти завихрения. Наконец, существуют и очень редкие вещицы, которые оставляют память о себе в веках. С их помощью можно управлять силой. Но... – Гран вздохнул и развел руками, – все они остаются орудиями в руках мага. Или же даже в руках обычного человека, поскольку как воин – это обычный человек с воинским умением, как певчий – это обычный человек с талантом певца, так и маг – это обычный человек или имни с особой чувствительностью к тому или иному оттенку силы или к ней как таковой в целом. Собственно моя задача научить вас во-первых, чувствовать силу или, скорее, разбираться в собственных ощущениях. Во-вторых, развивать собственные таланты в управлении силой, а так же осваивать способы ее познания за пределами предначертанного именно вам. Сразу должен отметить, что для этого изобретено множество ухищрений, и не только предметы силы способны стать подпорками вашей магической практики, но и столь нелюбимое вами начертательное или устное колдовство. Я знаю, что многие из вас слышали о том, что для истинного колдуна, для природного мага не нужно ничего. Он наматывает силу на руку, выдыхает ее и превращает камни не в видимость той же пыли, а в самую настоящую пыль. Это старый спор. Представьте себе двух бегунов. Один из них лучше другого в тысячу раз. Ему ничего не нужно для бега, кроме его ног и его дыхания. Он может бежать голым и уж точно босым. Он почти летит над землей. И, скажем, расстояние в десять лиг преодолевает за четверть часа. Второй бегун очень хорош, он тренировался долгие годы, но никогда не преодолеет то же расстояние быстрее, чем за полчаса, а уж если скинет легкие и удобные башмаки, то покалечит ноги и не пробежит и лиги. А теперь представьте, что кто-то рассыплет по дороге мешок диргских шипов. Чего тогда будет стоить босой бег непревзойденного бегуна? Есть о чем подумать?

Гран замолчал и окинул взглядом класс. Никто не проронил ни звука.

– В-третьих, я должен не нарушить гармонию, что должна быть в каждом из вас, – понизил он голос. – Не покалечить, не испортить, не навредить, не соблазнить легкостью и всеисилием никого из вас. И это самое сложное.

– Кем мы должны стать, когда закончим обучение? – спросил в повисшей тишине Джай. – Я не спрашиваю, к чему мы должны стремиться. Я спрашиваю, кем вы хотите увидеть нас на выходе из вашего класса?

– Ну, – Гран задумался, – по сути наша школа только создается. Вы учитесь второй год. Обычно опытный маг берется сделать из юнца подобного себе лет за пятнадцать. У нас нет столько времени, но, хвала нашим друзьям, мы не должны заботиться о пропитании, о крыше над головой и о многих других вещах. Пока мы думаем, что обучение продлится семь лет. Но не просто семь лет, а семь трудных лет. Сейчас большинству из вас одиннадцать – двенадцать лет. Когда эти семь лет пройдут, вам будет семнадцать или восемнадцать лет.

– Мне будет двадцать! – подал голос Джай.

– Мне будет двадцать один, – парировала Сиона.

– Тебе будет пора уже нянчиться с собственными детьми, – засмеялся Джай.

– Главное, чтобы не с твоими, – ответила под общий хохот Сиона.

– Не имеет значения, – улыбнулся Гран. – Конечно же, я не о детях, а о возрасте. Я знавал великих магов, которые начинали свое обучение после двадцати. Думайте лучше подумайте о том, что каждому из вас дан великий шанс стать тем, кем вы хотите стать. Не рассеять свой талант в пустоте, а реализовать его. И в этом желания ваших наставников будут совпадать с вашими желаниями. К примеру, Гантанас или Брайдем удовлетворятся, если увидят в вас молодых людей с чувством собственного достоинства, с зачатками мудрости, склонными к справедливости и милосердию. Юайс или Пайсина будут счастливы видеть в вас воинов, которые смогут постоять за себя, и следопытов, что не потеряются в глухом лесу. Синай, Хиля, Ориант возгордятся, если из вас выйдут расторопные, быстрые, хваткие, рукодельные дети Арданы, которые не пропадут без куса хлеба. А я и те, кто учат вас магии, учат вас обращению с силой, будем счастливы, если из вас получатся не рыночные фокусники, а вдумчивые практикующие маги, которые всегда будут отдавать себе отчет в том, что за сила подчиняется им, и никогда не станут считать, что им открыты все тайны. Обучение не может быть закончено никогда.

– Чем отличается черная магия от белой? – спросила Мисарта. – Или же чем отличается обучение магов в Черном Кругу от обучения их же здесь? Ведь все знают, что колдуны Черного Круга охотятся за талантами точно так же, как и друзья Приюта Окаянных.

Гаота взглянула на Мисарту. Та смотрела на Грана таким взглядом, как будто продолжала какой-то давний спор, хотела завершить уже начатый разговор.

– Нет черной или белой магии, – устало пожал плечами Гран. – И мы с тобой, Мисарта, об этом уже говорили. Хорошо, я попытаюсь объяснить это и проще, и короче. Начнем с твоего последнего утверждения. Охотятся на дичь. Вы для друзей Приюта Окаянных, которых, кстати, называют не охотниками, а хранителями, не дичь. Вас разыскивают и даже порой спасают. Но на вас не охотятся. И на таких, как вы – не охотятся. Хотя бы потому, что не обращаются с вами, как с животными. Любой из вас может уйти из Приюта. И никто не посмеет вас задержать. Ну, правда, кроме тех случаев, когда кого-то из вас отправили сюда родители или опекуны, перед которыми мы в ответе. В этом случае вам будет придан провожатый. Думаю, что в школах колдовства Черного Круга дело обстоит иначе. Что касается самого обучения... Я не преподавал в Черном Круге, поэтому могу лишь догадываться, как там устроено обучение. Но я тоже был маленьким мальчиком и учился грамоте при Храме Присутствия. Когда кто-то из нас ошибался в письме, священник бил нас по пальцам розгами. Когда кто-то из нас ошибался в своих речениях, а нам приходилось заучивать гимны и обрядовые песнопения, нас били по губам. Да, мы научились и писать, и читать. А еще мы научились страху и ненависти, которые мне, к примеру, пришлось изживать из себя долгие годы. И я не уверен, что избавился от них окончательно. Я ответил тебе на эту часть вопроса, Мисарта?

Она ничего не сказала. Гран выждал несколько секунд и продолжил:

– Вернемся к черной или белой магии. Помнишь мой довод? Нет черных или белых мечей. Нет, клинки могут быть любого цвета, но кровь на них всегда будет алой. Так и магия. Все зависит от того, с какой целью она совершается. Черная цель окрашивает магию в черный цвет, белая – в белый. Магия – это способ управления силой и ничего больше.

– А как же быть с магией, которая построена на пытках? – спросила Мисарта. – На смерти? На крови? На заклинании жертвы? Как быть с магией мертвых? Как быть с магией, которая убивает? Это тоже способ управления силой и ничего больше?

– Почти все, что ты перечислила, требует особого рассмотрения и отдельного разговора, – вздохнул Гран. – Сейчас не время для этого, этот разговор у нас будет значительно позже. Но у всего есть две стороны. Одно дело измывательство над беспомощной жертвой и другое – магия боя, когда боль павших или боль сраженного в бою противника используется колдуном для сплетения победного заклинания. Одно дело – пролитая для наполнения начертательного колдовства силой кровь жертвы и другое, кровь вашего противника, который никак не связан, а продолжает с вами сражаться. Одно дело магия, которая сплетена для тайного убийства, другое – магия, которая убивает коварного врага, опережает его. Да, все это – способы управления силой. И из стали выковываются не только мечи, но и орудия пыток. Позволь мне отложить этот разговор на пару лет. Он слишком важен и слишком непросто.

– И мы научимся? – спросил Джай. – Научимся убивать магией?

– Вы научитесь защищаться, – ответил Гран. – И сражаться, конечно же.

– Я слышала, что магия сама по себе – признак ущербности мира, – вдруг подала голос Йока.

Гаота удивилась. Йока редко поднимала руку, отвечала лишь тогда, когда спрашивали именно ее, и никогда не отличалась особой способностью связно излагать свои мысли.

– Да, – кивнул Гран. – Есть такое предположение. Оно состоит в том, что обычно сила является неотделимой частью плоти мира. Ее почти невозможно использовать, это доступно лишь особым людям, даже не совсем людям. Тем, кто способен сам становиться источником силы. И то, что сила более или менее доступна многим, по этому предположению является признаком того, что она отделена от плоти. Обособлена. И это значит, что мир выведен из равновесия. Либо по той простой причине, что однажды на него было совершено покушение, о чем вам лучше говорить с Гантанасом. Либо из-за того, что когда-то он был связан с другим миром. Либо по причине, к которой склоняюсь и я. Думаю, дело в том, что однажды в нашем мире появилось слишком много магических существ, которые, кстати, представлены и в нашем Приюте. Речь, как вы понимаете, идет об имни.

– То есть, – нахмурился Джай, – это результат случайности? И если однажды наш мир придет в равновесие, мы из молодых магов превратимся даже не в рыночных фокусников, а в пустышки?

– Вас это не зацепит, – засмеялся Гран. – Это будет происходить тысячи и тысячи лет.

– Для чего на нас тратят огромные деньги? – вдруг звонко спросила Дина. – Ведь никто не думает, что все это вокруг нас просто упало с неба?

– Не упало, – согласился Гран. – А если и упало, то не с неба. Я, как и любой из наставников, уже столько раз отвечал на этот вопрос, что ответить на него еще раз не составляет для меня никакого труда. Этот мир нуждается в защите. Защитить его смогут только герои, которые накоротке с магией, поскольку опасность, которая угрожает нашему миру, имеет магическую природу. Конечно, это не значит, что таких героев нужно выращивать и обучать. Обучать и выращивать можно только хороших людей или хороших имни. Иначе говоря, оберегать детей от зла, помогать им. А уж станут ли они героями, это другой вопрос. Никто не должен идти на смерть и на тяжкие испытания. Но если они выпадут кому-то из вас, наша задача, чтобы вы не чувствовали себя беспомощными. Никто не обязан быть героем. Но если герои потребуются, у сущего должны быть для этого дела некоторые резервы. Я ответил на твой вопрос?

– Я пока что не знаю, – призналась Дина, и как раз в этот момент, напоминая о конце урока, до класса донесся звон колокольчика Скриба. Вот уж что точно было предметом силы. Обычный медный колокольчик звенел не слишком громко, да и рука у Скриба была не такой уж сильной, но слышно его было в каждом уголке Стеблей, даже на верхнем ярусе южной башни в классах Деоры и Роута, и даже в большом подземном зале. Или же все дело было в том, что его хотели услышать все?

* * *

Брайдем обещал принять неразлучную тройцу у себя в классе, который находился на третьем ярусе северной башни с выходом в тот же коридор, куда выходили кабинеты Гантанаса и Юайса. Пожалуй, для кого-кого, а для Гаоты так уж точно это был любимый коридор в учебной части Стеблей. Однако им нужно было не в коридор, а в класс Брайдема, но сразу туда заявиться тройца не смогла, потому как урок наставника естествознания слегка затянулся, но когда в коридор вывалилась шумная толпа первогодков, Брайдем тут же заметил в дверях физиономию Дины и обреченно махнул рукой:

– Заходите, чего уж там, все равно в покое не оставите. Только от моих рассказов толку будет мало. Я там не был.

– Но Гран-то ведь вам все рассказал? – уточнила Гаота, усаживаясь на лавку напротив стола Брайдема.

– Рассказал, – неопределенно пробурчал Брайдем. – Что мог, то и рассказал. Не завидую я ему. Хорошо еще, что никто из учеников не погиб. Тогда бы, боюсь, Гран и вовсе бы сломался. И так ходит, как будто всю семью потерял.

– Спрай был хорошим, – вздохнула Йора.

– Мы тут плохих не держим, – заметил Брайдем. – Стараемся, во всяком случае. С первого взгляда не каждого можно проглядеть. А кое-кого и с сотого не рассмотришь. И чем же я вам могу помочь? Какова цель нашей беседы?

– Установление истины, – жестко сказала Гаота.

– Однако, – сделал удивленное лицо Брайдем. – Предположим, что мы ее установим, хотя я и пребываю в сомнениях по этому поводу, истина ведь вроде бы и так нам известна. Но хорошо, мы откроем какую-нибудь еще более истинную истину. И что это нам даст?

– А разве истина сама по себе ничего не стоит? – удивилась Гаота.

– Владея истиной, можно изоблечить врага! – зловещим шепотом произнесла Дина.

– Так вы еще и об этом? – помрачнел Брайдем и устало посмотрел в окно, за которым начинался обычный предобеденный детский гам. – И кого же вы готовы записать во враги?

– Никого, – успокоила смотрителя Йора. – Однако то, что все наставники ходят с такими лицами, как будто крепость осаждена врагом, видим.

– Но осады нет, – напомнила Дина.

– Вот ведь... – с трудом проглотил ругательство Брайдем. – Будь вам лет по двадцать, я бы уж точно возложил бы на вас охрану приюта и сбережение воспитанников. Но вы пока в том возрасте, что вас самих сберегать надо.

– Мы ведь можем и мечи опять нацепить! – схватилась за пустой пояс Дина.

– Только избавьте меня от мечей, – попросил Брайдем. – Кое-что скажу, но немного, и не потому, что боюсь, что проболтаетесь. Нет. Боюсь, что раздор начнется в Приюте. Короче, много чего случилось за последние месяцы в Ардане, о чем говорить я не стану, хотя случилось и страшное. Но есть и кое-что не такое уж страшное, что нас очень беспокоит.

– И что же? – спросила Гаота.

– Дошли слухи, – Брайдем прищурился, – что враг наш, а им, как вам известно, является Черный Круг, задумал запустить к нам змеиных детей. Не с вашим потоком, Дина, нет, не

нужно так тарашить глаза, лопнут. И не с новым, а с тем, что придет через год. Для чего – не знаю. Может, чтобы убить кого-то. Может, чтобы вызнать наши секреты. Может, чтобы отравить всех тут каким-нибудь ядом. Или просто быть здесь чем-то вроде клинка в чужом теле. Знаете, заноза обычно едва различима, но если не вытащить ее сразу, столько бед может натворить...

– Что значит «змеиных»? – не поняла Йора.

– Так называют змеек, что вылупляются из яиц, подложенных змеями в птичьи гнезда, – объяснил Брайдем. – Внешне они ничем не отличаются от птенцов. Нет, отличаются конечно, но имеют такой узор на коже, что можно спутать с крыльями. Да и шипят... по-птичьи.

– И что же? – испугалась Дина.

– Ничего, – пожал плечами Брайдем. – Птицы выкармливают змеенышей, а когда приходит пора обучаться лёту, змееныши пожирают своих приемных родителей. Впрочем, это разговор про возможное будущее, а вы пришли поговорить про недавнее прошлое. Так что, давайте об этом и говорить. Времени у нас мало. Обед скоро.

– Хорошо, – сказала Гаота и посмотрела на Йору. – Высыпай.

Йора тут же подскочила к столу, стянула с плеча тряпичную сумку и с грохотом высыпала на стол какие-то фигурки.

– Что это? – обреченно спросил Брайдем.

– Это оловянные фигурки от Габа, – объяснила Гаота. – Мы хотели слепить их из глины и пришли к нему, чтобы узнать, где их лучше обжечь, ведь он же у нас по огню главный. Он нас выслушал и выдвинул из-под скамьи ящик, где было полно таких фигурок, правда, многие поломанные.

– Я знаю, – поморщился Брайдем. – Мы их нашли как раз в будущем классе Гантанаса. Вот здесь, за стеной. Похоже, в нем когда-то изучали что-то связанное с битвами. Но нам-то они для чего?

– В том-то и дело! – прошипела Гаота. – Разве гибель Спрая не была результатом маленькой битвы.

– Даже так? – удивился Брайдем. – И чего же вы от меня хотите?

– Сейчас мы расскажем вам, что сами знаем, а вы слушайте и поправляйте, если мы где-то ошибемся, – объяснила Йора.

– Ну давайте, – обреченно кивнул Брайдем.

– Дело было в полдень, – начала Гаота. – Еще с утра Гран, Спрай, Мисарта и Йока переправились на пароме на левый берег Курсы и держали путь на север в сторону деревеньки, где их ждал у своих родителей Флич.

– Вот! – выставила четыре конный фигурки на стол Йора.

– А вот Флич, – поставила еще одну конную фигурку на дальний угол стола Дина.

– По той же дороге ехали еще три всадника, – продолжила рассказ Гаота. – Наверное, они держались в отдалении, потому что дорога эта, как мы узнали у Синая, не слишком хоженная, и скорее всего эти три всадника переправились на том же пароме.

– Вот, – выставила еще три фигурки Йора. – Они охотились на Мисарту и Йоку и подбирали удобное место для нападения. Удобное место нашлось недалеко от деревни Флича, или просто откладывать было нельзя.

– Скорее всего они замыслили это дело еще на пароме, – заметила Гаота. – Наверное, отравили одну из лошадей, которая потом закапризничала. Здесь, правда, имеется подозрительная путаница. Одни говорят, что Мисарта отстала, потому что у нее лошадь закапризничала, другие, что Ласточка Ойки закапризничала, но все сходятся, что отставала именно Мисарта, получается, что она и была на Ласточке. За ней вернулся Спрай, поменялся лошадьми, решил, что справится с Ласточкой. Тут эта троица и напала на них.

– Получается, что охотились на Мисарту, – предположила Йора. – Спрай же ее подменял? Да и лицо обожжено было у Мисарты.

– Хотя вроде бы память потеряли сразу обе – и Мисарта, и Йока, – заметила Дина.

– Так или иначе, Спрай мертв, Ласточка – мертва, – вздохнула Гаота. – Гран, который, получается, спугнул трех нападавших, весь в печали, а еще две свидетельницы – ничего не помнят.

– И что? – спросил Брайдем.

– Синай сказал, что когда идет обоз или даже отряд, то нельзя отдаляться от общей группы больше чем на два десятка шагов, – сказала Йора. – И что Гран эти правила знает, и допустить такого, чтобы кто-то отстал – не мог.

– Не должен был, – поправил Йору Брайдем. – Но, как видите, допустил.

– Ничего мы не видим! – прошипела Дина. – Если у Мисарты было обожжено лицо, то что это была за магия? И почему лошадь Спрая, на которой она, получается, должна была сидеть, не пострадала? Не ней даже царапины нет! Почему Мисарте обожгло лицо, если на нее охотились? Ее хотели похитить или убить? И почему напали на отряд, если охотились на Йоку? Йока же не отставала? Ей же, получается, ничего не угрожало? И почему тот страшный колдун, который мог убить-заколдовать такого воина, как Спрай, да еще с двумя помощниками, не сразился с Граном?

– Стоп-стоп-стоп! – поднял руки Брайдем. – Навалились на старика втроем и давай топтать. Дайте хоть выдохнуть! Ну, сразу замечу, что по рассказу Грана Ласточка капризничала еще от дома родителей Йоки, а не с парома. И что сначала на нее села Мисарта, надеялась с ней сладить. Но не вышло. А когда лошадь вовсе отказалась идти, то Мисарта и остановилась. Минуты – две, и вот уже она далеко. Да, Спрай вернулся сразу, а Гран замешкался, потому что Йока придуривалась и вырвалась вперед, ее тоже нельзя было оставлять. Поэтому остальное он видел издали. Спрай посадил Мисарту на свою лошадь, шлепнул ее по крупу – лошадь конечно, а не Мисарту, и стал осматривать Ласточку. Мисарта отъехала на пару десятков шагов, почему-то слезла с лошади и пошла обратно к Спраю. Тут и троица показалась. А потом все слилось в секунды. Вспышка, падающий Спрай, начинающая падать лошадь, окаменевшая Мисарта с рукой у лица, ревушая от страха Йока за спиной у Грана, и трое неизвестных, что скачут прочь. Гран, кстати, сказал, что один из них успел подскочить вплотную к Спраю. Может быть, он что-то у него взял.

– Что? – хором воскликнули Гаота, Дина и Йора.

– Не знаю, – пожал плечами Брайдем. – Но Гран говорит, что Спрай хвастался, что нашел кое-что интересное, что непременно надо показать Гантанасу. Может быть, это интересное было интересно не только Спраю?

– Спрай никогда не хвастался, – пробормотала Гаота. – Я, конечно, никогда с ним не говорила лично, но вот уж кто всегда был молчалив и сдержан, так это Спрай.

– Даже так? – сдвинул фигурки в кучу Брайдем. – Хорошо. С лошадьми путаница. Спрай никогда не хвастался. Отряд двигался неправильно. Какова же ваша версия событий?

– Версия? – закашлялась Дина.

– Нет у нас еще версии, – пожала плечами Йора.

– У меня есть вопрос, – прошептала Гаота. – Вот вы, как старший смотритель, управляющий Стеблей. Или Гантанас, как старший наставник. Для вас что важнее – узнать, как все было, или не обидеть Грана подозрением?

– Подозрением в чем? – не понял Брайдем.

– Во всем, – чуть повысила голос Гаота. – На противостоянии Юайс учит нас, что выбирать надо всегда самое простое объяснение. И что совпадений не бывает.

– О каких совпадениях ты говоришь? – нахмурился Брайдем.

– Потеря памяти! – воскликнула Гаота. – И у Мисарты, и у Йоки. Вы спрашиваете про версии? Версий нет, но простое объяснение есть. Не было никаких всадников. И никто не отставал. И лошадь не капризничала. И Спрай ничего не находил. Что-то другое случилось. Не знаю уж, на ходу или на привале. И где точно, тоже не знаю. Но думаю, что это Гран убил Спрая. И памяти Йоку и Мисарту тоже лишил Гран. Мисарта, правда, сопротивлялась, поэтому ей еще и лицо обожгло.

– О как! – вытаращил глаза Брайдем.

– Ой! – пискнула Йора. – Гаота! Ты все это вот прямо сейчас придумала?

– С ума сойти, – прошептала Дина.

– Но почему тогда погибла Ласточка? – прищурился Брайдем. – Опять усложняешь? Почему Спрай сел на нее?

– Не знаю, – махнула рукой Гаота. – Может быть, он рядом стоял и все было на привале. Узнал что-то тайное, и Грану пришлось его убить.

– Так, – поднялся из-за стола Брайдем. – А теперь слушайте меня внимательно. Я даже не буду говорить, что знаю Грана уже несколько лет, и что за него поручались люди, которых я знаю еще больше лет. Но вы должны понять другое – если бы даже Гран был врагом, то в его интересах было бы оставаться этим самым скрытым врагом как можно дольше. И даже если бы Спрай привез бы в Стебли весть, что Гран, к примеру, враг, ему бы никто не поверил. Вы можете представить врагом Гантанаса?

– Нет! – хором ответили девчонки.

– А меня?

– Нет... – уже не так уверенно ответили Йора и Дина, а Гаота спросила:

– А может кто-то быть врагом и не знать об этом?

– А может кто-то не хотеть, но убить кого-то? – спросила Дина. – Случайно!

– А может кто-то ненадолго сойти с ума и натворить страшных дел? – прошептала Йора.

– Тьфу, – замахал руками Брайдем. – Сами же все усложняете! Кто тут враг и не знает об этом? Как это возможно? Кто у нас умеет убивать случайно? Кто у нас тут сходит время от времени с ума? Запомните главное, Грана можно вывести из себя. Если, к примеру, убить у него на глазах кого-то. Но Грана нельзя обмануть и нельзя заколдовать! Он как камень! Как стальной слиток! Я бы после такого происшедшего со мной месяц бы пил, и было уже похуже, и пил, а он уроки ведет! Гран – не какой-то там юный талантливый самородок, который может натворить такого, чего сам не поймет! Он мастер! Один из сильнейших в Стеблях! Ясно?

– Ясно, – прошептала Дина.

– В основном, – вздохнула Йора.

– И все равно что-то здесь не так, – надула губы Гаота.

– Лучше бы уж вы подземные ходы искали, – покачал головой Брайдем. – Ладно. Вы мне другое скажите, тут вашей младшей подружки Глойны нет? А то ведь разнесет ваши бредни по всей крепости!

– Нет, – задумалась Гаота. – Глойны здесь нет. До обеда у нее на шалости и сил нет. Правда, Тис подарил ей амулет с заклинанием неслышного шага, но у этого амулета есть еще одно свойство. Я, конечно, с ним не услышу Глойну, но зато увижу ее игрушку, где бы та ее ни прятала.

– Все, – хлопнул в ладоши Брайдем. – Дуйте на обед, пока не опоздали. И чтобы рот на замок.

* * *

Гаота остановилась уже на лестнице. Замерла, оглянулась на наткнувшихся на нее подруг, прошептала зловещим шепотом:

– Поняла!

– Что поняла? – хором спросили Дина и Йора.

– Вы слышали, что сказал Брайдем? – спросила Гаота. – «Гран – не какой-то там юный талантливый самородок, который может натворить такого, чего сам не поймет!»

– И что? – спросили Дина и Йора.

– Все сходится! – воскликнула Гаота. – Йока!

– Йока? – не поняла Дина.

– Молчунья и тихоня Йока, чей талант до сих пор был никому неизвестен, – прошептала Гаота. – Не знаю как, но он проклянулся! Лошадь под ней – погибла! Мисарта, ее покровительница, что ехала рядом – отделалась ожогом лица. Спрай, который бросился к Йоке, погиб. И только бедолага Гран никак не может понять, что же такое случилось? А может быть, тоже лишился памяти! Как вам такая версия?

– Послушай, – осторожно протянула Йора. – Может быть, лучше будем искать подземные ходы?

Глава шестая

Источники и истоки

Джор слушал Тиса так внимательно, как не слушал и Гантанаса. Сидел с открытыми глазами, разинутым ртом и почти не моргал, хотя час был поздний, и обычно в это время Джор уже клевал носом. Когда Тис закончил излагать общие сведения о том, что такое жезлы или, как говорят еще колдуны, малые посохи, рот у Джор захлопнулся со стуком. Хорошо хоть язык не прикусил.

– Ты в порядке? – спросил Тис. – Мне продолжать?

– Подожди, – восхищенно прошептал Джор. – Вот ты хочешь сейчас сказать, что развернул маленький клочок пергамента, оставленный тебе твоей матерью, и вот сразу все это узнал?

– Не узнал, – поправил Джор Тис. – Вспомнил. И не все, может быть, а только самое главное. Я был еще маленьким, но помню, как мама говорила, что всего она мне рассказать не может, у нее и времени столько не было, но передать основу, направление, зерно – вполне. Это ведь как в любой науке, надо представлять в какую сторону идти и что искать, а уж библиотека Скриба тут недалеко. И, кстати, – Тис показал на стол, на котором лежал толстый манускрипт, – старик мне уже помог. Кое-что из того, что я тебе рассказывал, я почерпнул из этого уложения. Другой вопрос, что есть еще кое-что. Ну, вроде как эти ключи могут открывать не только знания, что передала мне мать, но и все то, что хранилось ее предками. Но вот это я совсем не понял. Или наоборот, не так запомнил слова матери. Да и не ощущаю вроде бы ничего такого, если честно.

– Послушай, – вытаращил глаза Джор. – А что если тебе прочитывать все пергаменты? Тьфу, то есть открыть все ключи? Ты будешь вообще все знать?

– Вряд ли, – ответил Тис. – Думаю, что я всего лишь вспомню то, что услышал когда-то. Да и то не обязательно. Ведь когда мама рассказывала мне что-то, я еще и слов-то не понимал. Слушал, как колыбельные. Мне даже кажется, что кое-что она мне... пела. Поэтому я, наверное, не сразу все вспоминаю. Все как будто всплывает... частями. Набросками. Не знаю, словно штрихами что-то очерчено, а я должен угадать. А про жезлы и посохи – совсем просто, это как... обычные сведения. Как делать, что не забыть. Вот если бы я еще в дереве разбирался... Их чаще всего все же из дерева делают. Но открыть сразу все ключи я не смогу. Да, последний легко открылся, а два предыдущих ключа меня едва не убили.

– Тогда лучше не надо, – пробормотал Джор. – Давай делать все постепенно. Ну, шаг за шагом. К примеру, я в дереве разбираюсь очень хорошо. Я даже объяснить это не очень могу, но всякое дерево как будто насквозь вижу. И с закрытыми глазами лучше, чем с открытыми. Это даже легче, чем читать мысли. Похоже, у меня и талантов других нет. И все же было бы здорово открыть такой ключик и тут же сдать все зачеты и пройти все испытания. И сразу же стать наставником Джором! Представляешь, захожу я в класс, вызываю Джая и говорю ему – тебе, Джай, за ответ неудовлетворительно!

– Так ты его и не выслушаешь даже? – поинтересовался Тис.

– А зачем? – не понял Джор. – Я же его вызову, чтобы поставить ему неудовлетворительно. Зачем его спрашивать? А вдруг он ответит хорошо?

– Скорее всего, – согласился Тис. – Он довольно резок, почти всего напряжен или в каком-то раздражении, даже не знаю, но совсем не глуп. И учиться старается. Знаешь, если бы судьба так завернулась, что ты стал бы наставником, хорошим наставником, а не Бейдом каким-нибудь, то ты поставил бы ему ту оценку, которую он заслуживает.

– Ты с ума сошел! – вытаращил глаза Джор. – Это же Джай! Он никого не любит. И дальше будет только хуже. Он даже противней Флича!

– И что? – пожал плечами Тис. – А если кому-то из наставников не понравишься вот ты? И он тебя вызовет, но не станет слушать и сразу влепит неуд? Как тебе это?

– Чего это неуд? – надул губы Джор. – Я же не Джай! Я Джор! И плохого никому ничего не делаю и не делал.

– Угу, – хмыкнул Тис. – Я вижу, что ты Джор. Пойми, если ты будешь наставником, и у тебя попадетсЯ в классе вот такой Джай, и хоть кто-то будет знать, что ты его не любишь, ты ему будешь прибавлять за каждый ответ. Немного, но прибавлять. Чтобы сглаживать собственную нелюбовь. Понимаешь? И по-другому – никак.

– Что-то мне уже не хочется становиться наставником, – пробурчал Джор. – Еще не хватало, Джаю оценки прибавлять. Лучше уж ставить все по совести. Непонятно, правда, как можно справиться с собственной нелюбовью? Или хотя бы скрыть ее?

– Не знаю, – ответил Тис. – Возможно, надо представить, что вот такой Джай – это твой сын.

– Тогда я его точно убью, – приуныл Джор.

– Не убьешь, – засмеялся Тис. – Лучше скажи, ты запомнил хоть что-то из того, что я рассказал?

– Да все запомнил, – оживился Джор.

– Тогда давай-ка сюда все жезлы, – предложил Тис.

* * *

Тис принял из рук ДжорА веретено Дины, буковую рукоять от жернова Йоры и старый, но уже очищенный жезл самого ДжорА и долго вертел их в руках, а потом положил на стол, сдвинул к деревЯшкам сразу обе лампы, что помаргивали на столе, и покачал головой.

– Без тебя я не разберусь, Джор. Что-то мне кажется, что из всего этого настоящий жезл можно сделать только из бука. Хотя если по мне, то и буковая палочка коротковата.

– Это еще почему? – не понял Джор. – Уж не знаю насчет бука, но вот этот, который мне достался, он ведь уже жезл?

– Да, – кивнул Тис. – Был жезлом. Но понимаешь...

Тис задумался, огляделся и постучал пальцами по ножнам меча, который в последние дни все чаще лежал у него на столе.

– Вот это очень хороший меч, который попал в какую-то беду. И он принес беду многим из тех, кто брал его в руки. Я с ним пока еще не разобрался, но разберусь. Но вот сразу так взять его в руки и полагаться на него я бы не стал. Это как погладить незнакомую собаку. Мало того, что она может оказать злой и коварной, а вдруг она вообще волк?

– Или оборотень, – хмыкнул Джор.

– Или так, – кивнул Тис. – О чем это говорит? О том, что у каждой вещи есть своя судьба. Даже у хорошей вещи. Понимаешь? У твоего жезла чужая судьба. Возможно, в нем и нет никакой гадости, даже скорее всего, но что-то в нем не так. Но если меч можно как-то, наверное, очистить, поправить, то жезл – вряд ли. Знаешь почему? Потому что то, что тебе придется править, и есть все его существо. ДеревЯшка – это его сотая часть. Важная, но не слишком большая. Это как поправить человека. Вот скажи, ты можешь поправить Джая?

– Ты сейчас шутишь? – прищурился Джор и покосился на плотно закрытое окно, за которым уже стояла ночь.

– Нисколько, – понизил голос Тис. – Я даже не исключаю, что его поправить можно. Но я бы не взялся. Знаешь почему? На это пришлось бы потратить всю жизнь. Мою жизнь. Что-то мне кажется, что она мне и самому пригодится.

– А я бы свою потратил, – вдруг ляпнул Джор и тут же испугался, замахал руками. – Не на Джая, конечно. А на кого-нибудь. Ну, на кого-то, кого я буду любить. Так что... не сходитсЯ.

– Сходится, – не согласился Тис. – Знаешь почему? Потому что тратить жизнь на того, кого любишь, это и есть настоящая жизнь. И это и моя жизнь, и твоя. Если повезет, конечно. Даже если я еще, к примеру, никого не люблю. Нет, люблю конечно. Но не люблю так, как любила меня моя мать. Хотя... – Тис на мгновение запнулся, – возможно у нее были причины относиться ко мне с ужасом или даже с отвращением. Чего уж говорить о моем приемном отце. Но мои родители потратили свою жизнь на меня. Потратили, потому что это и была их жизнь. Да и твоя мачеха, если я понял, тоже. Все сходится.

– Так что мы должны сделать? – спросил Джор, отвернувшись и шумно высморкавшись в тряпицу.

– Мы должны сделать настоящие жезлы, – твердо сказал Тис. – Такие, что Скриб посчитал бы большой удачей спрятать их в своем хранилище. Не вот эти побрякушки, которые и в самом деле могут стать жезлами, но которые, думаю, при всем уважении к их древности, скорее всего предназначены для того, чтобы мы набили шишек. Понимаешь? Набили шишек и поняли, как их не надо делать. Мы должны сделать настоящие жезлы. Ты слышишь меня? Девчонки нашли два подземных хода. И в последнем спасли Приют от нападения врагов. Они совершили подвиг, Джор. А мы?

– Да уж, – вздохнул Джор. – Не знаю уж, кто это развонил по всей крепости, может быть, Глойна, но новенькие показывают на нашу троицу пальцами. Они знаменитости. Кстати, на тебя тоже так смотрят. Только пальцами не показывают. Мне кажется, что тебя немного боятся.

– Непонятное всегда страшит, – кивнул Тис. – Но в таком случае я могу сказать, что сам себя и я немного боюсь. Или нет. Боюсь, что не справлюсь с тем, что мне предстоит.

– А что тебе предстоит? – насторожился Джор.

– Не знаю, – признался Тис. – Я ведь все еще никому не могу рассказать кое-что из того, что со мной тут произошло. Ты же тоже никому не рассказываешь о мертвых, которых ты видел?

Джор замер, поежился, покосился на дверь комнаты, вспомнил, что теперь они уже на третьем этаже дома учеников, а не на втором, где он видел смертные тени в последний раз, выдохнул и прошептал:

– Знаешь, я и сейчас мог бы их увидеть, но теперь я владею собой. С твоей помощью.

– Значит, пришла твоя пора помочь мне, – кивнул Тис. – Помочь сделать не большой, как наша троица, а маленький подвиг. Изготовить настоящие жезлы. Такие, за которые, как написано в этой книге, платят иногда больше, чем за мечи. Хотя, я ведь неправильно говорю, – оживился Тис. – Да, я кое-что знаю, но почти все уже тебе рассказал. А в дереве разбираешь ты, а не я. Поэтому это я тебе буду помогать, а не ты мне.

– И если это получится... – вздохнул Джор и расплылся в улыбке Джор, – то у меня будет профессия? Я овладею редким ремеслом? Ты не шутишь? И смогу даже на это жить?

– Думаю, что да, – кивнул Тис. – Не уверен, что нам удастся побыть ремесленниками, но хорошее ремесло еще никому не помешало.

* * *

Двигаться к цели нужно было непрерывно. И не на два шага, отступая на шаг с последующим отдыхом, а хотя бы на половину шага, но каждый день, не сдавая при этом назад ни на палец. Да, тебе повезло, уже почти погребенный, ты удержался на этом краю, выбрался из-под земли и не обнаружил на том месте, где еще недавно стоял твой замок, ничего, даже руин. Только огромный котлован. Радуйся. Тебе не придется его копать. Начинай тесать камень и выкладывать фундамент собственного будущего. Теперь все зависит только от тебя. И пусть твоя новая крепость будет выше, крепче и неприступнее прежней. Главное, не останавливаться. Ты в самом начале пути.

Кто шептал Тису на ухо эти слова? Или это был отзвук одного из уже открытых им ключей? А если это были его собственные мысли? Что ж, в таком случае изготовление нескольких жезлов – хотя бы для Гаоты с подругами и для Джора – вполне годилось для того, чтобы отмерить полшага. Другой вопрос, что эти полшага еще нужно было совершить.

Перво-наперво друзья определились, что веретено Дины на роль жезла не годится никак. Джор его ощупал, обнюхал и даже лизнул и сказал, что деревяшка сохранилась неплохо, но, если следовать заданным Тисом размерам чуть длинновата и слишком тонка, хотя с толщиной он может разобраться.

– Разобраться? – не понял Тис. – Обклеить пергаментом, что ли? Не пойдет. Нам нужен массив. Середину, конечно, придется высверливать или еще как-то выбрать, но не сильно. Кстати, веретено для этого слишком тонко. Что это за дерево?

– Не поверишь, но это осина, – пробормотал Джор. – Похоже, хозяйка этого веретена была суеверна. Ну или верила сказкам, что имни можно убить осиновым кольшком. Обычно такие штуки, я про веретено говорю, вырезают из других пород дерева.

– А разве имни нельзя убить осиновым кольшком? – спросил Тис.

– Как и любого человека, – пожал плечами Джор. – И не обязательно осиновым. Подожди, ты же говорил, что осину нельзя использовать? Нет?

– Нежелательно, – заметил Тис. – Это как и с металлом. Можно ли сделать меч из бронзы? Вполне. Раньше их и делали. Но стоит ли заморачиваться? Нет. Осина хорошее дерево для своих целей. Но оно забирает в себя. А нам нужно, чтобы отдавало. По этому условию некоторые деревья не подходят. Ну хотя бы такие, как елка, ива, некоторые орешники, с кустарниками вообще непросто.

– То есть, главное, чтобы дерево было щедрым, – задумался Джор. – Ну, тогда рукоять от жернова – отличный выбор. Бук – то, что надо. А вот мой жезл, кажется, отпадает – это же ива! Мягкое, но непростое дерево! К нему можно прислониться и даже уснуть под ним, но лучше не залеживаться. Высосет оно из тебя беды и начнет отсасывать силы...

– Насчет бука я уже говорил, – кивнул Тис. – Сделаем. Пусть палочка и короче нужной, но такое дерево да с такой историей не использовать было бы глупо. И для Йоры оно прекрасно подойдет. Дерево твердое, как раз под ее... каменные способности. Правда, над начинкой придется подумать. А вот твоя ива уже никуда не годится и не только потому, что она ива. Говоришь, хорошо дерево чувствуешь? Что у этой ивы внутри?

– Внутри? – удивился Джор и стал катать рукоять в ладонях. – Да нет там ничего внутри. Хотя... Обрыв, что ли?

– Теперь вижу, что чувствуешь дерево, – заметил Тис. – И, похоже, не только дерево. Сам посмотри с торцов, там зашлифованы каменным клеем серые узелки. Похоже эта ива была напряжена стальной проволокой. Мягкому дереву потребовалась стальная сердцевина. Но с годами она ослабла, может быть даже истончилась до предела. Ржавчина, скорее всего, причиной.

– А если снова высверлить? – с сожалением повертел жезл в руках Джор.

– Не стоит, – махнул рукой Тис. – Деревяшка может лопнуть, да и зачем нам ива? Не забывай, мы должны сделать настоящие и очень хорошие жезлы. А этот можно выкинуть или отдать Скрибу в его коллекцию. Ты же его очистил?

– Думаю, если бы этот жезл был стоящим, Скриб его и сам бы не упустил, – пробормотал Джор. – Я подожду его выбрасывать. Может, весной посажу его в землю и выращу из него иву. Я могу, не сомневайся. Немного жизни в этой деревяшке еще есть.

– Вырастишь дерево со стальной проволокой внутри? – удивился Тис.

– До весны она растворится без остатка, – пробормотал Джор. – Уж я постараюсь.

* * *

Тис смог уснуть лишь через час, все ворочался, представлял, какое дерево к какой из подружек может подойти, если уж решили так и делать Йоре жезл из бука, а потом решил, что лучше всего будет положиться на Джора, и в вопросе начинки для жезлов тоже, в конце концов, это будет ведь его ремесло? На следующий день Тис растолкал приятеля пораньше и, несмотря на то, что тот упирался и просил дать ему возможность отоспаться хотя бы в свободный день, вытащил его на пробежку. Возле Орлиных ворот Джор перестал стонать, а подбегая к домику Орианта уже всю мечтал, какие прекрасные жезлы они сделают, и как девчонки будут за эти жезлы обнимать Джора.

– Сначала нужно материал выбрать, – придержал приятеля за плечо Тис и показал на грядки Орианта, на которых по случаю свободного дня возился с мотыгой не только он один, но и его жена Хила.

– Доброго утра! – поздоровался Тис через плетень со стариком и Хилой. – Вот уж не знал, что и поздней осенью можно что-то делать на огороде кроме сбора урожая!

– Осторожнее! – погрозил ему пальцем, выпрямляясь, старик. – Одно лишнее слово, и ты замучаешься пересдавать мне травоведение. Во-первых, и осень еще не поздняя, а очень даже ранняя. А во-вторых, как еще клубни оставить в земле? Только прикопать, чтобы они весной выбросили ростки и порадовали и цветами, и скорым урожаем. А вот о каких клубнях речь идет, не скажу. Пойдешь к Скрибу, найдешь книгу по огородным культурам и сам все там прочтешь.

– Или я подскажу, – засмеялась Хила. – Я смотрю, уже и бежать можешь?

– Не слишком быстро, – вытер пот со лба Тис. – Но понемногу прибавляю. Однако мы с Джором за помощью. Нам бы палочек набрать из разных пород дерева. Немного. До десятка. Толщиной... в два или три пальца. Для... опытов с жезлами.

– А вы в дереве разбираетесь, что ли? – сдвинул густые седые брови Ориант.

– Я не очень, – признался Тис. – Джор разбирается.

– Да ну? – удивился Ориант. – Тихоня и скромник со способностью к чтению мыслей наставника обнаружил еще один особый талант? А ну-ка!

Старик заковылял к плетню и сунул в руки Джору мотыгу.

– Угадай, что за деревце послужило рукоятью, и я вам дерево не только на жезлы, но и на посохи дам. Только мысли мои не читать! Да и не получится, мы тут все теперь с особыми амулетами ходим. Тут ведь еще и эта маленькая неугомонная Глойна, которая то есть, то нету, вроде бы тем же даром обладает! Угадывайте.

– Как тут угадаешь-то? – развел руками Тис. – Мало того, что кора содрана, она же еще и выскоблена и выморена! Похоже, и высмолена тоже...

– Подожди! – нахмурился Джор, принимая в руки мотыгу с чуть кривоватой ручкой. – Я, кстати, не читаю мысли. Точнее, не подслушиваю их. Если только случайно. Но сейчас мне надо прислушаться. Не мешай, Тис.

– К чему прислушаться? – не понял Тис. – К дереву? Оно думает?

– Оно дышит, – постучал пальцами по рукояти, прислонившись к ней же ухом, Джор. – Это ведь яблоня? Так? Правда, почти мертвая...

– Это что еще значит? – оторопел Ориант. – Что значит, почти мертвая?

– Могла ожить, – сказал Джор. – Вы срубили ее два года назад. Мороз был сильным, наверное. Короче, она не выбросила весной листву, замерзла. Но могла ожить. Или к середине лета, или на следующий год. Однако, ей это не удалось. С топором трудно спорить. А потом, как обычно. Ошкурена, выскоблена, обработана оранжевым корнем, покрыта вареным льняным маслом. Хорошее дерево, но не для мотыги. Вот здесь, здесь и здесь может сломаться.

- Что ты делаешь у меня на травоведении? – спросил с изумлением Ориант.
- Сижу, – пожал плечами Джор.
- Сиди и дальше, – кивнул Ориант. – Но имей в виду, что я тебе ставлю зачет за этот год уже сейчас. И иногда буду звать к себе на участок. Для... совета. Хила, покажешь мальчикам образцы?
- Конечно, – засмеялась Хила. – Пошли, мальчики, а то ведь он прицепится теперь к тебе, Джор, что и не отдерешь.

* * *

Через полчаса друзья с целой охапкой сучьев подходящего качества пришли к Уинеру, где под его неодобрительное ворчание напилели их на нужные куски, а уже после завтрака с выданной тем же Уинером старой корзиной явились в кузнецу Габа. Там уже вместе с кузнецом суетился у горна худой и высокий мальчишка из новеньких, которого, как Тис уже знал, звали Яраном.

– Это еще зачем? – поинтересовался Габ, рассматривая корзину. – Для горна не пойдут, или еще какая цель имеется?

– Жезлы будем из этого делать, – сказал Джор. – Пришли за помощью.

– Ко мне? – удивился Габ. – С деревяшками? Я же кузнец, а не столяр. Почему не к Уинеру?

– Так мы у него уже были, – объяснил Тис. – Нам еще нужен материал для сердцевины – желательно какая-нибудь проволока, чтобы не ржавела, конечно, и костный клей. Но главное – это отверстие. Нужно высверлить деревяшки, сердцевину заменить. Ну, натянуть начинку, залить клеем, а потом уж шлифовать и доводить до ума. Уинер сказал, что со сверлением надо идти в кузнецу, мол есть одно хитрое устройство для этого дела, но оно из железа, да и у кузнеца никак руки не дойдут, чтобы его запустить.

– Уинер сказал, что для обычных дырок у него коловорот есть, – добавил Джор, – но для такого дела он не подойдет. Решил поначалу, что мы дудки хотим мастерить и предложил сразу брать материал с мягкой сердцевиной.

– А вы дудками не увлекаетесь? – постарался сдержать улыбку Габ, в то время как его юный помощник не удержался и прыснул.

– Пока нет, – бодро сказал Тис. – А там будет видно.

– Вот, Яран, – показал на Тиса Габ. – Это тот самый Тис, что, будучи младше тебя, сумел выковать себе такой меч, что я бы гордился такой работой.

– Я слышал, – кивнул мальчишка. – Да и видел уже. Ты как-то странно двигался в большом зале.

– Это просто был медленный танец с мечом, – объяснил Тис. – Для того, чтобы... собрать себя.

– В кучку, – засмеялся Джор.

– Пока в кучку, – вздохнул Тис. – Чтобы потом из этой кучки что-то вылепить. Надо же с чего-то начинать.

– А где тот меч? – спросил Яран.

– Его больше нет, – ответил Тис. – Нет, он не потерялся, он... закончился. И, значит, был недостаточно хорош.

– Яран никак не может привыкнуть, что здесь, в Приюте, иногда случаются необъяснимые истории, – улыбнулся Габ. – Но, думаю, скоро привыкнет. Теперь, что касается вашей просьбы. Раскаленная спица, я думаю, не подойдет?

– Нет, – мотнул головой Тис. – Мало того, что она будет неравномерно выжигать сердцевину, она же будет еще и убивать дерево. Да и возни с ней слишком много. А потом еще придется прочищать отверстие, как-то вычищать из него нагар.

– Ладно, – наморщив лоб, произнес Габ. – Придется мне отложить все дела и заняться тем хитрым устройством. Помогите вам, но давайте уже завтра, раньше я не успею. Я так понимаю, что с такими палочками ко мне каждый год будут приходиться?

– Скорее всего, – кивнул Джор. – Конечно, если у нас все получится.

– Думаю, что получится, – задумался Габ. – Подход у вас уж больно деловой. Хорошо. Оставляйте здесь свою корзину и после завтрака будьте здесь. Только сразу скажу, костного клея у меня нет. С этим – к Слату. И вот еще что, – кузнец посмотрел на Тиса. – Я тебя жду конечно, но не тороплю. Мы тут оружие будем приводить в порядок, чтобы и новому потоку досталось. Спешки не будет, времени у нас полно, Брайдом раньше весны раздавать его запретил, надо еще присмотреться к новым ученикам. Да и отличный помощник у меня образовался. Хотя два помощника лучше одного. А вот твой меч надо бы посмотреть срочно. Я его оглядел, но не пристально. Наслышан я о твоём разговоре с новым ключником. Принесешь?

– Принесу, конечно, – кивнул Тис. – Правда, я не знаю, что с ним делать. Хотел все обдумать. Что-то может случиться?

– Ты знаешь... – Габ оглянулся на Ярана, который застыл с щипцами в руке, вытер ладони о фартук, – мне будет спокойнее, если я буду знать, что у парня по имени Тис есть оружие, на которое он может положиться. Надо кое в чем разобраться.

– Я понял, – кивнул Тис.

* * *

– А костный клей зачем? – спросил Джор у Тиса, когда они уже вышли из кузницы. Осеннее солнце светило ярко, до следующего завтрака был еще целый день и целая ночь, и можно было и побездельничать, а то и просто посидеть на солнце и посмотреть на новичков, которых как раз Джай и Бич обучали играть в два мяча. Тем более, что болельщиков было больше, чем игроков, и без радостного визга не обходилось.

– Я же тебе говорил, – объяснил Тис, присаживаясь на постамент вазы и беря на руки Брайдика, который блаженно развалился на осеннем солнце. – Все просто. Сначала мы подбираем нужное дерево...

– Я, кажется, знаю, как это сделать! – оживился Джор. – Если представить каждую из девчонок деревом, то можно подобрать к ней что-то созвучное! Я смогу!

– Только не вздумай сказать, что ты представляешь кого-то из них деревом! – предупредил Тис. – Или я тебе не позавидую потом. И не перебивай меня, а то я собьюсь. Значит так, сначала мы подбираем нужное дерево, но потом еще нужно подобрать сердцевину для каждого жезла, которая будет его недостатки скрадывать, а достоинства усиливать. Как-то натянуть эту сердцевину, чтобы придать жезлу внутреннее напряжение, и залить клеем. Его ведь еще сварить надо. Схватывается он за день, значит, будем изготавливать один жезл в день. Ты не забывай, нам еще надо снаружи обработать каждую заготовку, мы же только кору содрали.

– Но Уинер же сказал, что поможет, – не согласился Джор. – Как отверстия сделаем, он их... как это... от-цен-тру-ет и сточит лишнее. Или нам покажет, как это сделать. Все зависит от Габа. Если тот свое устройство запустит, то все будет быстро. Оно же где-то в Водяной башне!

– Там где ослик? – засмеялся Тис. – Не видел я там никакого устройства. Сено, бочки, ящики видел, а устройства нет. Хотя, давно мы туда не заглядывали. Главное, чтобы Глойна не проболталась. Она же там то и дело пропадает. Жалеет ослика, что ему работать приходится. Морковку выпрашивает на кухне и таскает туда. Запомни, после того, как мы отшлифуем все

заготовки и подберем сердцевину и даже зальем заготовки клеем, нам еще придется нанести на деревянные узор, что поможет сохранять в жезлах силу, и придумать, как их покрасить, чтобы этот узор не был виден!

– А это еще зачем? – не понял Джор.

– На всякий случай, – пожал плечами Тис. – Это-то уж точно наука от моей мамы. Мы же делаем вещь на всю жизнь, а в Ардане немало мест, где колдунов не очень любят. Да и Черного Круга надо опасаться. А жезл да еще с магическим узором – первый признак, что он в руках у колдуна. Даже посох может быть и у странника, и у монаха, а вот жезл... Их всегда прятали. Зашивали в одежду, в мешки, в голенища сапог. Или, к примеру, изображали из них ручки для сумок. Некоторые даже насаживали на них молотки. Но молоток тяжел, глупо его таскать с собой. Да и ручка у молотка не круглая должна быть.

– А мы как будем делать? – спросил Джор.

– Мы сделаем ашарские свитки, – понизил голос Тис. – Это мало кто применяет. У них не два стержня, а один. И не слишком длинная полоска пергамента или хорошей бумаги. Как правило с молитвой о добром пути или о сохранении товара. Иногда просто для записей, это еще лучше. Ну и шнурок, чтобы можно было прихватить свиток узлом. За десять медяков такой можно купить чуть ли не в любой лавке. Если жезл будет сделан аккуратно, никто и не догадается, что это колдовской атрибут. Тем более, что молитва или какой-нибудь наговор на свитке могут послужить дополнительной защитой. Чтобы не распознать, что это на самом деле.

– Отлично! – прошептал Джор. – Мы же могли бы еще написать на каждом пергаменте что-то особенное! Ну, там Гаоте, Йоре, Дине. Как думаешь?

– Я думаю, что особенного писать не нужно, – покачал головой Тис. – Ты еще скажи – признание в любви. Вот полезное – может быть. Кстати, вот и они.

Троица вышла из конюшни и направилась было в дом учеников, но, увидев Тиса и Джор, повернула к ним.

– Не нужен нам костный клей, – пробормотал Джор, который покраснел до ушей после слов Тиса о любви. – У меня есть кое-что, что его заменит. Точнее, я смогу обойтись без клея.

– А вы что здесь? – еще издали окликнула приятелей Гаота. – Смотрите на игру?

– Нет, – оживился Джор. – Занимаемся вашими жезлами. Думаем, скоро они будут готовы. Только... мне нужно вас потрогать.

– Это еще зачем? – не поняла Дина.

– И что ты собираешься трогать? – нахмурилась Йора.

– Ничего я не собираюсь, – вовсе залился краской Джор. – Просто надо почувствовать, какой жезл делать. Ну... это как настройка струнного инструмента... Просто за руку подержаться и запомнить. Жезлы ведь тоже надо настроить.

– Он не шутит? – строго спросила Тиса Дина.

– Нисколько, – покачал головой Тис. – У Джор обнаружился удивительный талант. Но обсуждать его будем позже, когда закончим это дело.

– Ладно, – сдвинула брови Дина и протянула руку Джор. – Держи, что ли.

– Вы бы поспешили с жезлами, – пробормотала Йора. – Скриб сказал, что скоро будет проверять, сколько мы смогли накопить силы.

– Как он будет проверять, если он даже не говорил, как надо силу эту копить? – не поняла Гаота. – Вон, Джай с Фlichem даже к Гантанасу ходили, потому что Скриб не дает ничего по этим предметам силы. А тот, говорят, вроде бы только посмеялся. Мол, это всего лишь проверка ваших стихийных возможностей.

– И что такое – эти самые стихийные возможности – не объяснил, – пробормотала Дина, отпуская руку вовсе запунцовевшего Джор и ошупывая свою ладонь. – Это нам Сиона рассказала. У нее конечно есть стихийные возможности, она же с погодой управляется. Что это было? Джор, ты колдовал, что ли? Щекотно как-то.

– Нет, – замотал головой Джор, лоя ладонь Йоры. – Я просто пытался почувствовать.
– И правда, щекотно, – засмеялась Йора. – Но меня-то что трогать? У меня же уже есть буквовая ручка?

– К ней нужна еще начинка, – объяснил Тис.

– Так вы жезлы делаете или пирожки собираетесь печь? – нахмурилась Гаота.

– А вот увидишь, – улыбнулся Джор и протянул руку Гаоте. – Теперь ты. И я, кажется, кое-что придумал. Тис, а начинка обязательно должна быть из металла?

– Как раз нет, – покачал головой Тис. – Металл для напряжения, для прочности, а основной материал должен быть живым. Ну, точнее более живым, чем металл. Лен, конопля, кора другого дерева, кожа, шерсть. Главное – долговечность, хотя прочность тоже важна. Но если мы начинку хорошо зальем клеем или чем-то, что ты там собираешься предложить, то любой материал сгодится.

– Не любой, – выпустил ладонь Гаоты Джор и подхватил на руки еще громче заурчавшего кота. – Святые боги, чем вы его кормите?

– Всем, что удастся урвать у Брока, – засмеялась Дина.

– Да ладно, – махнула рукой Йора. – Он сам на кухню ходит и уже подружился с новыми поварами, я видела, как они его подкармливали.

– Подожди! – замерла Гаота. – Ты хочешь запихнуть в жезлы Брайдика?

– Не целиком конечно, – хмыкнул Джор. – Мне нужна нитка из его шерсти. Довольно толстая. Для нитки, конечно. Вы же его вычесывали? Или нет? У кого под кроватью стоит корзинка с его шерстью?

– У меня... – прошептала Йора.

– Ну вот, – погладил Джор кота. – Кстати, Тис, а ведь это не просто кот.

– Это давно известно, – кивнул Тис. – Гантанас еще говорил... что этот зверь, конечно, не имни, но... связан с волшебством. Он из Фоскада.

– Я не знаю, что такое Фоскад, – отдал Тису кота Джор, – но как по мне, это лучший выбор. Вот, – Джор достал из-за пазухи веретено и отдал его Дине. – Чем быстрее вы спрядете хотя бы три или четыре локтя нити, тем быстрее получите жезлы. Между прочим, это веретено. И для жезла оно не годится. У тебя будет другой предмет силы.

– Но я не умею прясть! – воскликнула Дина.

– И я, – развела руками Йора.

– Да, с прядением у нас не все гладко, – надула губы Гаота.

– Кому тут нужно что-то прясть? – спросила Сиона, которая шла с Фаолой к игровой площадке.

– Нам, – оживился Джор. – Нам очень нужно четыре... нет, пять локтей толстой нити из шерсти вот этого кота. Правда, у нас нет прялки...

– Прялка есть у Хилы, – взяла из рук Дины веретено Сиона.

– А прясть умеет Мисарта, – по привычке показала язык Фаола и тут же схватилась за агатовый браслет на запястье. – Она помогала Хиле.

– Вы же не против, если она согласится помочь? – спросила Сиона.

– Нет, – ответила Гаота. – Не против. Я занесу корзинку с шерстью. Только вам, а вы уже отдадите Мисарте.

– Вот и отлично, – кивнула Сиона. – Тогда я забираю веретено.

– Иногда помогает и длинный язык, – заметила Дина.

– Демон меня раздери, – прошептал Джор. – Мисарта будет нам помогать? С ума сойти. Глядишь, так и от Джая будет какой-нибудь толк.

– Что там у вас случилось? – посмотрел на Гаоту Тис.

– Потом, – поморщилась та, глядя вслед Сионе, которая подошла к Мисарте, что сидела вместе с Йоккой с другой стороны игровой площадки на скамье, принесенной от дома учени-

ков. – Потом хотела рассказать, ну ладно. Намекну хотя бы. Кое-что можно сказать уже сейчас. На лошади Мисарты тоже есть ожоги. Но они едва различимы или были залечены по дороге. Даже Капалла их не сразу заметила.

– Вы сейчас про что? – не понял Джор.

– Мы продолжаем расследование убийства Спрая! – прошептала Дина.

– Но ведь его убил какой-то чужой колдун? – удивился Джор. – Что вы можете тут расследовать?

– Что-нибудь да расследуем, – понизила голос Йора и добавила, подражая голосу Гаоты. – Не все так однозначно!

– Вы лучше подумайте о странной потере памяти сразу и Мисартой, и Йоккой, – предложила Гаота. – И представьте, могло ли так случиться, что не было никакого колдуна? А Спрая убила, к примеру, Йока? Или Мисарта?

– Постой, – замотал головой Тис. – Но тогда получается, что в этом как-то замешан Гран?

– Получается, – кивнула Гаота. – Или же все наставники Приюта. Приглядишься, они все ходят, как будто что-то скрывают. Брайдем, правда, отговорился какими-то змеиными детьми, которые могут оказаться в новом наборе учеников на следующий год, но что-то рано наставники начали мрачнеть. Об этом, кстати, болтать не следует. Мы только вам сказали.

– А Глойны здесь нет поблизости? – насторожился Джор.

– Нет, – успокоила Джора Гаота. – Она честно старается быть видимой. И сейчас в Водяной башне, кормит ослика. Можешь быть уверен. Благодаря амулету Тиса я ее вижу, не напрягаясь.

* * *

Вечером Тис снова долго не мог уснуть. И не только потому, что у него сладостно ломило все тело, он не менее двух часов пытался выполнять какие-то упражнения в большом зале и даже сумел один раз подтянуться. Досадная мысль не давала ему забыться. Получалось, что беда, которая выпустила Тиса из стальных клещей в конце прошлого учебного года, не просто лишила его сил, но и расслабила его. Наполнила безмятежностью. Но ведь те, кто пытались сделать из Тиса орудие своих замыслов, те, которые убили его родителей, они же никуда не делись? Значит, и он должен помнить об этом каждую минуту своего пребывания в Приюте Окаянных. Рано или поздно они снова попытаются проникнуть в крепость, в этом у Тиса не было никаких сомнений.

На следующий день сразу после завтрака Тис вместе с Джором вновь явился в кузнецу Габа, где уже был и Яран. Тис снял с плеча меч и протянул его Габу. Кузнец кивнул, погладил ножны, ощупал рукоять, погладил изувеченную, неродную гарду, слегка выдвинул меч из ножен, покачал головой и тут же убрал его в шкаф и запер на всякий замок. Потом посмотрел на Ярана и сказал:

– Мы отойдем сейчас на час, бояться тебе нечего, но закрой кузницу изнутри. И не вздумай прикасаться к мечу.

– Так вы же его заперли? – вытаращил глаза Яран.

– Мало ли, – пожал плечами кузнец. – Если бы ты не был умельцем, тебя бы здесь не было. Потом Габ посмотрел на Тиса и Джора и добавил:

– Пошли. Я уже вчера попробовал кое-что, кажется, получается выполнить ваш заказ. Но без вашей помощи не обойдусь. В ней, кстати, и ослик нуждается. А корзина ваша уже там.

– Что за причина запирает кузницу? – спросил Тис, когда они вышли на площадь.

– Обычная предосторожность, – мрачно ответил Габ.

«Змеиные дети?» – подумал Тис, но вслух ничего не сказал. Джор тоже шел молча.

* * *

В Водяной башне их уже ждал Уинер. Ворот, которым ослик накачивал воду на верхней ярус северной башни, чтобы снабжать ею все помещения Приюта, был неподвижен. Сам ослик стоял в углу и не спеша пережевывал клок сена.

– Ну как? – спросил Габ.

– Все получилось, – ухмыльнулся Уинер. – Как ты и говорил. Конечно, осторожность требуется, но сначала надо именно что сверлить, а внешнюю поверхность снимать позже. Да, и стягивать основу при сверлении, а то может разлететься заготовка. Как вам?

Он взял с накрытого мешковиной стола обработанную палку и протянул ее Тису. Тот с восхищением посмотрел через сквозное отверстие на Джора, но палка была обработана и снаружи.

– Не обессудьте, – развел руками Габ. – Меньше чем на треть пальца канал просверлить не удастся. Тоньше сверла у меня нет. Или, скажем, есть, но не такой длины.

– Все отлично! – расплылся в улыбке Джор. – То, что надо. Но как вы это сделали?

– Это очень большой секрет, – погрозил пальцем Джору Габ. – Покажем?

– Да чего же не показать, – неожиданно ухмыльнулся Уинер и сдернул мешковину со стола.

Тис и Джор замерли в изумлении. Их взглядам открылось какое-то странное устройство. Оно напоминало двух изготовившихся клевать друг друга стальных птиц, но между их клювами была зажата, а точнее надета на тонкое стальное изящное сверло, которое удерживала клювом одна из птиц, деревянная заготовка, стиснутая клювом второй птицы. В довершение всего к той птице, что держала в клюве сверло, сверху подходил ремень. Тис поднял голову и тут только заметил еще одно не вполне понятное устройство на стене над столом. От него второй ремень уже шел к той оси, что должен был вращать ослик.

– Это ведь столярный станок? – спросил Тис. – Я видел похожие на рынке в Фионе. Но они были деревянными и маленькими. Мастера вытачивали на них деревянные кубки и всякую мелкую утварь. Иногда сажали на них точильный круг и правили ножи. А этот сделан из металла... Вот это отлито. А это? Как это сделано? Кто умеет резать металл как масло?

– Если бы я знал, – вздохнул Габ. – Это древняя мудрость. И это очень редкая и очень дорогая вещь. И доставлена она из руин Бейна. Древнего города мудрецов. Вы о нем почти ничего не знаете. Могу лишь добавить, что это стало возможным благодаря Юайсу. Но видишь, в чем проблема. От ножного привода такой станок работать не будет. Мы приспособили его к вороту, но ременная передача проскальзывает, а цепную делать трудно и долго.

– Да, – крикнул Уинер. – Думаю, что ребят подпускать к станку нельзя. Сверла другого у тебя во всяком случае нет.

– Тогда какой от нас толк? – скорчил жалобную гримасу Джор.

– А кто будет вращать ворот? – удивился Габ. – Ослика заставить ходить чуть быстрее нам так и не удалось. Даже с помощью морковки.

– Да он просто ею уже обожрался! – воскликнул Джор.

– Может быть, – кивнул Уинер. – В любом случае побыть осликами пока придется вам. Мы же для вас стараемся? Впрягайтесь. Да, Габ, думаю, за час мы управимся.

– И заодно подкачаем немного воды, – улыбнулся Тис.

– Главное, чтобы нас Джай не увидел, – пробурчал Джор. – А то ведь проходу не даст.

* * *

Через час Тис уверился, что у ослика не такая уж легкая жизнь и понял, что сегодня он уже в большой зал не пойдет. Ворот поворачивался с трудом, и рубашка на груди Тиса стала мокрой от пота. Впрочем, и рубашка Джора тоже отсырела. Зато корзина была набита высверленными и даже выправленными снаружи жезлами.

– Да тут на всю группу хватит! – заметил Габ.

– Сделаем столько, сколько будет нужно, – вытер пот со лба Джор. – Пожалуй, теперь и я бы не отказался от морковки. Хорошо, что я не ослик. И что же дальше?

– Возвращаемся в кузницу, – подхватил корзину Габ. – Спасибо, Уинер! Но, думаю, привод лучше делать водяной.

– Посмотрим, – отозвался Уинер, накрывая станок мешковиной. – Юайс обещал подумать и об этом. Ты же понимаешь, что этот станок вовсе не от такого привода работал?

– Лишь бы работал, – улыбнулся Габ.

В кузницу они шли молча, хотя Джор светился от радости. Уже возле кузнечной башни, прежде, чем постучать в дверь, Габ сказал:

– Я понимаю, что вашей троице вы все расскажете или почти все, но просто так не болтайте. Поверьте мне, у нас есть причины и быть мрачными, и опасаться неприятностей и снаружи приюта, и внутри него. Хочу попросить вас лишь об одном, чтобы вы были внимательны.

Яран открыл дверь на стук сразу. Габ зашел в кузницу последним, оставил корзину у входа и, покопавшись в ящике за верстаком, бросил Тису моток цветной проволоки.

– Вот, может быть, это подойдет. Тут и сталь, и медь, и разные мягкие сплавы меди и даже есть несколько кусков с добавлением серебра. Но все лишнее мне вернуть. И вот еще, – Габ снял с верстака что-то вроде изогнутого штыря с двумя рукоятками. – Примерно такой штукой старик, который учил меня, натягивал струну, когда вставлял ее внутрь жезла. Главное, не забыть сделать узелки на уровне концов жезла, а то соскочит струна, никакой клей не удержит. Ладно, сами разберетесь. А теперь давайте займемся твоим мечом. Ты не против, Тис, если Яран будет присутствовать?

– Нет конечно, – пожал плечами Тис. – Мне нечего скрывать.

– Хорошо, – пробормотал кузнец, снимая со стены какой-то странный, вышитый бисером и покрытый амулетами жилет.

– Вы всякий раз наряжаетесь, когда осматриваете старое оружие? – удивился Джор.

– Только в особых случаях, – ответил Габ. – Но, должен заметить, настоящие мастера, когда делают что-то важное, сначала моются и надевают на себя все чистое. С другой стороны, мыться каждый день никому не мешает.

Габ открыл шкаф, извлек из него меч Тиса. Потом еще раз осмотрел его, отложил в сторону ножны и долго рассматривал клинок. Затем, окинув взглядом всех троих, сказал:

– Скрывать не буду, Брайдем передал мне ваш разговор, и я готов с тобой согласиться, Тис. Это меч из Дорхадаса. Возможно, сделан по образцам древних учителей. Но есть только один дом, который не ставил клеймо на рукояти. Если я прав, вот здесь, под гардой будет клеймо орла.

– И что это будет значить? – спросил Тис.

– То, что этот меч повторить нельзя, – вздохнул Габ. – Этот кузнечный дом больше не существует. Все его мастера умерли, новых не появились. Такое случается.

– Род нужно продолжать, – подал голос Яран.

– Хотя бы через учеников, – кивнул Габ. – Что я еще могу сказать об этом мече? Если это дом Орла, то мечу не может быть меньше восьмидесяти лет. То есть, ты правильно предполо-

жил его возраст. А вот, что касается пустоты... Она точно имеет магическую природу. Или же этот меч тщательно очистили перед тем, как его продать...

– Не похоже, – усомнился Тис. – К чему очищать меч магическим путем и при этом небрежно счищать с него ржавчину. Как-то это все странно.

– Согласен, – пробормотал Габ. – Но если что, все эти сказки, которые, наверное, и до тебя доходили, что только напившись крови меч становится сам собой, это ерунда. Что-то может измениться только в том случае, если меч специально зачарован. Но здесь этого нет. Он даже... как будто мертвый.

– В нем боль? – вспомнил слова Гаоты Тис.

– Может быть, – сказал Габ. – Или воспоминание о какой-то боли. Не могу определить. Да я и не столь чувствителен. Но есть ощущение, что над клинком надругались. И это не очень совпадает с рассказами того продавца, о котором упоминали Синай и Слат. Я о страшной судьбе этого клинка. Мне еще нужно понять, почему Гантанас предложил отдать его тебе... Не довольно ли с тебя испытаний? Или он почувствовал, что только ты с ними сладишь? Подсобите.

Кузнец поднес меч к верстаку и, вставив оружие в прорезь, стал забивать киянкой деревянные зубья вокруг клинка, расклинивая его. Только после этого он взял стальной молоток и, подставляя деревяшку, чтобы не повредить случайно клинок, стал сбивать с него карду. Когда она все же слетела, Габ наклонился над тем местом, где клинок переходил в рукоять и улыбнулся:

– Гарду мы, конечно, сделаем другую. И даже защелкнуться будет. Но посмотрите. Я оказался прав! Почти прав...

Тис, а вслед за ним и Джор с Яраном наклонились над едва различимым, но выполненным со всем тщанием клеймом. Точно вдоль выступа, что должен был удерживать родную гарду оказался выгравирован расправивший крылья орел. Или нет... Это был человек с крыльями.

– Твоему мечу не двести лет, – пробормотал Габ. – А не меньше двух тысяч. И это непостижимо, что он так сохранился. По крайней мере такие клейма не ставились домом Орла уже две тысячи лет. Впрочем, надо проверить еще кое-что.

Следом за этим Габ сбил с рукояти навершие, но не остановился на этом, а взял тяжелые клещи и стал отворачивать то, что сначала Тису показалось частью навершия, но оказалось заглушкой самой рукояти. Но что там могло быть? Ведь рукоять обычно изготавливалась монолитной!

– Не удивляйся, – бормотал Габ, с трудом сдвигая захрясший колпак рукояти. – Кузнецы Дорхадаса всегда оставляли тайник под навершием. Другой вопрос, что там внутри. Это ведь может быть и амулет, и пергамент, и какая-то памятная вещица. Обычно это многое объясняет. Но, конечно, же, послужить причиной проклятия вряд ли может. Да и кто бы сказал, что в этом проклятии правда, а что вымысел. К тому же, если верить ощущением, тайник должен оказаться пустым. Откручивается туго, но мне отчего-то кажется, что недавно этот тайник уже открывали. Отойдите. Дальше. Отойдите к самой двери... А ну-ка... Осторожно... Сейчас...

Габ поймал открученную заглушку, наклонился над тайником и, побледнев, произнес:

– Земля. Просто земля...

И повалился на пол.

– Быстро! – выкрикнул Тис. – Яран! Быстро за Гантанасом!

– И за Гаотой! – выдохнул Джор. – И Фаолу позови! Бегом!

– Бегу, – ринулся к двери Яран.

* * *

Пожалуй во всей крепости только Тис, Джор и, может быть, Гаота могли разглядеть в полной ясности то, что выбралось из тайника в рукояти меча. Оно напоминало ту сущность, что тянула соки из Тиса, но эта тварь была гораздо опаснее. Она походила на клубящийся ком шипящих змей, но ее целью явно был не лишившийся чувств Габ. Всей своей силой, всей мощью страшная начинка древнего меча была устремлена на Тиса. Она рвалась к Тису, она зачаровывала Тиса, она должна была выжечь Тиса дотла и мгновенно, но амулеты и бисер на жилете Габа не позволяли ей скользнуть к цели, они задерживали ее, жгли ее, взрываясь и испепеляясь один за другим, но все-таки она сдвигалась в сторону вожаемой жертвы.

– На! – швырнул в клубок ивовый жезл Джор, и древняя палочка вспыхнула и задержала на мгновения неотвратимую смерть, испепелила сотую часть заклития, но не остановила его.

– Что делать, Тис? Что нам делать? – пролепетал Джор.

– Ничего, – покачал головой Тис, раскинул в стороны руки и шагнул вперед. – Спрячься за меня.

Он растянул руки как можно шире, растопырил пальцы, поблагодарил неслышно Габа за его предусмотрительность, Гантанаса за скопище защитных заклинаний на жилете Габа, Джор за брошенный ивовый жезл, Гаоту и собственных друзей за защитное заклинание, которое сейчас обжигало самого Тиса, но не давало ему поддаться страшному заклятию, оставило его в сознании, и стал сплетать то, что начало подниматься из самой глубины его существа. То, о чем он даже не подозревал. То, что не явилось к нему в страшных испытаниях на средней башне приюта несколько месяцев назад. То, отчего он и сам едва не умер. То, что он получил от своей матери или от ее предков, открыв страшный ключ под названием «Мертвые». Самая темная магия из возможных, та, о которой упоминала Мисарта, споря с Граном и называя ее черной, сейчас натягивалась между руками Тиса невидимой сетью, обжигая ему руки. За спиной Тиса заохал Джор, и Тис почувствовал, что его сила не убывает, а прибывает. Затянувшиеся мгновения, кажется, обратились в долгие минуты, вновь послышался скрип двери, и сил стало еще больше. И еще больше. И еще чуть-чуть больше, пусть даже Гаота, Дина и Йора начали попискивать от напряжения. Но при этом рос и клубок оскаливших пасти ядовитых змей, каждая из которых была способна лишить жизни едва ли не всех обитателей Стеблей. Они уже почти добрались до ног Тиса. Оставались какие-то жалки полтора шага.

Но заклинание было уже почти готово. Тис выкрикнул какие-то слова на незнакомом ему языке и хлопнул в ладоши. Замкнул сеть. И в то же самое мгновение змеи словно получили свободу, но бросились не на Тиса, а друг на друга, пожирая сами себя. И когда самая последняя из них попыталась сомкнуть пасть и скользнуть обратно под жилет застонавшего Габа, перед Тисом появилась преобразившаяся Фаола и пронзила ее своими лезвиями.

Глава седьмая

Твердость и хрупкость

– Все было из-за этого? – спросила Гаота.

Почти целый год троица не появлялась в личных покоях Гантанаса, что было в какой-то степени объяснимо, последний, пусть и единственный их визит к нему закончился небольшим пожаром, стол старшего наставника во всяком случае сгорел. Но после сегодняшней, едва не ставшей трагической истории, что приключилась в кузнице, их возвращение под крышу учительского дома, в обителище самого уважаемого из наставников, туда, где они получили собственные мечи и кое-что узнали про самих себя, все-таки состоялось. У центральной каминной трубы и одновременно опоры жилища Гантанаса стоял уже другой стол, полки вдоль стен были те же, и ящики, и коробки, и корзины, и кувшины на них стояли те же самые, и даже небо над головами, что заглядывало в мансардные окна, тоже, хотя теплая осень приукрашивала и его, но сам Гантанас уже не улыбался. Он сидел напротив трех одиннадцатилетних девчонок и смотрел куда-то в сторону.

– Мы сделали что-то не так? – осторожно предположила Дина.

– Что с Тисом? – спросила Йора. – Он опять что-то натворил?

– Нет, – негромко ответил Гантанас, и троица подумала, что их вечно худой и обходительный наставник явно нездоров.

– Вам плохо? – спросила Гаота.

– Нет, – повторил то же самое слово Гантанас и с некоторым усилием улыбнулся. – Мне не плохо. Мне трудно, сложно, нелегко. Но я отдаю себе отчет в том, что все мои нынешние трудности могут показаться однажды всего лишь забавным приключением. Впрочем, не могут. Ни одно приключение не может считаться забавным, если оно закончилось чьей-либо смертью.

– Вы сейчас вспомнили Спрая? – догадалась Гаота.

– Спрай был воином, – сказал Гантанас, поглаживая короткую бородку. – Это, конечно, не значит, что гибель воина менее болезненна, чем смерть обычного человека, но она всегда имеется в виду. Скалолаз всегда помнит, что может сорваться со скалы. Лекарь знает, что может заразиться от больного и умереть. А воин никогда не забывает, что рано или поздно удача может ему изменить. Но я сейчас вспомнил не Спрая. Я вспомнил Казура.

– Казура? – хором произнесли девчонки и с недоумением переглянулись.

– Я не знаю, говорил ли вам о нем, – заметил Гантанас. – Точнее, не помню. Тис о нем знает. Казуром звали мальчишку, примерно вашего ровесника. В то время, как мы разыскиваем талантливых детей и пытаемся их спасти от происков Черного Круга, а некоторых привозим сюда, Казур сам добрался до нашего края. Но не попытался войти в Стебли. Выжидал. Жил тут неподалеку, а мы его не заметили. Я даже не знаю точно, подходил ли он к Стеблям. Может быть, и не решился на это. Или Тида не было на месте, наверное, или мальчишка показался нам непримечательным. Последнее, вряд ли конечно. В любом случае мы его проглядели. Короче, он поселился в Дрохайте, чтобы приехать сюда через год. Подготовиться и попытать счастья. Неплохо устроился, хотя довольно странно говорить так о ребенке, трудился, но в итоге попал в лапы Черного Круга. Не один попал. Там был еще один парень, который пошел к черным колдунам с радостью, хотя, возможно, уже пожалел об этом. Но Казур не собирался в Черный круг. И его принесли в жертву. Пытали и убили. И в те мгновения, когда он подвергался пыткам, мальчишка показал себя неустрашимым воином. Он проявил себя, как человек со стальной волей. Он выстоял.

Гантанас помолчал немного и продолжил:

– Он мог стать очень сильным магом, этот Казур. И тот мальчик, что ушел с черными колдунами, возможно тоже. В будущем, конечно. Но даже если бы я точно знал, что они оба

окажутся ничемными колдунами, это не принесло бы мне облегчения. Случившееся – очень большая беда.

– Но ведь это было в прошлом году? – пожала плечами Дина. – Нельзя ведь горевать бесконечно? Надо жить дальше.

– С этим трудно спорить, хотя горе не спрашивает, можно ли войти, – вздохнул Гантанас и посмотрел на Йору. – С Тисом все в порядке. Настолько в порядке, что Хиле не потребуется ваша помощь, хотя то защитное заклинание, что вы на него наложили, едва его не обожгло, но зато оно же и помогло ему выстоять. Да, иногда одного без другого не бывает. Хотя и в этот раз надо благодарить не только вас троих, но и Джора с Фаолой, да и быстрые ноги Ярана, который успел вас позвать. Кстати, и с Габом тоже все хорошо. Он отделался легкими ожогами. И это тоже лучший из возможных исходов. И, следовательно, – Гантанас посмотрел на Дину, – вы сделали все так, как и должны были сделать.

– О чем же тогда будет наш разговор? – спросила Гаота.

– Об осторожности, – сказал Гантанас и, заметив, как вытягиваются лица у его собеседниц, добавил. – Не о той осторожности, о которой уже говорено и переговорено. Хотя и о ней тоже. Нет, об осторожности иного рода. Но сначала я, конечно, же должен объясниться с вами по поводу некоторого напряжения, которое возникло в крепости среди наставников, и которое вы не могли не заметить. У нашего беспокойства несколько причин. И главная из них в том, что некоторые события, которые произошли очень далеко от нас, свидетельствуют о том, что силы, желающие нам гибели, не дремлют и продолжают замышлять против нас и против всей Арданы разные пакости.

– Разве в этом есть что-то новое? – надула губы Дина.

– Кое-что есть, – кивнул Гантанас. – Если разбойник, который выходил на дорогу грабить странников с ножичком, выходит на нее с огромным мечом да еще наряжается в сверкающий доспех, пожалуй, есть повод поинтересоваться причиной такого парада. Хотя по сути, что тогда, что теперь – он всего лишь занимается грабежом. Да и жизни можно лишиться что ножичком, что мечом. К тому же, кажется, что и разбойник этот, и его меч пока что очень далеки от нас. Казалось, что далеки... То, что случилось в кузнице Габа – это ведь тоже отзвук тех далеких бед. Да, это была попытка убийства Тиса, попытка отмщения мальчишке, который отказался быть орудием страшных негодяев и даже вырвался из-под их опеки. Но одновременно, что очень важно, то, что случилось, стало результатом тонкого расчета, частью очень длинной и замысловатой игры, которая врагу почти удалась, ведь намеченный удар по Тису все-таки состоялся. Но было бы глупо не учесть еще кое-чего. Происшедшее ведь могло быть и попыткой отвлечь наше внимание от того, что произошло со Спраем, а отчасти – и с тем же Тисом, поскольку и та магия, что убила Спрая, и та, что медленно душила Тиса даже после его освобождения, и та, что едва не убила Габа, – колдовство одного разряда. Это магия мертвых. Запрещенная и презираемая, но практикуемая и очень опасная. То есть, независимо от того, что убийцам не удалось расправиться с Тисом, они как бы намекают нам, что вот эта магия пришла извне. Что нам не стоит процеживать прошлые события через мелкое сито, не стоит присматриваться к нашим новичкам и старожилам, что все имеет простое объяснение – снаружи крепости затаился враг.

– Именно снаружи? – уточнила Гаота.

– Получается, что так, – развел руками Гантанас.

– Но вы ведь не купитесь на эту обманку? – насторожилась Дина.

– А может все наоборот? – подала голос Йора. – Может, все проще? Не в том смысле, что смотрите, зло пришло снаружи, не ищите его внутри. А что если это просто вызов? Ищите где хотите. Все равно ничего не найдете. Зато все переругаетесь...

– Предполагать это всего лишь вызовом – было бы слишком просто и самонадеянно с нашей стороны, – покачал головой Гантанас. – А вот купимся мы или нет, другой вопрос. Дело

ведь в том, что если мы на что-то и купимся, то не поймем этого, пока не окажемся на краю пропасти, а то и не полетим в нее. Но ты, Йора, обмолвилась о важном. Переругаться несложно. Тем более, если для этого есть действительные причины. И говоря об этом, мы вплотную подходим к вашему очередному расследованию.

– Вам Брайдем что-то рассказал? – спросила Гаота. – Если рассказал, то получается, что он проникся нашими подозрениями?

– Мы все полны подозрений, – ответил Гантанас. – И все-таки я сейчас ни на кого не хочу бросить тень и никого не хочу обелить. Скорее я хочу обратить ваше внимание на то, что есть такие ситуации, когда главное не искоренить зло, а не причинить зла. Вы понимаете меня?

– Интересно... – пробормотала Гаота. – Не хотите ли вы сказать, что важнее не установить истину, а не возвести напраслину на невинных?

– Примерно так, – кивнул Гантанас. – Я, правда, поправил бы. Не стоит противопоставлять установление истины возведению напраслины. Речь должна идти о другом выборе – наказывать преступника менее важно, чем не наказывать невинного.

– Кажется, я поняла, – оживилась Йора. – Вы боитесь, что мы поспешим и обидим того, кто ни в чем не виноват. Ну там... Йоку, Мисарту, Грана. Не разберемся и обвиним.

– Или вы не об этом? – прищурилась Дина. – Наставник, уж не думаете ли вы, что нам грозит участь Спрая, если мы докопаемся до правды?

– Если нам и в самом деле грозит опасность, то она грозит нам в любом случае, – сказала Гаота. – Независимо до того, докопаемся мы до правды или нет. Ведь так?

– Нелегкое это дело, вести с вами беседу в качестве наставника, – спрятал улыбку Гантанас. – Хорошо. Вы и без меня все прекрасно понимаете, тогда я вам скажу лишь две вещи. Может быть, главные в этом случае. Первая из них состоит в том, что никто из наставников не счел погребение Спрая окончанием этой истории. Никто не знает, сколько она будет длиться, но лишь достижение полной ясности позволит нам по-настоящему проститься с нашим погибшим другом.

– Отлично! – пожала плечами Гаота.

– Второе менее очевидно, – задумался Гантанас, – но, возможно, еще более важно. У каждого из вас имеется своя собственная история. Но своя собственная история, зачастую известная лишь одному, двум человекам, есть и остальных учеников. Далеко не у всех из них она столь же трагична как у вас, но кое у кого она может оказаться куда сложнее вашей. Кое-кто, возможно, находится над пропастью. На тонких нитях, что соединяют его или ее и с мраком, и со светом. Думаю, вы понимаете, что сравнение сил, что сталкиваются вокруг нас, с мраком и светом достаточно условно?

– Надеюсь, мы все тут на стороне света? – оглянулась на подруг Гаота. – Условность ведь не помеха? Все равно же придется выбирать? Только что-то мне кажется, что всякий такой подвешенный не только рискует собственной жизнью, но и связывает нас через себя с врагом. Представляет собой опасность. Пока не оборвет нити с одной стороны. К примеру, ведущие к мраку.

– И тут же полетит вниз, – хмыкнула Дина. – При любом исходе – вниз.

– Ну почему же? – не согласилась Йора. – Он может уцепиться за те нити, что не лопнули!

– И не слабо приложиться об обрыв, – прищурилась Дина. – И все равно свалиться в пропасть. Если, конечно, не догадается, что надо что-то выбирать до того, как нити оборвутся!

– Похоже, всякое поэтическое сравнение грешит неточностями, – улыбнулся Гантанас.

– Подождите... – уставилась на Гантанаса Гаота. – Я, кажется, наконец поняла, какой осторожности вы от нас ждете. Не той, что позволит сохранить эти нити. Нет. Вы боитесь, что мы отпугнем кого-то, кто движется в нашу сторону! Так?

– Пожалуй, что да, – кивнул Гантанас.

– О ком хоть идет речь? – нахмурилась Дина. – О ком-то из учеников? Или даже о наставнике? А нельзя как-то набирать нормальных детей, чтобы никто из них не колебался с таким выбором?

– И вот еще вопрос! – вытаращила глаза Йора. – А может так случиться, что вот этот бедолага, что повис над пропастью, и сам не знает, что он над ней? Ну, к примеру, взять того же Джая! Ему кажется, что он по-прежнему на этой стороне, и он радуется, что учится в Приюте, и что с каждым днем становится красивее, умнее, сильнее, а он уже давно над пропастью! А?

– Точно! – прошептала Гаота. – Я не про Джая, конечно. Но вот этот... кто-то, что висит над пропастью... Знает он или не знает об этом – не важно. Что если несмотря ни на какие усилия, он движется на ту сторону? Или даже уже стоит на той стороне? Что вы будете делать? Убьете его?

Все трое замолчали. И Гантанас тоже не торопился с ответом. Гаота смотрела на наставника, замечала морщины у него под глазами и едва различимую дрожь в пальцах и думала, что было бы неплохо окружить Гантанаса и наложить на него руки всем потоком, чтобы глаза у него заблестели, а походка стала не шаркающей, а летящей.

– Однажды из вас могут получиться отличные наставники, – вздохнул Гантанас. – Но, я думаю, этому не бывать. Не потому, что Стебли рухнут или беда опустошит эти земли, тот, кто хочет учить юных, и тому, кому есть, чем поделиться, никогда не останутся без учеников. Нет, просто Дина слишком горяча для наставника, Йора – слишком добра, Гаота – слишком проникновенна. Это не ваши недостатки, нет. Это ваши достоинства, которые приведут вас на другой, может быть, более важный путь. Причем, я вовсе не имею в виду, что кто-то из вас недостаточно горяч, добр или проникновенен. Нет. Это всего лишь мой взгляд на вас нынешних. И я понимаю, что все может измениться. Хотя... И сегодня среди наставников полно тех, кто находится здесь вынужденно. К примеру, те же Юайс или Пайсина – это воины по сути. Деора и Роут – хранители мудрости и защитники тех, кто подвергается гонениям. Бейд и Брайдем – точки опоры для всех прочих, пусть даже Бейд кажется вам непререкаемым занудой. Гран и я, к примеру, прежде всего собеседники, потому как на вопрос, как воспитывать детей, есть лишь один ответ, раскрывающий всего лишь два неразделимых друг от друга способа воспитания – говорить с ними и служить им наглядным образцом. Что касается ваших вопросов, то я, конечно же, не скажу вам, о ком идет речь. Точно так же, как я и не поведаю кому-нибудь другому те тайны, которые кто-то из вас может доверить мне. И дети сюда прибывают не из лавки, где можно осмотреть и ощупать товар и выбрать тот, что устраивает во всех отношениях. К тому же, ребенок – это не занятная вещица, это прежде всего человек. Сегодня он не колеблется, а завтра полон сомнений. Сегодня он плачет при виде раздавленной бабочки, а завтра готов пнуть котенка или наоборот. Может ли так оказаться, что кто-то из нас повис над пропастью и не знает об этом? Вполне. Но может ли так оказаться, что тот, кто совершает зло или склоняется ко злу, не понимает этого? Вряд ли. Другой вопрос, какова глубина оправданий, что он придумывает для себя? Или они ему вовсе не требуются? Это ведь тоже имеет значение. И, конечно же, мы никого не убьем. Даже если кто-то из вас скажет, что он хочет стать черным колдуном.

– А если кто-то из нас убьет кого-то? – в тишине прошептала Гаота. – Не обязательно кого-то вроде Спрая. А, к примеру, меня, Дину, Йору, Тиса, Джора, Глойну? Фаолу, Сиону? Кого-то из наставников? Вы убьете... кого-то из нас в ответ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.